

ISSN 2619-1636

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ЭТНОЛОГИЯ

Historical
Ethnology

2023

Том 8. № 3

Vol. 8. No. 3

DOI: 10.22378/he.2023-8-3

ISSN 2619-1636

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ. 2023. Том 8. № 3

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Государственное бюджетное учреждение «Институт истории
имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан»
(420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А)

Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77-86148 от 19 октября 2023 г.
выдано Роскомнадзором

Выходит 3 раза в год

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А. Тел./факс (843) 292 84 82 (приемная)

© Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2023

© «Историческая этнология», 2023

HISTORICAL ETHNOLOGY. 2023. Vol. 8. No. 3

ONLINE ACADEMIC JOURNAL

FOUNDER AND PUBLISHER:

State Institution «Shigabutdin Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences»
(420111, Kazan, Baturin St., 7A)

Certificate of registration in the Mass Media ЭЛ № ФС 77-86148
received from Roskomnadzor on October 19, 2023

Published 3 times a year

ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE:

420111, Kazan, Baturin St., 7A. Tel./Fax (843) 292 84 82 (reception)

© Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2023

© “Historical Ethnology”, 2023

<https://historicaethnology.org>

E-mail: his.ethnology@gmail.com

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор: Габдрахманова Гульнара Фаатовна, доктор социологических наук, доцент, заведующая отделом этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Ответственные редакторы по специальной теме номера: Асанканов Абылабек Асанканович (Институт истории, археологии и этнологии Национальной Академии наук Кыргызской Республики, Бишкек, Кыргызская Республика); Бикбулатова Аниса Рифовна (Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызская Республика)

Редактор татарских текстов: Муртазина Ляля Раисовна (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

Редактор английских текстов: Шарифуллина Диляра Рашитовна (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация)

Ответственный секретарь: Гатина-Шафикова Дина Фасыховна (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

EDITORIAL OFFICE

Editor-in-Chief: Gulnara F. Gabdrakhmanova, Doctor Sc. (Sociology), Associate Professor, Head of the Department of Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Managing Editors for Special topic of the issue: Abylabek A. Asankanov (Institute of History, Archeology and Ethnology of the Kyrgyz Republic National Academy of Sciences, Bishkek, Kyrgyz Republic); Anisa R. Bikbulatova (Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn, Bishkek, Kyrgyz Republic)

Tatar Editor: Lyalya R. Murtazina (Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

English Editor: Dilyara R. Sharifullina (Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation)

Managing Secretary: Dina F. Gatina-Shafikova (Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бари Донна – Ph.D. (политология), профессор политических наук, директор программы Патерно Феллоус, Университет штата Пенсильвании (Юниверсити-Парк, США)

Бисенова Алима – Ph.D., ассистент-профессор кафедры социологии и антропологии Школы естественных, социальных и гуманитарных наук, Назарбаев университет (Нур-Султан, Республика Казахстан)

Бустанов Альфрид Кашафович – Ph.D., ассистент-профессор гуманитарного факультета, Амстердамский университет (Амстердам, Нидерланды)

Габдрафикова Лилия Рамилевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Гибатдинов Марат Мингалиевич – кандидат педагогических наук, заместитель директора по научной работе, руководитель Центра истории и теории национального образования, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Головнев Андрей Владимирович – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук (РАН), директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Забирова Айгуль Тлеубаевна – доктор социологических наук, доцент кафедры социологии колледжа гуманитарных и социальных наук, Университет Зайед (Аль-Айне, ОАЭ)

Иноуэ Ацуси – заведующий кафедрой Корнелиуса Вандербильта и профессор экономики факультета экономики, Университет Вандербильта (Нашвилл, Теннесси, США)

Квилинкова Елизавета Николаевна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы, Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси (Минск, Республика Беларусь)

Курбанова Земфира Ибрагимовна – доктор исторических наук, заведующая отделом этнографии Каракалпакского научно-исследовательского института гуманитарных наук Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан (Нукус, Республика Узбекистан)

Лентон Адам – Ph.D., факультет политических исследований, Университет Джорджа Вашингтона (Вашингтон, США)

Салихов Радик Римович – доктор исторических наук, директор Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан, академик АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Сейдаметов Эльдар Халилович – кандидат исторических наук, заведующий Крымским научным центром (КНЦ), Институт истории им. Ш. Марджани

АН РТ; доцент кафедры истории, Крымский инженерно-педагогический университет (Симферополь, Российская Федерация)

Султангалиева Гульмира Салимжановна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой «Всемирная история, историография и источниковедение», Казахский национальный университет имени аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Титмайер Элизабет – профессор, директор Музея Европейских Культур (Берлин, Германия)

Хакимов Рафаэль Сибгатович – доктор исторических наук, научный руководитель Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, академик АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Хотопп-Рике Миесте – доктор тюркологии, директор Института Кавказских, Татарских и Туркестанских исследований (ICATAT) (Магдебург, Германия)

Чичек Хусейн – доктор наук, профессор, Институт исламоведческих, теологических исследований, Университет Вены (Вена, Австрия)

Ягафова Екатерина Андреевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии, истории и теории мировой культуры, Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Российская Федерация)

EDITORIAL COUNCIL

Donna Bahry – Ph.D. in Political Science, Professor in Political Science, Director of the Paterno Fellows Program, Pennsylvania State University (University Park, USA)

Alima Bissenova – Ph.D., Assistant Professor at the Department of Sociology and Anthropology, School of Sciences and Humanities, Nazarbayev University (Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan)

Alfrid K. Bustanov – Ph.D., Assistant Professor, Faculty of Humanities, University of Amsterdam (Amsterdam, Netherlands)

Liliya R. Gabdrafikova – Doctor of Science (History), Chief Research Fellow at the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Marat M. Gibatdinov – Candidate of Science (Pedagogy), Deputy Director for Research, Chief of the Center for History and Theory of National Education, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Andrey V. Golovnev – Doctor of Science (History), Professor, Corresponding Member at the Russian Academy of Sciences, Director of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)

Aygul T. Zabirova – Doctor of Science (Sociology), Associate Professor at the Department of Sociology, College of Humanities and Social Sciences, Zayed University (Al-Ain, United Arab Emirates)

Atsushi Inoue – Cornelius Vanderbilt Chair and Professor of Economics, Department of Economics, Vanderbilt University (Nashville, Tennessee, United States)

Elizaveta N. Kvilinkova – Doctor of Science (History), Associate Professor, Leading Research Fellow, K. Krapiva Institute of Art History, Ethnography and Folklore, Center for Research on Belarusian Culture, Language and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk, Republic of Belarus)

Zemfira I. Kurbanova – Doctor of Science (History), Head of the Department of Ethnography, Karakalpak Research Institute for the Humanities, Karakalpak Branch of the Uzbekistan Academy of Sciences (Nukus, Republic of Uzbekistan)

Adam Lenton – Ph.D., Department of Political Science, The George Washington University (Washington, USA)

Radik R. Salikhov – Doctor of Science (History), Director, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Academy Fellow at the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Eldar Kh. Seydametov – Candidate of Science (History), Chief of the Crimea Research Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences; Associate Professor of the Department of History, Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russian Federation)

Gulmira S. Sultangalieva – Doctor of Science (History), Professor, Chief of the Department “World History, Historiography and Source Studies”, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Elisabeth Tietmeyer – Professor, Director of the Museum of European Cultures (Berlin, Germany)

Rafael S. Khakimov – Doctor of Science (History), Academic Director, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Academy Fellow of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Mieste Hotopp-Riecke – Doctor of Turkology, Director of the Institute for Caucasian, Tatar and Turkestan Studies (ICATAT) (Magdeburg, Germany)

Rafael V. Shaidullin – Doctor of Science (History), Professor, Chief of the Encyclopedic Center, Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Hüseyin Çiçek – Dr. habil., Professor, Institute of Islamic and Theological Studies, University of Vienna (Vienna, Austria)

Yekaterina A. Yagafova – Doctor of Science (History), Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of World Culture, Samara State Socio-Pedagogical University (Samara, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Специальная тема номера: Опыт изучения этнокультурных взаимосвязей кыргызов и алтайских тюрков

(отв. ред. А.А. Асанканов, А.Р. Бикбулатова)

- Асанканов А.А.* Этнокультурные аналогии в традиционной культуре кыргызов и южных алтайцев: ретроспективный анализ материалов российско-кыргызской этнологической экспедиции 2022 года 317
- Жолдошов Р.Ж.* Родоплеменные связи кыргызов и алтайских народов по этнологическим данным 327
- Конурбаева Р.Э.* Терминология традиционных продуктов питания в алтайском и кыргызском языках: лексико-семантический анализ 341
- Акматалиева Ж.Б.* Лексико-семантические параллели в кыргызском и алтайском языках (этимология родства и тела человека) 353

Традиционная культура тюрков в музейных собраниях

- Калашиникова Н.М.* Собиратели гагаузских коллекций Российского этнографического музея 363
- Донина Л.Н.* Высокорельефная чеканка в казанско-татарской ювелирной традиции: историко-технический анализ 374

Институт управления в тюрко-исламском мире

- Lohlker R.* The *Kutadgu Bilig*: some characteristics and its relation to the idea of rule 389
- Бабаджанов Д.К.* Данные о ярких представителях мусульманской элиты Хорезмского ханства XIX века, хранящиеся в фотоколлекции Хивинского государственного музея-заповедника «Ичан-кала» 394

Микроистория и культура повседневности

- Габдрафикова Л.Р.* Частная жизнь татарской женщины дореформенной эпохи (на примере Мензелинского уезда) 407
- Зиннәтуллина А.Ә.* «Нәсыйхәтнамә ли-әһле замана» (Маһруй Мозаффариянең язма мирасы) 422
- Баһаветдинова Х.З.* Ямаширмә авылы мәктәбенә – 120 ел 432

Хроника научной жизни

- Камаева Е.В.* Рецензия на сборник статей «Социальное и национальное в советской культуре: к 65-летию декады татарского искусства и литературы в Москве» (Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2022. 436 с.) 442

CONTENTS

Special topic of the issue: Research Experience of the Ethnocultural Relations between the Kyrgyz and Altai Turks

(Managing editors *A.A. Asankanov, A.R. Bikbulatova*)

- Asankanov A.A.* Ethnocultural analogies in the traditional culture of the Kyrgyz and South Altai people: retrospective analysis of the materials of the russian-kyrgyz ethnological expedition 2022 317
- Zholdoshov R.Zh.* Tribal relations of the Kyrgyz and Altai peoples according to ethnological data 327
- Konurbayeva R.E.* Terminology of traditional food products in Altai and Kyrgyz languages: lexical-semantic analysis 341
- Akmatalieva Zh.B.* Lexical-semantic parallels in the Kyrgyz and Altai languages (etymology of kinship and the human body) 353

Traditional Turkic Culture in Museum Collections

- Kalashnikova N.M.* Collectors of Gagauz collections of the Russian Museum of Ethnography 363
- Donina L.N.* High-relief coinage in the Kazan-Tatar jewelry tradition: historical and technical analysis 374

Institute of Management in the Turkic-Islamic World

- Lohlker R.* The *Kutadgu Bilig*: some characteristics and its relation to the idea of rule 389
- Babadzhanov D.K.* Data on prominent representatives of the Muslim elite of the Khorezm khanate of the 19th century, stored in the photo collection of the Khiva State Museum-Reserve “Ichan-Kala” 394

Microhistory and Culture of everyday

- Gabdrafikova L.R.* Private life of a Tatar woman of the pre-reform era (on the example of the Menzelinsk Uyezd) 407
- Zinnatullina A.A.* “Nasihatname li-ehle zamana” (the written legacy of Makhruj Muzaffariya) 422
- Bagautdinova Kh.Z.* 120th anniversary of Yamashurma rural school 432

Chronicle of scientific life

- Kamaeva E.V.* Review of the collection of articles “Social and National in Soviet Culture: to the 65th anniversary of the Decade of Tatar Art and Literature in Moscow” (Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2022. 436 p.) 442

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:
ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ
КЫРГЫЗОВ И АЛТАЙСКИХ ТЮРКОВ

УДК 391

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ АНАЛОГИИ В ТРАДИЦИОННОЙ
КУЛЬТУРЕ КЫРГЫЗОВ И ЮЖНЫХ АЛТАЙЦЕВ:
РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ МАТЕРИАЛОВ РОССИЙСКО-
КЫРГЫЗСКОЙ ЭТНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 2022 ГОДА

А.А. Асанканов

*Институт истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова
Национальной Академии наук Кыргызской Республики
Бишкек, Кыргызская Республика
abylabek.asankanov@mail.ru*

Статья открывает рубрику, посвященную проблеме этнокультурных связей тюркских народов. Ее автор описывает четыре явления традиционной культуры южных алтайцев, которые были обнаружены им во время этнологической экспедиции в Республику Алтай. Все они в той или иной форме свойственны традиционной культуре кыргызов. Речь идет об игре *чатыраш*, которая возрождена алтайцами, утеряна кыргызами, но упоминается в кыргызском эпосе “Манас”. Вторым свидетельством является ритуал подачи *уча* – крестца, который является кульминацией подачи пищи у алтайских народов и кыргызов, самым почетным блюдом. Однако, кыргызы подают его более широкому кругу родственников. Третьим – одинаковые традиционные приемы разделывания туши барана, названия его костей, порядок подачи частей животного во время трапезы, предпочтение конины. Наконец, зафиксированное во время экспедиции алтайское слово *тагыл* позволило автору выдвинуть гипотезу о его сходстве с кыргызским *Сан-Таи* как явлений, связанных с камнями. Автор приходит к заключению о тесной этногенетической и этнокультурной связности кыргызов и южных алтайцев, возникшей в эпоху средневековья.

Ключевые слова: полукочевое скотоводство, вертикальное кочевание, этнокультурные связи, примитивное мотыжное земледелие.

Для цитирования: *Асанканов А.А.* Этнокультурные аналогии в традиционной культуре кыргызов и южных алтайцев: ретроспективный анализ материалов российско-кыргызской этнологической экспедиции 2022 года // Историческая этнология. 2023. Т. 8. № 3. С. 317–326. DOI: 10.22378/he.2023-8-3.317-326

В 2022 г. южных районах Республики Алтай была проведена российско-кыргызская этнологическая экспедиция. В ее состав вошли научные сотрудники Института истории, археологии и этнологии Национальной академии наук Кыргызской Республики, преподаватели Кыргызского национального университета им. Жусупа Баласагына, Кыргызского государственного университета им. И. Арабаева, научные сотрудники и преподаватели Алтайского государственного университета, Горно-Алтайского государственного университета, Национального музея Республики Алтай им. В.А. Анохина. Экспедиция осуществлялась в рамках проекта «Большой Алтай. Единство и многообразие», инициатором которого выступило руководство Алтайского государственного университета.

Целью экспедиции стало выявление этногенетических и историко-культурных связей кыргызов и народов Алтая. Перед исследователями стояла задача проследить «общее» и «отличительное» в этнической истории, хозяйстве, материальной и духовной культуре традиционного общества конца XIX – начала XX вв. Участники экспедиции в период с 31 июля по 12 августа 2022 г. посетили Национальный музей Республики Алтай, в котором хранится ценная информация и вещественные источники по истории этнических общностей Алтая с древнейших времен до современности. Во время экспедиции удалось побывать в поселениях южной части Республики Алтай (село Каспа Шеболинского района, село Мондур Соккон Уст-Канского района; село Ябоган и село Онгудай Онгудайского района), провести этнологическое обследование местного населения, побывать в местных краеведческих музеях, в которых собраны и выставлены ценные материалы, отражающие различные аспекты народной культуры и истории. В статье проблематизируется вопрос о параллелях в культуре алтайских народов и кыргызов. Их изучение имеет большое значение для прослеживания этногенетических и историко-культурных связей в тюркском мире.

Республика Алтай расположена на юге Западной Сибири – на юго-востоке она граничит с Монголией, Китайской Народной Республикой, на юго-западе с восточным Казахстаном, на востоке с Республикой Хакасия и Республикой Тыва. Республика Алтай расположена на территории хребтов -Катунского, Северного и Южного Чуйского, достигающих 3000–4000 м над уровнем моря, самая высокая гора Белуха достигает 4500 м. На территории протекают крупные реки Обь и Иртыш. Северная часть республики характеризуется горнолесным рельефом, а начиная с юга столицы – города Горно-Алтайск – горными степными ландшафтами. По мере продвижения на юг постепенно прореживается лесной массив и усиливается просторный степной хребет с альпийскими лугами. Высокие и степные хребты разделяются узкими и глубокими речными долинами, редкими широкими межгорными котловинами, удобными для выпаса скота и вертикального кочевания скотоводов.

В северной лесной части Республики Алтай расселены тубалары, челканцы, кумандинцы, которые занимались охотой на копытных и пушных зверей, рыболовством, собирательством кедровых орехов, ягод, дикой конопли для из-

готовления холста. Традиционным занятием было кузнечное дело, развивалась металлургия. Вспомогательным хозяйством были отгонное скотоводство. Местные народы держали овец и лошадей, иногда крупный рогатый скот. Существовало мотыжное земледелие, выращивали ячмень.

Южная часть Алтая была занята алтай-кижи, теленгитами, телесами, проживающими в бассейне реки Катунь и ее притоков. Эти народы в основном занимались полукочевым скотоводством, разводили лошадей, крупный и мелкий рогатый скот. Вспомогательными видами хозяйства были примитивное мотыжное земледелие и охота в степи. Рыболовством занимались мало.

Во время пребывания в районном центре Онгудайского района – селе Онгудай, автору удалось познакомиться с традиционной игрой *чатыраш*. За последние полстолетия алтайцы восстановили, возродили эту забытую народную игру. Сегодня она бытует повсеместно. В последние годы начали проводиться личные и командные чемпионаты в масштабе республики по правилам, утвержденным комитетом по физической культуре и спорту Республики Алтай. Строки об игре *чатыраш* (*шатра*) встречаются в устном народном творчестве алтайцев. В эпосе «Козын-Эркеш» о ней говорится так:

Жажыл торко чиби бүриле
Кеен јараш јапаш эткен
Козын-Эркеш баатыр ла
Байым-Суур – кеен кыс
Шатра ойноп, јыргап отурды¹.

Сделав себе чудесный шалаш
Из шелковисто-зеленых ветвей ели,
Богатырь Козын-Эркеш
С девушкой-красавицей Байым-Суур,
Играя в шатру, веселились.

По мнению алтайских исследователей, умение хорошо играть в *шатру* (*чатыраш*) считалось одним из достоинств положительного героя. Упоминание игры *чатыраш* находим в кыргызском эпосе “Манас”. В нем, в разделе “*Чоң казат*” (Манас, 2016: 161) имеются такие строки:

Андан мурун эр Манас
Аралап өтүп көп колдон,
Кымкаптаган чатырда
Чай кайнатып, нан малып,
Сары аякка бал салып,
Чатыраш ойноп, даң салып
Отурган эле кошунда.

Прежде всего храбрый Манас,
Прорвался через многочисленные войска,
В красиво украшенной палатке,
Окунал свой хлеб в заваренный чай,
С медом в желтой пиалке,
Сидел в окружении своих соратников,
Играл в игру “Чатыраш”,
Издавая громкие возгласы!

¹ Алтай шатра. URL: https://vk.com/topic-73021882_31158599 (дата обращения: 1.06.2023).

В эпосе “Манас” игра *чатыраш* упоминается несколько раз и во многих вариантах. Однако, сейчас, эта традиционная игра у кыргызов забыта, она не бытует в культуре. Вместе с тем слово *чатыраш* сохранилось до сегодняшнего дня и означает рисунок в клетку (например, *чатыраш дептер* – тетрадь в клетку). Оно постепенно выходит из оборота слов и редко применяется в бытовом общении. Знаток алтайского языка протоирей В.И.Вербицкий в созданном им “Словаре алтайского и аладагского наречий тюркского языка” пишет, что *шатра* – это игральные шашки, шатра ойно-игра в шашки (Вербицкий, 2005: 447). В учебном пособии «Манасоведение», подготовленном учеными и манасоведами для образовательных учреждений Кыргызстана, пишется, что «игра кыргызов *чатыраш* – это шахматы» (Манасоведение, 2011).

Как показали результаты нашей этнологической экспедиции в Онгудайский район Республики Алтай, традиционная игра алтайцев *чатыраш* не является игрой в шашки или шахматы. Как по форме, так и по содержанию *шатра* отличается от игры в шашки и шахматы. *Шатра* – это настольная игра, которая лишь отдаленно напоминает шахматы и шашки. Для нее берется специальная доска и два вида фигур: богатыри (*баатырлар*) и воины (*жуучылдар*). С.Я. Пахаев описывает традиционный вариант игры следующим образом. В ней участвуют две стороны игроков, которые являются двумя богатырями, которые сражаются с 24 воинами. Богатыри стремятся «порубить» как можно большее число воинов и тем самым одержать над ними победу. Целью воинов является пленение богатырей. Конечная цель игры для стороны, играющей воинами, состоит в создании такой позиции, когда богатыри лишены возможности сделать очередной ход. Богатыри могут быть закрыты на любых точках доски, как в крепости, так и в поле. Целью стороны, играющей богатырями, является взятие наибольшего числа фигур воинов и недопущения «пленения» ими своих богатырей. Для противника, играющего воинами, проигрышем служит потеря большинства, т.е. 13-ти фигур и отсутствие возможности «пленить» богатырей; положение, когда в течение 24 ходов с момента получения права передвижения фигур не осуществлено «пленение» богатырей; трехкратное повторение ходов одной и той же фигурой на одни и те же точки. Для противника, играющего богатырями, партия считается проигранной, если воины «пленили» обоих богатырей, т.е. этими фигурами нельзя сделать очередного хода. Партия заканчивается только тогда, когда победит одна из играющих сторон. Подобные алтайской игре *шатра* имеются и у других народов Центральной Азии (монгол, тувинцев)².

Этимология слова *шатра* согласно «Древнетюркскому словарю» объясняется перенятым с персидского языка словом *шатрандж*, обозначающем шах-

² Там же.

маты. Известна древнеиндийская игра *чатуранга*, относящаяся к VII–VIII вв. н.э. и считающаяся прародителем шахмат³.

Традиционная игра *чатыраш* у кыргызов и *шатра* у алтайских народов бытовала в древности. Эти игры свидетельствуют об этногенетических связях народов, единстве их историко-культурной общности. Сейчас эта традиционная игра сохранилась в быту алтайцев, у кыргызов – только в устном народном творчестве, в частности в героическом эпосе «Манас».

Во время полевых работ в селе Мөндүр Соккон Уст-Канского района автору удалось увидеть *айыла* (*алачык* – кырг.) – очищенный *уча* – крестец (задок) (Юдахин, 1985: 312) молодого (годовалого или двухгодовалого) жеребца (*тай*, *кунан*). Хозяйка дома объяснила, что *уча* она с мужем получила в гостях у сватов во время свадьбы дочери. У алтайских народов *уча* подают только на свадьбе молодых и в ее конце. Ритуал является кульминацией подачи пищи у алтайских народов, и как и у кыргызов, является самым почетным блюдом⁴. *Уча* в первую очередь подается свахе – матери невесты. Согласно традициям алтайских народов, хозяева дома отделяют мясо от костей и ставят его на видное место на полке в айыле. *Уча* находится там до тех пор, пока в молодой семье не появится ребенок и она не окрепнет. Когда родители убедятся в том, что молодые крепко держатся друг за друга, семья уверенно стоит «на ногах», *уча* убирают с полки. Таким образом, *уча* по алтайским обычаям служит символом молодой, крепкой, дружной семьи, продолжением рода. *Учу* подают только свату и свахе на свадьбе, как и у кыргызов. Однако, кыргызы подают *уча* – крестец – и на других семейных торжествах, и не только свату и свахе, но и почетным гостям, по старшим возрасту людям. Эти особенности, на наш взгляд, объясняются тем, что этот древний обычай, вероятно, претерпел изменения из-за миграции кыргызов в середине второго тысячелетия на Тянь-Шань (Мокеев, 2010: 116). Выявленная параллель в традиционной пище у южных алтайских народов и кыргызов свидетельствуют об их этногенетической и историко-культурной связи в прошлом.

В экспедиции удалось увидеть процесс разделки туши барана и подачи его мяса у южных алтайцев. Он практически не отличается у кыргызов и алтайцев. Алтайцы пускают кровь и умертвляют барана не разрезанием передней части шеи (горла), а с помощью небольшого разреза грудной клетки, через который указательным пальцем ловко вырывается аорта. После этого *касапчы* (мясник) отделяет шкуру от мяса, убирает голени. Разделка туши, в целом, проходит как у кыргызов. Прежде чем вскрыть внутренности барана, *касапчы* отрезает с грудины (*төш*) небольшой тонкий кусок мяса с шерстью размером чуть больше ладони руки для *керчөө* (кожа грудной части – алт., кырг.) и передает его по-

³ Там же.

⁴ У кыргызов *уча* обычно подаются гостям перед тем, как будет подано крошеное мясо с лапшой из муки и бульоном (*нарын*). *Уча* является важной частью трапезы.

мощнику. Последний, немного посолив этот кусок мяса и поджарив его на огне минут 5–10 минут, разрезает на небольшие куски размером с человеческий палец и угощает всех присутствующих. Остальные этапы разделки туши барана у алтайцев полностью совпадают с кыргызскими. Совпадают и с не большей разницей названия двенадцати костей – *жиликов*, головы – *башы*. Алтайцы сдирают кожу от головы барана, не разделяют ее нижнюю часть от верхней, голову варят целиком (ПМА, 2022).

Молодые женщины и девушки, которые помогают *касапчы*, тщательно моют водой кишки заколотого барана, заполняют их кровью и готовят кровяную колбасу *кан-быжы* (*быжы* – алт.). Из кишков, внутреннего жира, тонко нарезанного *карына* (брюшина) и легкого барана женщины заплетают в форме ленты – *жөргөм* (кырг.), *дөргөм* (алт.).

Мясо заколотого барана варится в казане полтора-два часа. До его подачи, через полчаса после разделки барана гостям подается *куйрук-боор* (*куйрук-боор* – алт.) – тонко нарезанную печень и немного пересоленный жир от *куйрука* – задка. Еще через полчаса подается варенная *быжы* – колбаса из крови. Через некоторое время, минут через 15–20, гостей угощают *жөргөм* (*дөргөм*). Таким образом, у алтайцы и кыргызов наблюдается одинаковый ритуал подачи блюд, когда во время варки мяса баранины по-очередно подают быстро готовящиеся части животного – *куйрук боор*, *быжы* и *жөргөм*. Так гости утоляют голод в ожидании основного блюда – вареного мяса. Оно подается на большом подносе в виде *устуканов* – кости вместе с бульоном и *талканом* (толокно). Распределитель костей (*жилик*), хорошо знающий какую часть туши должен получить каждый гость, приступает к раздаче мяса. *Жилик* подают с учетом возраста и статуса гостя. Автору статьи, как самому старшему из гостей, подали грудину (*төш*), подчеркивая тем самым уважением по алтайской традиции. Самый младший член экспедиции получил *жамбаш* – тазобедренную кость, которая у кыргызов считается самым почетным *устуканом*. Этот обычай требует внимательного изучения. На наш взгляд, в древности и средневековье, когда кыргызы обитали на Алтае вместе с алтайскими этническими общинами, подача *жилик* людям, принимающим участие в трапезе, вероятно, имела сакральное значение. Оказавшись на новом месте, на Тянь-Шане, соприкасаясь с иной этносоциальной средой, культурой и религией, эта традиция у кыргызов трансформировалась, и, вероятно, приобрела практический характер. В пользу этой гипотезы свидетельствует еще один факт из пищевых культуры алтайцев. Этот народ традиционно предпочитал конское мясо, особенно молодых, 1,5–2,5 годовалых жеребцов (Потапов, 1953: 54). Алтайцы, как и кыргызы, готовили мясо впрок на зиму – *согум* (алт., кырг.), и предпочитали при этом конину. Молодую лошадь обычно режут в ноябре-декабре, а мясо хранят в квадратной деревянной нише, сделанной главой семьи. Нишу засыпают снегом. Мясо хорошо хранится до весны. У южных алтайцев *чочух* (*чучук* – кырг.) – колбаса из мяса (*казы*) перед-

ней брюшной стенки конины и конской толстой кишки (*карт* – алт., кырг.), вывернутой наизнанку (жиром внутрь) – является любимыми и почитаемыми блюдами, как и у кыргызов.

Таким образом, традиционные приемы разделывания туши барана, названия его костей, порядок подачи частей животного во время трапезы почти одинаковы у алтайцев и кыргызов. Оба народа отдавали предпочтение конине. Указанные традиции приема пищи подтверждают тесную этногенетическую и историко-культурную связь кыргызов с южными алтайцами.

Когда экспедиция оказалась в селе Ябоган Шевалинского района, расположенном в предгорье, исследователи оказались свидетелями традиции посещения сельчанами невысокой предгорной местности, называемой *Тагыл* (*Тагылы*). Оно является местом поклонения. По мнению Э.В. Екеевой и Э.А. Белековой слово «тагыл» (или *сан-таш*) имеет значение как: 1) небольшой алтарь у огня; 2) сооружение из камней (*күре*)⁵; 3) место совершения обрядовых действий (Екеева, Белекова, 2018: 8–9). *Тагыл* – жертвенник квадратной формы, сооружаемый при проведении календарных обрядов и народных праздников, место, на котором люди поклоняются хозяевам-духам местностей и священных источников. *Тагыл* делают из ствола дерева (*чурка*) или сооружают из плоских камней высотой 1,5 м и длиной 70 см (Екеева, Белекова, 2018: 8–9). Участники обряда просят у Всевышнего мира, добра, хорошую погоду, устраивают угощения.

У современных кыргызов слово *тагыл* активно не употребляется, оно вышло из словарного оборота народа. Однако, в репертуар создателя первого ансамбля комузистов «Темир», заслуженного артиста Кыргызской ССР Адамкалыя Байбатырова (1895–1953) входил известный наигрыш – *кюю* «*Тагылдыр тоо*», который игрался на *темир ооз комузе*. Этот наигрыш исполнял ансамбль, созданный А.Байбатыровым – талантливым композитором, основателем кукольного творчества в Кыргызстане в 30–50-е годы прошлого столетия. Наигрыш «*Тагылдыр тоо*» переводят на кыргызский язык как «Судьба гор». Музыка этого наигрыша-*кюю* является мелодичной с переливами. Долгие годы она была позывной известных радио- и телепередач Кыргызской Республики.

В восточной части села Тюп у входа в урочище Каркыра Тюпского района Иссык-Кульской области находится большой курганный комплекс Сан-Таш. Центральным в этом комплексе является большой курган с каменной насыпью, известный под названием «Сан-Таш». Высотой он более трех метров, диаметром свыше 50 м. Вокруг большого кургана группированы курганы других типов – каменно-земляными насыпями округлой формы. На наш взгляд, *тагыл* у

⁵ *Күре* – это жертвенник, выложенный из каменных плит, в форме почти правильного куба различных размеров. Его устраивают на открытом к востоку склоне горы. Он бывает высотой 1 м, длиной 2 м, шириной 1 м. На стороне, обращенной к востоку, сооружают два *тагыла* высотой 0,5 м. На *тагылах* жгут можжевельник (*арчын*), перед ним совершается возлияние молока (Екеева, Белекова, 2018: 8–9).

алтайцев и Сан-Таш у кыргызов, вероятно, имеют общие корни. Эти явления, связанные с камнями, у алтайского и кыргызского народов нуждаются в дальнейшем уточнении. Бытующий до сих пор религиозный обряд, связанный с горой (*тагыл*), у алтайских народов, сохранение этого слова в названиях наигрышей у кыргызов, на наш взгляд, является отголосками историко-культурной связей кыргызов с народами Алтая в прошлом.

Нами показаны только отдельные, случайно встречавшиеся во время полевых работ, этнокультурные явления, бытующие в культуре алтайских народов, исчезнувшие или забытые у кыргызов, но сохранившиеся в названиях некоторых предметов. Приведенные примеры параллелей в этнической культуре отражают этногенетические и историко-культурные связи кыргызов с народами Горного Алтая в древности и средневековье.

ИСТОЧНИКИ

ПМА 2022 – Полевые материалы экспедиции в Устканский район Республики Алтай, июль-август 2022 г.

ЛИТЕРАТУРА

Вербицкий В.И. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Изд-е 2-е. Горно-Алтайск: «Ак-Чечек», 2005.

Екеева Э.В., Белекова Э.А. Культурная атрибутика в традиционном мировоззрении алтайцев. Горно-Алтайск, 2018.

Манас. Баатырдык эпос. Үчилтиктин биринчи бөлүгү. Канондоштурулган вариант. Бишкек, 2016.

Манасоведение. Учебное пособие / Под редакцией *К.К. Иманалиева, Р.З. Кыдырбаевой, А.А. Бакирова, Ж.К. Орозобековой, Т.А. Бакчиева, Н.Х. Бекмухамедова.* Бишкек, 2011.

Мокеев А. Кыргызы на Алтае и на Тянь-Шане. Бишкек, 2010.

Потанов Л.П. Пища алтайцев. Сборник музея антропологии этнографии. Том XIV. М.-Л., 1953. С. 37–52.

Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь. В двух томах. Том 2. Фрунзе, 1985.

Сведения об авторе: Асанканов Абылабек Асанканович, доктор исторических наук, профессор, академик Национальной Академии наук Кыргызской Республики, директор Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова Национальной Академии наук Кыргызской Республики (720071, просп. Чуй, 265а, Бишкек, Кыргызская Республика); abylabek.asankanov@mail.ru

Поступила 03.08.2023

Принята к публикации 19.09.2023

SPECIAL TOPIC OF THE ISSUE:
**RESEARCH EXPERIENCE OF THE ETHNOCULTURAL
RELATIONS BETWEEN THE KYRGYZ AND ALTAI TURKS**

**ETHNOCULTURAL ANALOGIES IN THE TRADITIONAL
CULTURE OF THE KYRGYZ AND SOUTH ALTAI PEOPLE:
RETROSPECTIVE ANALYSIS OF THE MATERIALS
OF THE RUSSIAN-KYRGYZ ETHNOLOGICAL EXPEDITION 2022**

A.A. Asankanov

*B. Dzhamgerchinov Institute of History, Archeology and Ethnology
of the Kyrgyz Republic National Academy of Sciences
Bishkek, Kyrgyz Republic
abylabek.asankanov@mail.ru*

The article opens a section devoted to the problem of ethnocultural ties of the Turkic peoples. Its author describes four phenomena of the traditional culture of the southern Altai people, which were discovered during an ethnological expedition to the Altai Republic. All of them in one form or another are characteristic of the traditional culture of the Kyrgyz. The paper discusses the game *chatyrash*, which was revived by the Altaians, lost by the Kyrgyz, but it was mentioned in the Kyrgyz epic “Manas”. The second evidence is the ritual of serving *ucha* – rump, which is the culmination of serving a meal among the Altai peoples and the Kyrgyz, the most honourable dish. However, Kyrgyz people serve it to a wider circle of relatives. The third one is similar traditional methods of butchering a sheep carcass, names of its bones, the order of serving parts of the animal during a meal, and preference of horsemeat. Finally, the Altai word *tagyl*, recorded during the expedition, allowed the author to put forward a hypothesis about its similarity with the Kyrgyz *San-Tash* as a phenomena associated with stones. The author comes to the conclusion about the close ethnogenetic and ethnocultural connection between the southern Altaians and the Kyrgyz, which emerged in the Middle Ages.

Keywords: semi-nomadic cattle breeding, vertical nomadism, ethnocultural ties, primitive hoe farming.

For citation: Asankanov A.A. (2023) Ethnocultural analogies in the traditional culture of the Kyrgyz and South Altai people: retrospective analysis of the materials of the russian-kyrgyz ethnological expedition 2022. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 8. No. 3: 317–326. DOI: 10.22378/he.2023-8-3.317-326 (In Russ.)

REFERENCES

- Ekeeva E.V., Belekova E.A. (2018) *Cult paraphernalia in the traditional worldview of the Altai people*. Gorno-Altai. (In Russ.)
- Manas. Baatyrdyk epic* (2016). Vol. 1. Kanondoshturulgan option. Bishkek. (In Kyrg.)
- Manasology* (2011). Textbook. K.K. Imanalieva, R.Z. Kydyrbaeva, A.A. Bakirova, Zh.K. Orozobekova, T.A. Bakchieva, N.Kh. Bekmukhamedova (eds.). Bishkek. (In Russ.)
- Mokeyev A. (2010) *Kyrgyz in Altai and Tien Shan*. Bishkek. (In Russ.)

Potapov L.P. (1953) Food of the Altai people. In: *Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography*. Vol. XIV. Moscow-Leningrad: 37–52. (In Russ.)

Verbitskiy V.I. (2005) *Dictionary of the Altai and Aladag dialects of the Turkic language*. 2nd edition. Gorno-Altai: Ak-Chechek Publ. (In Russ.)

Yudakhin K.K. (1985) *Kyrgyz-Russian dictionary*. Vol. 2. Frunze. (In Russ.)

About the author: Abylabek A. Asankanov, Dr. Sc. (History), Professor, Academician of the Kyrgyz Republic National Academy of Sciences, Director of the B. Dzhamgerchinov Institute of History, Archeology and Ethnology of the Kyrgyz Republic National Academy of Sciences (265a, Chuy Ave., Bishkek 720071, Kyrgyz Republic); abylabek.asankanov@mail.ru

Received August 3, 2023

Accepted for publication September 19, 2023

УДК 811.512:81.362(575.2)

РОДОПЛЕМЕННЫЕ СВЯЗИ КЫРГЫЗОВ И АЛТАЙСКИХ НАРОДОВ ПО ЭТНОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Р.Ж. Жолдошов

*Институт истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова
Национальной Академии наук Кыргызской Республики*

*Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына
Бишкек, Кыргызская Республика
zholdoshovryskul@mail.ru*

В статье анализируются родоплеменная структура кыргызского и алтайского народов. Опираясь на труды известных исследователей в области этнологии, автор делает акцент на этногенетических связях кыргызов с алтайцами, прежде всего с южными алтайцами. В работе раскрывается проблема этнических связей указанных общностей, к раскрытию которой привлекаются полевые материалы. Дается интерпретация некоторых племенных и родовых названий у кыргызов и алтайцев, показывается их сходство, отражающее древние этногенетические связи. Причиной идентичных названий стала миграция кыргызов в средневековье на запад, их расселение на территориях гор Монгольского Алтая и истоков долины реки Иртыш. Собранные данные показывают, что средневековые кочевые племена, жившие в Алтайском регионе и Прииртышье, участвовали в формировании двух этносов. Полученные в результате исследования выводы дополняют картину кыргызско-алтайских связей.

Ключевые слова: Кыргызы, Тянь-Шань, Иртыш, алтайцы, племя, род, этногенетическая связь, этнос.

Для цитирования: *Жолдошов Р.Ж.* Родоплеменные связи кыргызов и алтайских народов по этнологическим данным // Историческая этнология. 2023. Т. 8. № 3. С. 327–340. DOI: 10.22378/he.2023-8-3.327-340

Формирование кыргызского народа, как самостоятельного этноса, невозможно представить в отрыве от общей истории народов Южной Сибири и Центральной Азии. Об этом говорилось на научной сессии 1956 г., посвященной проблеме происхождения кыргызов. Ее участниками было признано, что этот народ формировался на основе двух основных этнических компонентов – центрально-азиатского и южно-сибирского (Итоги и рекомендации..., 1956: 234). Серьезный вклад в изучение этнической истории кыргызов и алтайцев внесли исследователи XIX–XX вв. Н.Я. Бичурин (Иакинф), А.И. Левин, Ч.Ч. Валиханов, В.В. Радлов, Н.А. Аристов, Г.Е. Грумм-Гржимайло, В.В. Бартольд, А.И. Бернштам, С.М. Абрамзон, К.И. Петров, Л.П. Потапов, О.К. Караев, И.Б. Молдобаев, А.Мокеев. Отдельное внимание в трудах Н.А. Аристова,

Г.Е. Грумм-Гржимайло, В.В. Бартольда, С.М. Абрамзон, К.И. Петрова, Л.П. Потапова получил вопрос об общности названий племен у кыргызского и алтайского народов, таких как *кыпчак*, *найман*, *меркит* или *муркүт*, *төөлөс*, *керейит* (у алтайцев – *кергит*), *мундуз* (у алтайцев – *мундус*), *азык* (у алтайцев – *аз*) (Абрамзон, 1990: 40–42). Исследователи едины во мнении о том, что параллели в родоплеменных названиях свидетельствуют о родственных связях кыргызских и алтайских народов. Языковые сходства между ними, общность их традиций, обычаев, культурных и хозяйственных представлений свидетельствуют о единстве первоначального генезиса.

До начала XX в. алтайцы не представляли собой единого народа и не имели общего самоназвания. Они делились на ряд нередко изолированных друг от друга родоплеменных или территориальных групп, занимающихся разными занятиями, ведущих разный образ жизни, различающихся по этническому происхождению и именовавших себя по родоплеменному или территориальному признаку. Формирование алтайцев как единой общности на основе новой культуры и быта различных районов Горно-Алтайской области произошло в советское время (Потапов, 1969: 14–15).

В составе алтайской этнической общности выделяются две различные по происхождению этнографические группы, имеющие особенности в языке, культуре, быту, антропологии. Эти различия постепенно сгладились лишь к середине XX века. Северные алтайцы, говорящие на северо-алтайском языке – тубалары (левобережье реки Бии и северо-западное побережье Телецкого озера), кумандинцы, телеуты и челканцы называли себя куу-кижи. Языковеды относят северо-алтайский язык к северо-алтайской группе тюркских языков. Северные алтайцы антропологически относятся к уральскому типу большой монголоидной расы, как и угорские, самодийские народности. Южные алтайцы (алтай-кижи) или собственно алтайцы, говорящие на южноалтайском языке, проживают в бассейне реки Катунь и её притоках. Выделяются телеуты (в Кемеровской области) и теленгиты (телесы) (на юге от Телецкого озера), которые во Всероссийской переписи 2002 г. учитывались как отдельные народы. Часть телесов (*төлөс*), живших преимущественно по р. Чулышману, Башкаусу и Улагану, называла себя улаан-кижи, т.е. люди Улагана. Южно-алтайский язык относится к кыргызско-кыпчакской группе тюркских языков.

Этнокультурные связи кыргызов с народами Алтая носят разносторонний характер. Многие ученые считают, что этногенетическая и культурно-хозяйственная связность кыргызов и алтайцев (особенно с южными алтайцами) является очевидным и бесспорным фактом (Аристов, 2003:43–51; Абрамзон, 1990: 22–27; Молдобаев, 1989: 90–113). В процессе формирования этих народов участвовали одинаковые этнические компоненты. Важным источником об историко-культурном прошлом народов Алтая и Тянь-Шаня являются богатые народные этногонические материалы (этногония), сведения о родоплеменной структуре и фольклорное наследие кыргызского и алтайского народов.

О родственных связях кыргызско-алтайских народов существует множество генеалогических преданий. Одна из легенд о кыргызах, бытующей у алтайцев, гласит, что когда-то в давние времена кыргызы были жителями Южного Алтая. В то время здесь простирались голые степы. Для орошения пашен кыргызы прорыли ирригационные каналы. Когда на Алтае стали расти деревья, то им померещились рога, вылезавшие из земли. Испугавшись, кыргызы в одну ночь перекочевали далеко на юг, где не растут деревья (Бутанаев, 1989: 75). Еще одну легенду в Горном Алтае записал И.Б. Молдобаев. В ней говорится о том, что некогда кыргызы жили вместе с алтайцами, составляя народ одного ханства. Примерно триста лет тому назад, во время войн и бедствий состоятельные люди – кыргызы, имеющие скот, начали откочевывать в далекие края. Не имеющие лошадей и оставшиеся, т.е. “калмаки” (на тюркском языке “калмаки” означает остатки, оставшиеся – прим. авт.) в горах Алтая стали именоваться алтайцами (Молдобаев, 2003: 42). В этих сюжетах легенд наблюдаются отголоски того, что алтайцы и кыргызы издавна жили вместе, а кыргызы находились в горах Алтая.

В генеалогических легендах Тянь-шанских кыргызов не отразился период их проживания на берегах Енисея. Но они знали, что на территорию Тянь-Шаня (Ала-Тоо) их народ пришел из Центральной Азии, т.е. из Кангая (Хангай) и Алтая. О землях Алтай-Кангай очень много говорится в кыргызском фольклоре, особенно в эпосе «Манас». Об этом писал кыргызский знаток старины Белек Солтоноев: «В словах многих старейшин (аксакалов) услышал, что кыргызы пришли сюда (т.е. на Тянь-Шань) из Алтая-Кангая» (Солтоноев, 2003: 107). Народные кыргызские генеалогические предания гласят, что кыргызы в прошлом обитали на землях Кангая и Алтая (Жолдошов, 2000: 80–121).

В средневековье, после того как кыргызы уничтожили уйгурский каганат в 840 г., они переселились из Абакана в Южную Сибирь на территорию нынешней Центральной Монголии, в горные массивы Кангая (Хангай). Письменные источники подтверждают, что кыргызский правитель (*ажо*) разгромив Уйгурский каганат, переселился на эти земли со своим народом. Уйгурская столица – город Карабалгасун (*Орда балык*), был расположен в верховьях реки Орхон в Кангайских горах в Центральной Монголии. О переселении кыргызов в Кангайские горы, близ верховьев реки Орхон, говорится в письмах китайского императора кыргызскому *ажо*. В них говорится: «Мы слышали, что этой осенью вы переедете в Орду уйгуров и полностью разрушите их великое государство» (Ли Вэйгун, 2003: 28). Эта информация была написана между 22 февраля и 22 марта 844 г. (Восточные авторы, 1994: 25). В источнике «Син тан шу» пишется: «...тогда он (кыргызский *ажо*) перенес свой столицу в южную часть Лао-Шаньских гор. Гору Лао-Шань также называют Ду-ман. Эти горы стоят на 15-дневном пути от того места, где когда-то жили уйгуры, в конном шествии» (Син Тан шу, 2003: 44). Гора Ду-Ман, расположенная в 15 днях к северу от горы Кангай, где проживала уйгурская династия, соответствует современному хребту Танну-Ола. Расстояние между Минусинской долиной, ранее населенной

кыргызами, и горами Кангай, населенными уйгурами, составляет примерно два месяца верхом. Следовательно, после победы кыргызов над уйгурами они двинулись в южную сторону от гор Танну-Ола, на север горы Кангай. Переселение кыргызов на Кангайские горы в период образования «Великого государства кыргызов» привело к изменениям в их этническом составе. Согласно историческим источникам, небольшая часть кыргызов остается в Минусинской долине на реке Енисей (Кыргызстандын тарыхы, 2016: 476).

Кыргызский каганат просуществовал до 20-х гг. X в. Его центральная часть располагалась на Кангайском нагорье. Каганат мог быть разрушен вторжением кара-кытайцев (киданей) или внутривосточным кризисом до их прихода. Но кыргызы были тесно связаны с кара-кытайцами. Об это много сведений содержится в эпосе «Манас». Судьба кыргызов после распада Кыргызского каганата является предметом споров и разногласий среди ученых. Подавляющее большинство исследователей полагают, что после распада Великой державы, кыргызы в Центральной Азии вернулись на север, к реке Енисей и в горы Саян. Например, по мнению Ю.С. Худякова, в X в. кыргызы перенесли свою ставку с территории Монголии по реке Кемчик в Тыву (Туву) (к истоку Енисея) (Худяков, 1995: 80). Исторические источники дают другую информацию. В начале X в. после потери крупного государственного устройства – Кыргыз и Кэм-кэмджиут, кыргызы оказались разделены на две смежные друг с другом части. Одна часть была переселена в Енисейскую долину (Кэм-кэмджиут) на севере, вторая – на верховья реки Иртыш и в горы Монгольского Алтая в Западной Монголии (область Кыргыз).

Какая-то часть кыргызов жила в Минусинской долине, на реке Енисей. Это та часть кыргызов, которая осталась здесь после переселения кыргызских племен во главе с кыргызским *ажо* в Кангайские горы в Центральной Монголии в середине IX в. Некоторая часть кыргызов, переселившаяся на Енисей после падения каганата, возможно, осталась в долине Тувы (Тывы) на реке Кемь (Улуг-Хем, Ха-Хем) в верховьях Енисея. Подавляющее большинство кыргызов ушло на запад, в сторону гор Алтая, относительно небольшое количество кыргызов могло пойти в сторону реки Енисей. По данным русских источников, общая численность енисейских кыргызов не превышала 15–25 тыс. человек (Абдыкалыков, 1986: 81–99). Общая численность кыргызов на Тянь-Шане, ушедших в монгольский Алтай, была значительно больше переселившихся в Сибирь.

Письменные источники X–XII вв., особенно мусульманских авторов, показывают, что большинство кыргызов с Кангайских гор двинулось на запад, т.е. в области Монгольского Алтая и за его пределы. С X в. сведения о кыргызах стали приводить мусульманские авторы. В X–XII вв. река Или в Центральном Тянь-Шане стала самой восточной точкой распространения ислама, поэтому большинство мусульманских авторов было незнакомо с далекой от этих областей Южной Сибирью. Ибн Хордадбех (820–912), Ибн ал-Факих (написал свой труд в 903 г.), Абу аль-Фарадж Кудаман Ибн Джафар (написал свой труд в 928 г.) в своих произведениях ограничиваются этнонимом «кыргыз». После па-

дения Кыргызского каганата информации о кыргызах в произведениях мусульманских авторов становится больше. В них показывается, что кыргызы жили недалеко от Центрального Тянь-Шаня, в котором проживали мусульмане того времени.

В труде аль-Истахри, написанном в 930–933 гг. и отредактированном в 950 г., повествуется о том, что “кыргызы” соседствуют с народами, проживавшими на большой территории от Монгольского Алтая до Восточного Тянь-Шаня. В произведении указывается, что соседями кыргызов были кимаки, жившие в среднем течении Иртыша на западе, тогузгузы (уйгуры) восточного Тянь-Шаня на юго-востоке, хазладжи на севере современного Кыргызстана, на юге и большое море на северо-востоке (Караев, 1968: 33–34). Тот же автор сообщает, что река Иртыш начинается недалеко от родины кыргызов в X в. (Караев, 1968: 36). Эти сведения подтверждают, что кыргызы жили непосредственно в горах Монгольского Алтая и вокруг реки Черный Иртыш. Авторы того времени Ибн Хаукал и Абу Дулаф дали схожие сведения о территории проживания кыргызов.

Кыргызы упоминаются в историческом письменном источнике “Худуд аль-алам”. Этот труд был написан в 982 г. и обнаружен в 1892 г. в Бухаре русским востоковедом А.Г. Туманским (поэтому сочинение иногда называют «Анонимом Туманского»). В нем говорится о том, что исток реки Иртыш (Кара Иртыш) берет свое начало в горах на границе между кыргызами и кимаками. Средневековые мусульманские авторы считали, что река Волга (Итиль, Рас) берет начало в Иртыше и впадает в Каспийское море (Хазарское море) (Восточные авторы, 1994: 42).

Авторы XI в. Гардизи и Махмуд Кашгари описывают кыргызские территории как относительно близкие к региону между Алтаем и Восточным Тянь-Шанем. Шараф аз-Заман Тахир аль-Марвази, живший во второй половине XI – начале XII вв., около 1120 г. завершает работу над «Табай аль-Хайван» («Природа животных»). В этом историческом труде говорится о том, что кыргызы являются соседями кимаков на севере и ягма, карлуков на юге, и что они живут в южной части Алтая, в северной части Восточного Тянь-Шаня. Аль-Марвази дает много интересных сведений о кыргызах. В частности, автор указывает на то, что распространение ислама среди кыргызов началось с изменения у них практики кремации из-за соседства мусульманами (Караев, 1968: 54). В этот период распространение ислама на восток ограничивалось рекой Или в Восточном Тянь-Шане. Поэтому кыргызы могли жить по соседству с мусульманами только в Восточном Тянь-Шане или на юге алтайских гор.

Аль-Марвази пишет о кочевниках, бежавших на запад из-за вторжений кара Кытайского (Киданского) государства, основанного в начале X в. Он описывает эти события следующим образом: «Из китайской земли прибыли племена кун (хун), бежавшие от китайского хана. Они христиане-несторианцы... За ними последовали многочисленные племена кай. Кайи захватили их пастбища, потому что они были намного сильнее кунов. А те вошли в землю шариев (са-

ры), шари ушли в землю туркменов, туркмены двинулись в восточные районы гузов, гузи у берегов армянского моря, на земле баджанакон (печенегов)». Некоторые историки считают, что эти события произошли в XI в. (Ахинжанов, 1980: 47). Однако, если рассмотреть некоторые факты, то вывод будет другим. Исторические источники показывают, что кочевые племена, вовлеченные в миграцию в XI в., были одним из коренных народов Восточного Тянь-Шаня и Алтая. Махмуд Кашгари, живший в XI в., описал племя *кай*, являющееся одним из местных кочевых тюркских народов, расселенном на западе от кыргызов, татар и ябаков (Махмуд ал-Кашгари, 2005: 69–70, 858). В тексте говорится, что племена *кун* и *кай* бежали от Кытайского (Кара Кытайского) хана. В начале X в. образованное Кара Кытайское государство Ляо вторглось в Центральную Азию и разрушило «Великую державу» кыргызов. На наш взгляд, аль-Марвази говорит о миграции, происходившей в начале X в. после падения Кыргызского каганата, и о кочевниках, ранее подчинявшихся кыргызам из-за давления со стороны кара кытайцев.

Массовые переселения народов в средневековье происходили неслучайно, они всегда были связаны с политическими и хозяйственными событиями. После падения Кыргызского каганата в район Тянь-Шаня с востока пришло большое количество тюрков-кочевников, в том числе хакан-тюрки, династия каракханидов, основавших в середине X в. (942 г.) государство Караханидов. Если в сочинении аль-Марвази упоминается эта миграция, то большое количество кыргызов могло мигрировать из Кангайских гор в Центральной Монголии в западную часть Монгольского Алтая.

Еще один арабский географ ал-Идриси в XII в. в географическом сочинении «Китаб нузхат ал-муштак фи-хтирак ал-афак» рассказывает главным образом об экономической жизни кыргызов и занимаемой ими территории (Караев, 1968: 57–60). Арабский автор размещает кыргызов на юго-востоке от кимаков и на востоке от ягма и карлуков, т.е. между Монгольским Алтаем и Восточным Тянь-Шанем. Эта территория четко просматривается на «круглой карте мира» ал-Идриси.

Анализ сведений мусульманских авторов X–XII вв. показывает пребывание части кыргызов в рассматриваемую эпоху в районе гор Алтая и на его западных границах. Средневековые китайские и мусульманские авторы в своих трудах повествуют о том, что этот народ в IX–XII вв. проживал в горах Кангай и Алтая. Их данные подтверждают сведения кыргызских преданий о том, что кыргызы жили на Алтай-Кангае и именно оттуда пришли на Тянь-Шань (Ала-Тоо). Значит формирование кыргызского народа происходило в Кангайских и Алтайских горах Центральной Азии.

Когда кыргызы пришли из Кангайских гор на территорию Алтая и в Прииртышье, там в основном проживали кимако-кыпчакские племена. Исторические источники свидетельствуют о том, что здесь проживали *кимаки*, *огузы*, *карлуки*, *ябагу*, *басмылы*, *уйгуры* (*тогуз огузы*) и другие племена. Кыргызы смешались с ними: какая-то часть вошла в состав кимако-кыпчакских племен,

часть кимако-кыпчаков, наоборот, включилась в состав кыргызов. Источники показывают, что политическая власть и государственное устройство кыргызов, переселившихся на запад, перешли в новый регион.

В IX в. кимаки и кыпчаки проживали на территории Алтая и Иртыша. Про них гласит генеалогическая легенда, зафиксированная в середине XI в. персидским историком Гардизи в его труде «Зайн-ал Ахбар». В легенде повествуется о том, что... один из сыновей татарского правителя по имени Шад откочевал на реку Иртыш и там с семи человеком из родственников татар стал жить. От этих людей появляются семь племен: Ими, Имак (Йемек), Татар, Баяндер, Кыпчак, Ланиказ и Аджлад (Караев, 1968: 55–60). В конце IX в. в состав Кимакского государства входило семь племенных групп: *ишк, ланиказ, аджлад, айрум, баяндур, татар, кыпчак*.

С первой половины X в., когда кыргызы пришли на Алтай и реку Иртыш, начинается формирование кыргызской общности. Оно продолжилось до XII в. Местное население участвовало в происходящем этническом процессе. Политическая власть находилась в руках кыргызов. Придя на новые земли на западе, они ассимилировали местные племена и сформировали новую этнодуальную организацию, характерную для кочевников X–XII вв. В ходе этнического процесса в кыргызском обществе на территории Южного Алтая и северной части Восточного Тянь-Шаня сформировалась новая этносоциально-племенная организация «правое и левое крыло» (*оң канат* и *сол канат*). Процесс формирования и становления этой этнодуальной организации кыргызского народа происходил в X–XII вв. Начало сложения кыргызского этноса относится к этому периоду.

Правое и левое крыло стало политико-военной и территориально-административной единицей государственного устройства, традиционно использовавшейся в кочевых племенных обществах со времен древних гуннов. Считается, что племена, входящие в правое крыло кыргыз, являются суперстратом, состоящим в основном из пришедших кыргызских племен, а племена, входящие в левое крыло, состоят из местных компонентов субстрата (Кыргызстандын тарыхы. Т.1: 488–290). Эти крылья еще называют цвето-семантическими именами: правое крыло – *ак уул* (*ак огул* – белый сын), левое крыло – *куу уул* (*куу огул* – бледно-желтый сын).

Значение имени *куу уул* левого крыла может быть связано с названием кимако-кыпчаков – «бледный», «бледно-желтый», «желто-белый». Русские использовали тюркский цвет «*куу*», переводимый как «половой» – светло-желтый, блеклый, изжелта-белый, желтоватый. Поэтому кыпчаков называли «половцами». Их тюркоязычные племена называли *сары-кыпчак* или *куу-кыпчак* (жёлтые кыпчаки), то есть «половцы» – это славянский перевод тюркского этнонима. Племена кимако-кыпчакского объединения широко использовали цвет *куу* (бледно-желтый) при самоназваниях, например, *куу кижси, куманды, кимако, кумык, сары, сарык, саруу, сары кыпчак*. Название северо-алтайской народности *куу кижси* (челканцы) иногда переводилось на русский язык как «лебеди» или

«лебединцы»), видимо от тюркского слова *куу* или *ак куу* (лебедь). Фактически, этот этноним происходит от средневековых семантических названий кимако-кипчаков *куу* – бледно-желтые, *кижи* – это человек или люди, т.е. *куу кижии* – это бледно-желтые люди. Такой же смысл имел этноним «кумандинцы». Как упоминалось ранее, видимо, название *куу уул* левого крыла кыргызского родоплеменного объединения происходит от семантического названия *куу* средневековых кимаков-кипчаков.

Основные племена северных алтайцев – тубалары, кумандинцы, телеуты и челканцы (*куу-кижи*), возможно, состояли в основном из остатков средневековых кимако-кыпчакских племен. В левое крыло современных кыргызов входит восемь племен. Этногенез подавляющего большинства из них, например, племен *саруу*, *кушчу*, *кытай*, *басыз*, *тобой* и *мундуз*, тесно связан со средневековым кимако-кыпчакским племенным объединением. Эти факты свидетельствуют о том, что кыргызы ассимилировались с кимако-кыпчаками в горах Южного Алтая и в долине Черного Иртыша. Словосочетание кыргыз-кыпчак широко используется в историко-фольклорных произведениях кыргызского народа. Например, в эпосе «Курманбек» находим такие строки: «*Өткөн замандардын бир кылымында кыргыз-кыпчак элинин – Тейитбек деген ханы болгон. Кыргыз, кыпчак элинен кырк жигит курады*». («В прошлом веке у кыргызско-кыпчакского народа был хан по имени Тейитбек. Из кыргызско-кыпчакского народа собрали сорок юношей») (Курманбек–Жаныш, Байыш, 1970: 7).

Этимология имени правого крыла *ак уул* может происходить от терминов «белый» и «чистый». Однако генезис племен в этой племенной организации неоднороден. На протяжении своего исторического развития они претерпели смешения множества этнических групп. Но несмотря это, костяк правого крыла состоял из племен, происходящих от средневековых кыргызов (Кыргызстандын тарыхы, 2016: 489–490). Этногенез южных алтайцев, по всей видимости, тесно связан с тьянь-шаньскими кыргызами.

Этногенетическое родство алтайцев и кыргызов хорошо заметно на родоплеменных делениях этих народов. Наибольшее количество этнических связей кыргызов прослеживается с Алтаем. Параллели в этнических названиях не являются единственными, они сопровождаются целым рядом явлений историко-культурного характера, чрезвычайно ярко перекликающихся у народов Алтая и кыргызов.

Родоплеменная структура кыргызов состоит из трех крупных племенных объединений: *оң канат*, *сол канат* и *ичкилик*. Из этих кыргызских племенных объединений следующие родоплеменные названия встречаются среди алтайских сеоков (костей/родов): *азык* (*ас*), *кыпчак*, *муңдуз* (у алтайцев – *мундус*), *найман*, *төөлөс* (*дөөлөс*), *могол*, *меркит* (*мүркүт*), *керейит* (у алтайцев – *кергит*). Н.А. Аристов и С.М. Абрамзон выявили параллели в названиях племен в составах кыргызского и алтайского народов, показали их этногенетическую общность (Абрамзон, 1990: 22–27; Аристов, 2003: 43–51).

В этнический состав кыргызов и алтайцев входили тюркоязычные племена, проживающие в IX–XII вв. на территории Обь-Иртышского междуречья. Это кимаки, огузы, карлуки, ябагу, басмили, уйгуры (*тогуз огузы*). Происхождение этих племен связано с *теле* или девятью огузскими племенными группами, которые были древними тюркскими группами.

По материалам Н.А. Аристова южные алтайцы или алтай кижы и телесы состоят из следующих сеоков: *найман, миркит, кыпчак, кан, кергит, ыргыт, мундуз, ара, тотош, чапты, тоншон, алмат, кебек, көдөө, танду, пайлагас, йытмас, котты, сакал, телес, йыдак, кыргыз, сойон, монгол, сарт*. Северные алтайцы или телеуты делятся на сеок *торо, очу, миркит, ак-тумат, кара-тумат, чорос, кыпчак, сарт, найман, телес, торгул, мундус, кочкор-мундус, тотош, нурут, чалман*. У живущего смешанно с телеутами народа ач-кештим следующие рода: *йюты, төрт-ас* (четыре горностая), *чингиз, ан* (Аристов, 2003: 160–161).

Из перечисленных родоплеменных подразделений, входящих в состав кыргызов и алтайцев, племена *азык* у кыргызов и *ас* у алтайцев схожи с древними *асиги*, которые были ветвью тюргешей. *Азы* жили по соседству с енисейскими кыргызами. С.М. Абрамзон сопоставил алтайскую группу *төрт ас*, входившую в состав современных теленгутов и ач кыштымов с кыргызским племенем *азык*, которые называют себя *төрт тамгалуу азык*, т.е. четырьмя тамговыми (Абрамзон, 1990: 32–33). Этот же автор написал следующее о племени кыпчак: «Кыргызское же племя кыпчак явно обнаруживает свою связь с племенами «алтайского» происхождения. Оно не может быть сопоставлено с аналогичными племенами среди узбеков и каракалпаков» (Абрамзон 1990: 35). Этноним *мундуз* считается по происхождению одним из древних. Примечательно, что он, а также *төлөс* (телес) встречаются только среди родоплеменного состава кыргызов и алтайцев. У остальных тюркоязычных народов такие этнонимы отсутствуют. Исследователи заметили совпадения в названиях не только крупных племен, но и более мелких их подразделений, как например, *муңдуз* (*мундус*): *коткор мундуз, жарыке* у кыргызов, *кочкор мундус, дьарык* (*ярык*), *чулум мундус* у алтайцев; *чулум кашка* – один из предков племени *төөлөс* (*дөөлөс*) у кыргызов.

Названия средневековых племен, как *меркит, найман, керейт, тас* или *тастар* встречаются среди этнического состава обоих народов. Есть у алтайцев сеоки *меркит* (*миркит, муркүт*), *кергит, найман* (*майман*), *көгөл найман, тастар*. У кыргызского племени *төлөс* существуют такие подразделения как *меркит, буркүт, керейт*. Одна из ветвей племен *сарыбагыш, бугу* и *бөрү* называется *таздар* (*тастар*). Внутри кыргызского племени *найман* есть подразделения *кара найман, көкө найман*.

К параллелям можно отнести и ряд других общих этнонимов. Сеок *могол* у алтайцев, *могол* или *моңол* (*моңолдор*) у кыргызов; *тогус* – *тогуз уул*; *чор* (*чорос*) – *чоро*; *тумат* (*ак тумат, кара тумат*) – *туума, туума кашка* (у кыргызов среди племен *бугу* и *төлөс*); *ябак, сарыглар* – *сарттар* (у кыргызов племя в

составе племенного объединения *адыгине*, внутри кыпчакского племени есть род *сарт кыпчак*), *саруу* (у кыргызов племя из левого крыла, а также род *жабагы* из племени *саруу* и род *сарылар* из племени *муңгуш*). Можно отождествить *ябак* или *жабагы* с *ябагу* – тюркским племенем, проживавшим на Алтае в XI в.

В племени *бугу* есть род *тынымсейит*. Он делится на три ветви – *кабели*, *шалтак*, *мортук*. Мы выявили, что *кабели* соответствует алтайскому сеоку *кообалы* (тувинский род *кобалы*). По нашему мнению, данный этноним происходит от средневекового кыпчакского рода. Арабские писатели эмир Рукн-эддин Бейбарс (умер в 1325 г.) и Ибн-Хальдун приводят имена одиннадцати кыпчакских родов. Один из них *карабароглы* (*калабаалы*) (Аристов, 2003: 187). Именно род *карабароглы* (при произношении *калабаалы*), является кыргызским *кабели* и алтайским *кообалы*. Этноним *кабели* кроме тынымсейитов встречается и другого кыргызского рода *кызыл аяк*.

Многие исследователи связывают алтайские соеки *тубалар*, *телеут*, *теленгут* (*төлөнгүт*) и *телес* с древними *теле*, принадлежащих к числу древних этнонимов кочевых племен восточной части Центральной Азии. Известный исследователь этнической истории алтайцев Л.П. Потапов писал: «Этноним *теле* интересен для нас в связи с изучением вопроса о происхождении алтайцев, ибо, как мы установили, в основе родоплеменного состава алтайцев, преимущественно южных, по крайней мере на протяжении последних трех с половиной столетий лежат этнические компоненты с названием *теле*. Таковы наименования: теленгит или теленгут, телеут и телес, в которых, если отбросить окончание множественного числа, выступает этот этноним» (Потапов, 1966: 234). Но алтайские телесы не могут отождествляться с теленгитами. Об этом говорят некоторые исторические источники XIII в. Так, в известном «Сокровенном сказании» в списке «лесных народов» телесы перечисляются одновременно с теленгитами (Сокровенное сказание, 1941: 161).

Телесы у Рашид-ад-дина выступают под именем *тулас*. Телесы-туласы были родственны племени тумат (Рашид-ад-дин, 1952: 122–123). Телесы, как и кыргызы, жили на Кангайском нагорье (возможно и вместе). Воспоминания о них в Кангайских горах сохранились у современных теленгитов на Алтае в заклинаниях шаманов, которые, призывая духов и чувствуя наиболее почитаемые горы, упоминают Хангай (Потапов, 1969: 161).

В родоплеменном составе кыргызского народа имеется племя, по происхождению принадлежащее к древнему этносу *теле*. Например, *төлөс* (*дөлөс*), *төлөк*, *төбөй*. С.М. Абрамзон отмечал, что о причастности предков кыргызов к конфедерации *теле* свидетельствует прежде всего сам кыргызский этноним *төөлөс* (*дөөлөс*), представляющий собой, как и южно-алтайский этноним «*телес*» (*төлөс*), грамматическую форму тюркского множественного числа от *теле* (Абрамзон, 1990: 41). Этот же автор указывает на то, что кыргызское племя *мундуз* генетически связано с древним *теле*. Поскольку соек, или род *мундус* у южных алтайцев является одним из наиболее древних и широко распространенных в составе телеутов, С.М. Абрамзон считает, что кыргызское племя *мун-*

дуз генетически восходит к племенам конфедерации *теле*. В монгольском источнике «Сокровенное сказание» упоминается этноним «*тенлек*» с самоназванием «*телек*» или «*телег*» у значительной группы тувинцев, которое также восходит к древнему этнониму *теле*. В кыргызском родоплеменном составе *төлөк* (*телек*) был представлен у племен *чекир-саяк*, *баргы*, *саяк*, *солто*. Еще одно кыргызское племя *төбөй* восходит к племенам *теле*. Кыргызский этнограф И.Б. Молдобаев сопоставил названия *тыва-тобы-туба-тума-тумат* и кыргызский *төбөй* (Молдобаев, 2003: 25).

Среди алтайских соеков встречаются такие этнические общности, как *бурт*, *кыргыз*, *ара*, *модор*. Л.П. Потапов объясняет их появление на Алтае бегством из Джунгарии, в которой, они, в свою очередь, оказались в результате насильственного переселения енисейских кыргызов (Потапов, 1969: 145). Алтайский соек *дъети-сары* является потомком енисейских кыргызов. У енисейских кыргызов один из правящих родов назывался *дъеты-сары*. На Алтае название *дъеты-сары* в соответствии с фонетикой южного алтайского языка стало звучать как *дъети-сары*.

Одним из основных племен кыргызов является *багыш*. В родоплеменном составе кыргызского этноса так именуется несколько племен – *сары багыш*, *кара багыш*, *чоң багыш*, *багыш*. Происхождение этнонима связано с алтайской землей. Его этимология основана на переводе В.В. Радлова кыргызского слова *багыш* (лось). По мнению Н.А. Аристова, этот этноним мог быть привнесён только из Средней Монголии, частично из Саянов (Аристов, 2003: 216). Для подтверждения мнения ученого С.М. Абрамзон написал следующие: «Согласно последним изысканиям Л.П. Потапова, с которыми он меня любезно ознакомил, у челканцев (одна из этнографических групп в составе северных алтайцев) шаман называл свой бубен во время камлания «ер пагыч». Так как бубен во время камлания – это ездовое животное (обычно то животное, шкурой которого обтянут бубен), то, следовательно, ер пагыч – это название самца (ер) животного. Если обратиться к термину пагыч, окажется, что это фонетический вариант кыргызского этнонима багыш; тогда бубен для челканского шамана символизировал лося. Таким образом, алтайский этнографический материал подтвердил семантику этнонима багыш» (Абрамзон, 1990: 40).

Выявленные сходства в родоплеменных названиях кыргызов и алтайцев отражают их древние этногенетические связи. Полученные данные показывают, что средневековые кочевые племена, жившие в Алтайском регионе и Прииртышье, участвовали в формировании этих двух этносов. Все сведения подтверждаются множественными этнологическими и фольклорными материалами. Мы полагаем, что этнические процессы происходили перед формированием кыргызского народа на основе тех племен, которые затем вошли в состав кыргызов и алтайских народов.

ЛИТЕРАТУРА

Абдыкалыков А. Переселение енисейских кыргызов в начале XVIII в. и их историческая судьба // Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов. Сборник научных трудов. Новосибирск, 1986. С. 81–99.

Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе, 1990.

Абрамзон С.М. Этногенетические связи киргизов с народами Алтая // 25 междунар. конгр. востоковедов. Докл. делегации СССР. (Отд. оттиск). М., 1960.

Аристов Н.А. Труды по истории и этническому составу тюркских племен. Бишкек, 2003.

Ахинжанов С.М. Из истории движения кочевых племён евразийских степей в первой половине XI века // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1980. С. 46–53.

Бутанаев В.Я. Историческая судьба енисейских кыргызов по данным фольклора народов Южной Сибири // Вопросы этнической истории кыргызского народа. Фрунзе, 1989. С. 66–77.

Восточные авторы о кыргызах: Сборник статей / Сост., введ. и комм. *О.Караева*. Бишкек, 1994.

Жолдошов Р. Значение генеалогических преданий в изучении этнической истории кыргызского народа. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Бишкек, 2000.

Итоги и рекомендации научной сессии, посвященной проблеме происхождения кыргызского народа // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции (ТКАЭЭ). Т.3. Фрунзе, 1959.

Караев О. Арабские и персидские источники IX–XII вв. о киргизах и Киргизии. Фрунзе, 1968.

Курманбек–Жаныш, Байыш (Эпос). Фрунзе, 1970.

Кыргызстандын тарыхы. Байыркы мезгилден XVII к. чейин. Т.1. Бишкек, 2016.

Ли Вэйгун. Хуйчан ипинь цзи // Материалы по истории кыргызов и Кыргызстана. Т.2. Бишкек, 2003. С. 19–32.

Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк / Пер., предисл. и коммент. З.А. Ауэзовой. Индексы составлены Р. Эрмерсом. Алматы, 2005.

Молдобаев И.Б. Этнокультурные связи кыргызов в средневековье. Бишкек, 2003.

Молдобаев И.Б. Этническая и культурная общность киргизов с народами Саяно-Алтая // Вопросы этнической истории киргизского народа. Фрунзе, 1989. С.90–113.

Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк. Ленинград, 1969.

Потапов Л.П. Этноним теле и алтайцы // Тюркологический сборник. К шестидесятилетию Андрея Николаевича Кононова. М., 1966. С. 233–240.

Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Том I, кн. 1. Москва-Ленинград, 1952.

Син Тан шу. Новая редакция. Глава 43, 44 // Материалы по истории кыргызов и Кыргызстана. Т.2. Бишкек, 2003. С.68–69.

Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongrol-un Nirusa tobciyan*. Юань Чао Би Ши. Монгольский обыденный изборник. Том I. Перевод С.А. Козина. Москва – Ленинград, 1941. (Труды Института востоковедения Академии наук СССР. XXXIV).

Солтоноев Б. Кыргыз тарыхы. Бишкек, 2003.

Худяков Ю.С. Кыргызы на просторах Азии. Бишкек, 1995.

Сведения об авторе: Жолдошов Рыскул Жолдошевич, кандидат исторических наук, заведующий отделом, Институт истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова Национальной Академии наук Кыргызской Республики (720071, просп. Чуй, 265а, Бишкек, Кыргызская Республика); доцент, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына (720033, ул. Фрунзе, 547, Бишкек, Кыргызская Республика); zholdoshovryskul@mail.ru

Поступила 18.05.2023

Принята к публикации 8.09.2023

TRIBAL RELATIONS OF THE KYRGYZ AND ALTAI PEOPLES ACCORDING TO ETHNOLOGICAL DATA

R.Zh. Zholdoshev

*B. Dzhamgerchinov Institute of History, Archeology and Ethnology
of the Kyrgyz Republic National Academy of Sciences*

Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn

Bishkek, Kyrgyz Republic

zholdoshovryskul@mail.ru

The article analyzes the tribal structure of the Kyrgyz and Altai peoples. Based on the works of well-known researchers in the field of ethnology, the author focuses on the ethnogenetic ties between the Kyrgyz and the Altaians, primarily with the southern Altaians. The paper reveals the author's view on the problem of ethnic ties of these communities, which has been studied with involvement of field materials. The author gives an interpretation of certain tribal and clan names among the Kyrgyz and Altaians and shows their similarity which reflects the ancient ethnogenetic ties. The reasons for the identical names were the migration of the Kyrgyz to the west in the Middle Ages, their settlement in the territories of the Mongolian Altai mountains and the source of the Irtysh River valley. The collected data show that medieval nomadic tribes living in the Altai Region and the Irtysh Region participated in the formation of two ethnic groups. The conclusions obtained as a result of the study complement the picture of the Kyrgyz-Altai relations.

Keywords: Kyrgyz, Tien Shan, Irtysh, Altaians, tribe, genus, ethnogenetic connection, ethnos.

For citation: Zholdoshev R.Zh. (2023) Tribal relations of the Kyrgyz and Altai peoples according to ethnological data. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 8. No. 3: 327–340. DOI: 10.22378/he.2023-8-3.327-340 (In Russ.)

REFERENCES

The Secret History. The Mongolian chronicle of 1240 called Mongrol-un Niruca tobciyan. Yuan Chao Bi Shi. (1941) Mongolian everyday collection. Vol. I. Transl. S.A. Kozina. In: *Works of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences*. XXXIV. Moscow – Leningrad. (In Russ.)

Abdykalykov A. (1986) Resettlement of the Yenisei Kyrgyz in the early 18th century and their historical fate. In: *Ethnic cultures of Siberia. Problems of evolution and contacts*. Collection of scientific papers. Novosibirsk: 81–99. (In Russ.)

Abramzon S.M. (1960) Ethnogenetic connections of the Kyrgyz with the peoples of Altai. In: *The 25th international congress of orientologists. Reports of the USSR delegation*. (Separate print). Moscow. (In Russ.)

Abramzon S.M. (1990) *The Kyrgyz and their ethnogenetic and historical-cultural connections*. Frunze. (In Russ.)

Akhinzhanov S.M. (1980) From the history of the movement of nomadic tribes of the Eurasian steppes in the first half of the 11th century. In: *Archaeological studies of ancient and medieval Kazakhstan*. Alma-Ata: 46–53. (In Russ.)

Aristov N.A. (2003) *Works on the history and ethnic composition of Turkic tribes*. Bishkek. (In Russ.)

Butanaev V.Y. (1989) The historical fate of the Yenisey Kyrgyz according to the folklore of the peoples of Southern Siberia. In: *Issues of the ethnic history of the Kyrgyz people*. Frunze: 66–77. (In Russ.)

Eastern authors about the Kyrgyz: Collection of articles (1994). Comp., introductions and comments by O. Karaeva. Bishkek. (In Russ.)

Karaev O. (1968) *Arab and Persian sources of the 9th–12th centuries about the Kyrgyz people and Kyrgyzstan*. Frunze. (In Russ.)

Khudyakov Yu.S. (1995) *The Kyrgyz in the vastness of Asia*. Bishkek. (In Russ.)

Kurmanbek–Zhanysh, Bayysh (Epic) (1970). Frunze. (In Kyrg.)

Kyrgyzstandin tarykhy. Bayyrky mezgilden XVII century cheyin. (2016) Vol. 1. Bishkek. (In Kyrg.)

Makhmoud al-Kashgari. *Divan Lugat at-Turk*. (2005) Translation, preface and comments by Z.A. Auezova. The indices comp. by R. Ermers. Almaty. (In Russ.)

Moldobaev I.B. (1989) Ethnic and cultural community of the Kyrgyz people with the peoples of Sayan-Altai. In: *Questions of the ethnic history of the Kyrgyz people*. Frunze: 90–113. (In Russ.)

Moldobaev I.B. (2003) *Ethnocultural connections of the Kyrgyz in the Middle Ages*. Bishkek. (In Russ.)

Potapov L.P. (1966) Ethnonym Tele and Altaians. In: *Turkological collection. To the 60th birthday of Andrei Nikolaevich Kononov*. Moscow: 233–240. (In Russ.)

Potapov L.P. (1969) *Ethnic composition and origin of the Altaians. Historical and ethnographic essay*. Leningrad. (In Russ.)

Rashid al-din. (1952) *Collection of chronicles*. Vol. I, book 1. Moscow-Leningrad. (In Russ.)

Results and recommendations of a scientific session devoted to the problem of the origin of the Kyrgyz people (1959). In: *Proceedings of the Kyrgyz Archaeological and Ethnographic Expedition (TKAEE)*. Vol. 3. Frunze. (In Russ.)

Soltonoev B. (2003) *Kyrgyz Tarykhs*. Bishkek. (In Kyrg.)

Weigong L. (2003) Huichang Yipin Ji. In: *Materials on the history of the Kyrgyz and Kyrgyzstan*. Vol. 2. Bishkek: 19–32. (In Chin.)

Xing Tang Shu. (2003) New edition. Chapter 43, 44. In: *Materials on the history of the Kyrgyz and Kyrgyzstan*. Vol. 2. Bishkek: 68–69. (In Russ.)

Zholdoshov R. (2000) *The importance of genealogical legends in the study of the ethnic history of the Kyrgyz people*. Diss. Cand. Hist. Sciences. Bishkek. (In Russ.)

About the author: Ryskul Zh. Zholdoshov, Cand. Sc. (History), Head of Department, B. Dzhamgerchinov Institute of History, Archeology and Ethnology of the Kyrgyz Republic National Academy of Sciences (265a, Chuy Ave., Bishkek 720071, Kyrgyz Republic), Associate Professor, Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn (547, Frunze St., Bishkek 720033, Kyrgyz Republic); zholdoshovryskul@mail.ru

Received May 18, 2023

Accepted for publication September 9, 2023

УДК 81-2+392.8

**ТЕРМИНОЛОГИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ
В АЛТАЙСКОМ И КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКАХ:
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Р.Э. Конурбаева

Национальная Академия наук Кыргызской Республики

Бишкек, Кыргызская Республика

rozakg2607@gmail.com

Цель исследования – сравнить лексику алтайского и кыргызского языков, связанную с традиционным питанием. В его основе собраны автором лингвистические материалы среди жителей сел Республики Алтай: Каспа, Шыргайты Шебалинского, Кырлык, Мондур-Соккон, Кан-Оозы Усть-Канского района; Ябоган, Ело, Кулады, Бичикту-Боом, Күпчеген Онгудайского района. Их анализ выявил множество лексико-семантических сходств в алтайском и кыргызском языках. Особенно это заметно в названиях мясных блюд. Совпадения объясняются одинаковыми экономическими и бытовыми условиями жизнедеятельности алтайцев и кыргызов в прошлом и настоящем. Формирование лексики алтайского и кыргызского языков происходило в отдаленной эпохе, когда их носители жили на территории Алтая.

Ключевые слова: материальная культура, пища, мясные блюда, молочные продукты, напитки, словосочетание, фонетические структуры, семантика.

Для цитирования: *Конурбаева Р.Э.* Терминология традиционных продуктов питания в алтайском и кыргызском языках: лексико-семантический анализ // Историческая этнология. 2023. Т. 8. № 3. С. 341–352. DOI: 10.22378/he.2023-8-3.341-352

История, материальное и духовное наследие, национальная культура кыргызского народа тесно связаны с тюркскими народами Южной Сибири, особенно с алтайцами. История и культура каждого народа находит отражение в языке, познается сквозь его призму. Цель исследования – сравнить лексику алтайского и кыргызского языков, связанную с традиционным питанием. В его основе – собранные автором лингвистические материалы среди жителей сел Каспа, Шыргайты Шебалинского, Кырлык, Мондур-Соккон, Кан-Оозы Усть-Канского района и Ябоган, Ело, Кулады, Бичикту-Боом, Күпчеген Онгудайского района Республики Алтай.

В системе тюркских языков алтайский и кыргызский языки являются родственными. Под языковым родством ученые понимают происхождение языков от одного общего языка – предка, праязыка (Иванов, 1954: 40). Праязыком алтайского и кыргызского языков является древнетюркский праязык. В генеало-

гической классификации известного тюрколога Н.А. Баскакова алтайский и кыргызский языки объединены в одну кыргызско-кыпчакскую группу языков, соответствующую восточной ветви тюркских языков (Баскаков, 1960: 207).

Алтайский язык (до 1948 г. – ойротский язык) – язык основного населения Республики Алтай распадается на две группы диалектов: северную (туба, кумандинский, челканский) и южную (алтайский, телеутский, теленгитский). В период с 1928–1938 гг. в алтайском языке использовался латинский алфавит, а с 1938 г. для письма используется кириллица.

Кыргызский язык – язык кыргызов, его носителями являются этнические кыргызы, проживающие в Кыргызстане, Узбекистане, Таджикистане, Казахстане, Китае, Афганистане. Первой письменностью кыргызского народа считается орхоно-енисейская графика. В 1926–1940 гг. в кыргызском языке использовался латинский алфавит, а с 1940 г. для письма используется кириллица. В 1989 году кыргызский язык приобрёл статус государственного языка в Кыргызской Республике.

Характерными особенностями алтайского и кыргызского языков являются: а) гласные полного образования: восемь нормальных и шесть-восемь долгих вторичных гласных; б) наиболее полно выраженная губная гармония гласных; в) наличие шипящих согласных *ч* и *ш*; г) наличие в начале слов глухих согласных, особенно в алтайском языке; е) наличие значительного количества грамматических форм, общих с древнетюркскими языками. Лексика кыргызско-кыпчакской группы языков по своему составу отличается большим количеством монголизмов (Баскаков, 1960: 208–209).

Большая часть лексического пласта алтайского и кыргызского языков составляет лексика, касающаяся материальной культуры. К ней относят объекты, созданные человеком и материально существующие в пространстве в определенные временные периоды. В их числе орудия труда, средства передвижения, жилища и другие постройки, поселения, домашняя утварь и одежда, украшения, игрушки, культурные растения и домашние животные, все виды косметики, парфюмерии, пища (Нурмухаметова, 2011).

Пища – эта совокупность неорганических и органических веществ, получаемых организмом из окружающей среды и используемых им для питания. Пища необходима организму для построения растущих тканей тела и восстановления, разрушающихся в процессе жизнедеятельности, для поддержания этого процесса и восполнения расходуемой энергии (Большая советская энциклопедия, 1975: 589).

Слова *пища*, *еда* в алтайском языке употребляется в варианте *курсак - тамак*, *аш-курсак*, а в кыргызском *тамак-аш*. Слов *аш* широко распространено в тюркских языках в значении *еда, пища*.

Аш в алтайском языке имеет следующие значения: **АШ** 1) пшеница; *Аш бу жыл тынг бүйткен. Аш бүйткени албатыга сүреен жаан арга, жөмөлтө*. Пшеница в этом году уродилась. То, что пшеница уродилась, является для народа очень большим спасением, подмогой; 2) зерно; *ашты амбарда тудат* / зерно хранят

в амбаре; 3) пища, еда; ср. *курсак*; *аштан амзагар* / пробуйте еду; *Аш ичкенчен менгебе, атка минзен токтобо* (погов.) Когда ешь – не спеши, а когда сядешь на коня – не останавливайся (Алтайско-русский словарь, 2018: 95).

КУРСАК: I. 1) пища, еда; ср. *аш-курсак, курсак-тамак; курсак белетеер* / готовить пищу; *Валя ада-энезинин айткан жөбин де укпайт, берген курсагын да жибейт* / Валя ни совета своих родителей не слушает, ни еду, которую они дают, не ест; *Койонго мында жыргалду жүрүм: жем ле курсак айландыра толтыра* / Для зайца здесь праздная жизнь: корма и еды вокруг полно; 2) утроба, брюхо; чрево; *курсагын толтырар* / наполнять брюхо. II. перен. беременная; *курсак уй кижиси* / беременная женщина; ♦ *кара курсак* 1) постная пища; 2) кое-какое пропитание; *курсагына кару кижиси* / чревоугодник, обжора, любящий поесть; *курсагына ла жүрген кижиси* / человек, зарабатывающий только на пропитание (Алтайско-русский словарь, 2018: 402).

В кыргызском языке слово *аш* означает: 1) пища; *ашың калса калсын, ишиң калбасын* (погов.) / пища может остаться, лишь бы работа не осталась); 2) плод, фрукт (только некоторых диких растений); *четиндин ашы* / ягода рябины; *ит мурундун ашы* / ягода шиповника; *чычырканактын ашы* / ягода облепихи; 3) этн. поминки (устраивались в годовщину смерти; у северных кыргызов эта дата отмечалась богаче, чем все другие даты; у богатых устраивались скачки и разные состязания с призами); *атасына аш берди* / он устроил поминки по своему отцу; 4) южн. плов; *аш демде* – варить плов; **аш болсун!* / на доброе здоровье! (пожелание гостю, когда он благодарить за угощение или после отрыгивания при приеме пищи; последнее относится главным образом к детям) (Киргизско-русский словарь, 1985: 83).

Синонимом слова *аш* в кыргызском языке выступает *тамак, оокат, аш*. *Тамак:* 1) (или *тамак-аш*, или *аш-тамак*) пища; продукты питания, продовольствие; *тамак ич* [погов.] / принимать пищу; *бүгүн тамак ичтиңби?* / ты сегодня ел?, *тамак-аш өнөр жайлары* / предприятия пищевой промышленности; 2) горло, глотка; *тамактан өткөндүн баары тамак* (погов.) / все, что проходит через горло – пища (Киргизско-русский словарь, 1985: 199).

Оокат – арабское слово: 1) пища, пропитание; *оокат ич* – есть, кушать; *оокат ичтиңби?* / ты ел?; *оокат иче элекмин* / я пока еще не ел (Киргизско-русский словарь, 1985: 74).

Как видим, парное словосочетание алтайского *аш-курсак, курсак-тамак* имеет синонимы *аш, азык*, в кыргызском – *тамак, оокат, аш, азык*. Из них активно употребляется слово *курсак* на алтайском, *тамак* – кыргызском. Эти слова встречаются в названиях продовольственных магазинов.

Второе значение слов *курсак, тамак* – человеческие органы: *курсак* – это брюхо, утроба, а *тамак* – горло, глотка.

В древнетюркском словаре слово *азык* употреблялось в значении «пища, продовольствие, провиант, корм» (Древнетюркский словарь, 1969: 73). В этом значении оно сохранилось в алтайском и кыргызском языках.

Таблица 1

Толкование лексемы «азык» на алтайском и кыргызском языках

Алтайский язык

АЗЫК: провизия, съестные припасы; *азык белетеер* / готовить провизию; *Бис слерге азык берерис* / Мы дадим вам провизию (Алтайско-русский словарь, 2018: 32).

Кыргызский язык

АЗЫК: 1. провиант, продовольствие; съестные припасы; фураж; *бөрү азыгы – жолдон погов.* / волка ноги кормят [букв. волчий провиант в пути]; 2. продукт, продукция; *өндүрүш азыктары* продукты производства; *сүт азыктары* / молочные продукты (Киргизско-русский словарь, 1985: 27).

В словосочетании *азык-түлүк* (алт.), *азык-түлүк* (кырг.) второй компонент *түлүк* в изолированном виде не имеет значения, в кыргызском языке активно употребляется в сложном слове *төрт-түлүк* – домашний скот. Хотя *азык-түлүк* является синонимом термина *тамак-аш*, *аш-курсак*, оно используется конкретно в смысле продуктов, используемых при приготовлении пищи.

Термин *азык-түлүк* по значению и по форме в двух языках совпадают.

Состав пищи, способы её приготовления и употребления, определяемые главным образом хозяйственной деятельностью людей, постепенно сложились в устойчивую традицию. Например, у скотоводов преобладали разнообразные мясные и молочные кушанья, у земледельческих народов – блюда из разных видов растительных продуктов (Большая советская энциклопедия, 1975: 589).

Алтайская и кыргызская традиционная пища по характеру, технологии, составу, набору блюд очень близка и часто совпадает по названию. Некоторые из блюд полностью дублируют друг друга. Технологии их приготовления сохранились с древних времен и широко используются в настоящее время.

Главным источником традиционной пищи, способом жизнеобеспечения алтайцев и кыргызов было скотоводство, отчасти земледелие, охота и собирательство. Переход к оседлому образу жизни привел к тому, что у этих народов доминирующую роль в питании стала играть продукция, получаемая от земледелия. Это отразилось в лексике: у алтайцев и кыргызов встречается большое количество слов, связанных с земледелием, животноводством, названиями растений. Наиболее распространенным видом пищи были молочные продукты и мясо. Они были характерными для всех кочевых народов евразийской степи.

По основному составу продуктов все имеющиеся слова можно классифицировать на следующие лексико-семантические группы:

- 1) мясо и мясные блюда;
- 2) молоко и молочные продукты;
- 3) растительная пища;
- 4) хлеб и хлебные изделия;
- 5) напитки.

Существенным компонентом пищевого рациона алтайцев и кыргызов является мясо. Оно, как и во многих тюркских языках, на алтайском и кыргызском языках обозначается единым словом *эт*.

Таблица 2

Сравнительная таблица с пояснением лексемы *эт*

Алтайский язык	Кыргызский язык
<p><i>Эт</i>: 1. мясо; <i>Бирүзи эт экел берер, бирүзи сүт, экинчизи талкан экел берер</i> / Один мясо принесет, другой молоко, второй талкан принесет; <i>балтыр эт</i> / мышца; <i>чон эт</i> / мякоть; 2. мясной; <i>эт</i> / продукция / мясная продукция; <i>Ачыбаза, эдин де кезип берер</i> [погов.] / Если не будет больно, и мясо своё отрежет [ничего не пожалеет, готов поделиться всем] (Алтайско-русский словарь, 2018 929).</p>	<p><i>Эт</i>: мясо [как пищевой продукт]; <i>кандуу эт</i> / мясо с кровью [свежее, которым кормят ловчую птицу, чтобы она жирела]; <i>сулл эт</i> – мякоть [мясо без костей, отделенное от костей] (Киргизско-русский словарь, 1985: 468).</p>

Существуют следующие конкретные названия мяса домашних животных и птиц.

Таблица 3

Названия мяса домашних животных и птиц

Алтайский язык	Кыргызский язык	Русский язык
<i>жылкынын эди</i>	<i>жылкынын эти</i>	конина
<i>тайдын эди</i>	<i>тайдын эти</i>	жеребятина
<i>сарлыктын эди</i>	<i>топоздун эти</i>	мясо яка
<i>уйдын эди</i>	<i>уйдун эти</i>	говядина
<i>койдын эди</i>	<i>койдун эти</i>	баранина
<i>козининг эди</i>	<i>козунун эти</i>	мясо ягненка
<i>эчкининг эди</i>	<i>эчкинин эти</i>	козлятина
<i>чочконунг эди</i>	<i>чочконун эти</i>	свинина
<i>таканын эди</i>	<i>тооктун эти</i>	куриное мясо, курятина
<i>кастын эди</i>	<i>каздын эти</i>	гусятина
<i>индеецтинг эди</i>	<i>күрп эти</i>	индейка

Наиболее сытным и лучшим по вкусу мясом алтайцы считали конину, а лучшим лакомством – мясо жеребенка. Очень высоко ценилась баранина. Она была популярна в виду большой доступности. Свинину и мясо домашней птицы южные алтайцы начали употреблять только после Октябрьской революции (Потапов, 1953: 54).

Предпочитаемые мясные продукты у кыргызов отличались по качеству и вкусу. Самым вкусным считалась баранина, но выше ценилась конина. Чем дольше конина хранилась, тем больше она теряла вкусовые качества. Поэтому

конину вялили. Третьим по ценности считалась говядина. Чем дольше она хранится, тем больше приобретает вкус и вкусовые качества. Особенно высоко ценится мясо ягненка и жеребенка за свою нежность. Мясо козла не пользуется популярностью, так как оно быстро остывает и становится невкусным. Еще меньше предпочитается верблюжье мясо (РФ, ИЯЛ НАН КР, инв. №4060).

В мясной рацион алтайцев и кыргызов входило мясо диких животных, добытых на охоте – мясо косули, марала, дикого козла (*тау теке* – алт., *тоо теке* – кырг.) и кабана. В отличие от кыргызов, алтайцы занимались рыболовством. Л.П. Потапов отмечает, что в фольклоре говорится о рыбе, но преимущественно как пище бедняков (Потапов, 1953: 42).

Названия видов мяса в кыргызском и алтайском языках по форме и по значению полностью совпадают, за исключением названия мяса домашних птиц.

У алтайцев и кыргызов существуют специальные способы убоя скота – *кой сой* (алт., кырг.). При первом способе барану связывают ноги, валят его на бок, перерезают горло, а кровь выпускают в деревянное корытце. Второй способ – поваленному на спину барану делают разрез на животе чуть ниже груди. Просунув в разрез правую руку, разрывают диафрагму и аорту.

Второй способ у алтайцев считается более приемлемым, так как при забое кровь не проливается на землю, практически полностью исключается попадание продуктов жизнедеятельности в кровь. Подобные традиционные способы забоя скота способствовали чистоте сбора крови животного. Согласно народным верованиям, потеря крови и разрушение целостности костей животных не приносят удачу в разведении скота (Енчинов, 2019: 15–16). Кыргызы забивают овец первым способом. Древние традиции, относящиеся к способу расчленения туши на определенные куски, и правила дележа мяса, одинаково отражаются в рассматриваемых языках. Такие алтайские названия туши барана, как *јалмаш* – тазовые кости, *јодо* – берцовая кость, *кабырга* – ребра, *тöш* – грудинка, *мойын* – шея; из кости головы *баш сөök*: *тил* – язык, *јаак* – челюсть, *кулак* – ухо, *тандай* – нёбо; из внутренности барана: *ичеге-карын* – кишки, *јумур* – желудок, *мөдөн* – двенадцатиперстная кишка – с некоторыми фонетическими разновидностями имеются и в кыргызском языке. В отличие от алтайского языка в кыргызском языке названия костей выражаются сочетанием слов *жилик*: *кашка жилик*, *жото жилик*, *кар жилик*, *күң жилик*.

Названия мяса различают по его жирности: *семис эт* (алт.) – *майлуу эт* (кырг.); *кара эт* (алт.) – *кара кесек* / *кара эт* (кырг.); по способу хранения: *ыштаган эт* (алт.) – *ышталган эт* (кырг.); *күнге кургаткан эт* (алт.) – *сүр эт* / *сүрсүгөн эт* (кырг.); *тузалган эт* (алт.) – *туздалган эт* (кырг.); по свежести: *јаш эт* (алт.) – *жааш эт* (кырг.), *эски эт* (алт.) – *эски эт* (кырг.); а также: *чон эт* (алт.) – *сул эт* (кырг.); *бышкан эт* (алт.) – *бышкан эт* (кырг.); *чий эт* (алт.) – *чийки эт* (кырг.) (ПМА, 2022: Быдышева (Мухлаева)-информант).

Таблица 4

Названия мяса по жирности, способу хранения и свежести

Алтайский язык	Кыргызский язык	Русский язык
<i>бышкан эт</i>	<i>бышкан эт</i>	варёное мясо
<i>чий эт</i>	<i>чийки эт</i>	
<i>ыштаган эт</i>	<i>ышталган эт</i>	копченое мясо
<i>тузалган эт</i>	<i>туздалган эт</i>	соленое мясо
<i>семис эт</i>	<i>майлуу эт</i>	жирное мясо
<i>кара эт</i>	<i>кара эт/кара кесек</i>	мясо без жира
<i>јаи эт</i>	<i>жаи эт</i>	свежее мясо
<i>чонг эт</i>	<i>сули эт</i>	мякоть [мясо без костей, отделенное от костей]
<i>күнге кургаткан эт</i>	<i>сүр эт / сүрсүгөн эт</i>	вяленое мясо

Как видно из таблицы, многие словосочетания без учета фонетических и семантических изменений совпадают. В них в роли определения выступают имена прилагательные.

На зиму алтайцы и кыргызы заготавливали мясо, называемое *согум*. Это слово на алтайском языке понимается как: 1) скот, предназначенный для убоя на зиму; *согым сойор керек / надо заколоть скот, предназначенный для убоя на зиму*; 2) запас мяса на зиму; *Согым жок балдар узун кышты канай кыштагай не, Кымыскай? / Без запаса мяса как же дети проведут длинную зиму, Кымыскай?* (Алтайско-русский словарь, 2018:592).

Понятие *согум* передает на кыргызском языке те же значения: 1) убойна [животное, предназначенное на убой]; *ат картайса, согумга жарайт; эр картайса, сонунга жарайт (погов.) / если конь состарится, годен на убойну, если молодец состарится – на удивление (его ум)*; 2) мясо, заготовленное впрок или животное, откармливаемое для убоя на зиму; *согумга эки бээ байлап турат / он откармливает на убой двух кобылиц; согумдун этинен бардыр / есть, наверное, у него заготовленное впрок мясо; кыштык согумуңуз менин мойнумда / мясо для тебя на зиму – за мной (я тебя обеспечу)* (Киргизско-русский словарь, 1985: 150).

Мясо *согым* замораживали: *тонг эт* (алт.) – *тоңдурулган эт* (кырг.), летом коптили – *ыштаган эт* (алт.) – *ышталган эт* (кырг.). Летом было широко распространено соленье мяса – *туздаган эт* (алт.) – *туздалган эт* (кырг.). Свежее мясо разрезали поперек и вдоль, в разрез насыпалась соль. В таком виде мясо оставляли на полчаса или более, чтобы оно пропиталось солью. Затем его вешали, снизу что-нибудь жгли для образования дыма и оставляли на несколько часов. Утром, когда еще было прохладно, мясо развешивалось в холодке, а с появлением солнца и мух, его начинали коптить (РФ, ИЯЛ НАН КР, инв. №4060).

Лексические параллели обнаружены и в названиях основных мясных блюд: *жөргөм* (алт.) – *жөргөм* (кырг.); *казы-карта* (алт.) – *казы-карта* (кырг.); *чучук* (алт.) – *чучук* (кырг.); *жал* (алт.) – *жал* (кырг.); *көчө* (алт.) – *көжө* (кырг.); *буур* (алт.) – *боор* (кырг.); *керзен* (алт.) – *керчөө* (кырг.); *кан* (алт.) – *быжы* (кырг.).

Jörgöm – продукт, приготовленный путем переплетения тонких кишок с тонко нарезанной брюшиной и салом, *jörgöm* – алтайское национальное кушанье из сплетённых вместе кишок, желудка и внутреннего сала барана/овцы, у кыргызов – *жөргөм* – кушанье из легких и желудка (разрезанных полосками и переплетенных кишками), древнетюрк. *jörgämäč* – кушанье, разновидность колбасы, приготовленной из мелких кусков требухи.

Параллели проявляются и в словах, связанных с технологией приготовления *jörgöm*: *койдын ичегези* (алт.) – *койдун ичегиси* (кырг.), *жылы суу* (алт.) – *жылуу суу* (кырг.), *жуу* (алт.) – *жуу* (кырг.), *өр* (алт.) – *өр* (кырг.).

Рис. 1. *Jörgöm*, плетенный в историко-этнографическом центре «Кан-Оозы» Усть-Канского района Республики Алтай, 5 августа 2022 г.

Принцип приготовления *jörgöm* один: желудок баранины очищается, промывается несколько раз в воде. Тонкие кишки очищаются от содержимого и тщательно обрабатываются. Их выворачивают с внутренней стороны, промывают еще несколько раз до чистой прозрачной пленки. Внутреннее сало промывается теплой водой. Сало, желудок разрезаются. Из обработанных тонких кишок и разрезанного желудка плетутся косички.

Казы-карта – парные слова, компоненты которых имеют самостоятельное лексическое значение. *Казы* – внутреннее брюшное сало конины. *Карта* – вареные кишки с жиром, считается лакомым блюдом. Его готовят из прямой кишки или кишок толстого отдела кишечника конской жирной туши. Кишки освобождают от содержимого, тщательно промывают и выворачивают для того,

чтобы жир на кишках с внешней стороны оказался внутри. Затем они тщательно, 3–4 раза промываются. После этого нитками перевязываются концы кишок, нарезанных длиной 25–30 см. Подготовленные таким образом кишки варят до готовности около 2-х часов в подсоленной воде. Готовые *карта* охлаждают, нарезают кружочками и подают на стол (Санашкина, 1995: 20).

Карта – *анат* (алт.) прямая кишка; *малдын картазы* – прямая кишка лошади, *карта* (кырг.). Слово *карта* встречается в алтайской пословице – *Эртенги картадан бүгүңги өкпө артык* / Сегодняшнее лёгкое – лучше завтрашней *карты*. Аналогичная пословица имеется в кыргызском языке – *Эртеңки куйруктан – бүгүңкү өкпө артык* / Нынешняя требуха лучше завтрашнего курдюка.

Жал подают вместе с *казы-карт*. *Жал* (алт.) – вареная гривенная часть конины. 1) грива; *аттын жалы* – грива лошади; 2) подгривный жир; *калын жал* – толстый подгривный жир. *Жал* (кырг.) – 1) конская грива / *жаман атты жал басат* (погов.) / Плохая лошадь гривой обрастает; 2) подгривный жир (лошади;

считается лакомой частью конской туши); *казы кертин*, *жалды жеп* (фольк.) / разрезая брюшной жир и кушая подгивный жир. Как видно из примеров, в семантическом, фонетическом отношении различия между алтайским и кыргызским языками не обнаруживаются.

После забоя животного алтайцы для изготовления *кан* извлекают кровь. *Кан* – это кровяная колбаса, которую готовят из свежей крови барана. Кровь хорошо размешивают, добавляют молоко, мелконарезанное внутреннее баранье сало, лук и соль.

Рис. 2. *Кан*, приготовленный в историко-этнографическом центре «Кан-Оозы» Усть-Канского района Республики Алтай, 5 августа 2022 г.

В кыргызском языке *кан* передается словом *быжы*. Для *быжы* используют кровь, мясо, печень. В *быжы* с кровью добавляют большое количество крови и печени. Цвет у *быжы* – тёмно-красный.

Алтайское слово *буур* – жареная печень, идентично кыргызскому *боор*. Печень баранины обжаривали до румяной корочки на углях до полу- или полной готовности.

Рис. 3. Печень, приготовленная на огне. «Кан-Оозы» Усть-Канский район Республики Алтай, 5 августа 2022 г.

У кыргызов популярна отварная *куйрук боор*. Название блюда образовано от двух слов: *куйрук* – бараний курдючный жир и собственно печень.

Алтайское слово *керзен* означает вырезанную часть овечьей грудинки вместе со шкуркой для жарки на огне. Жир бараньей грудинки, снимаемый вместе со шкурой у кыргызов называется *керчөө-кирсен*. Грудинку баранины отделяют от костей. Полученный пласт мяса с салом прокалывают вдоль куска посередине на деревянную шпажку, посыпают солью и ставят над углями костра и обжаривают до румяной корки с двух сторон до готовности (Санашкина, 1995: 24).

В алтайской национальной кухне *кан*, *буур* и *керзен*, а в кыргызской (кроме *кан*) *боор* и *керчөө* являются первым угощением после забоя овцы.

Деликатесом считается колбаса из конины *чучук*. Это домашняя колбаса (из конины); *чучук белетеер* (алт.) – готовить домашнюю колбасу. Кыргызское *чучук* – *жылкынын казысынан, кабырга этинен жасалып, ичегиге салынган тамак* / блюдо, сделанное из конского мяса и жира; *эки кесим чучукту кабаттай сугунду* / два куска конской колбасы он сложил вместе и отправил в рот (Киргизско-русский словарь, 1985: 378).

Таким образом, основу алтайской и кыргызской кухни с древнейших времен составляют мясные блюда. Подвергнутые анализу термины традиционной пищи показывают, что в рассматриваемых языках лексико-семантических сходств оказывается больше, чем различий. Столь значительная общность названий мясных блюд объясняется тем, что экономические и бытовые условия алтайцев и кыргызов в прошлом и настоящем во многом сходны. Период формирования лексики алтайского и кыргызского языков проходил в отдаленной эпохе, когда их носители жили на территории Алтая.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

РФ ИЯЛ НАН КР – рукописный фонд Института языка и литературы Национальной академии наук Кыргызской Республики

ИСТОЧНИКИ

Материальная культура киргизов XIX в. Рукописный фонд Института языка и литературы Национальной академии наук Кыргызской Республики. Инв. 4060. 1\II–1960.

Полевые материалы автора из села Шыргайты Шебалинского района Республика Алтай, август 2022.

ЛИТЕРАТУРА

Алтайско-русский словарь. Горно-Алтайск, 2018.

Баскаков Н.А. Тюркские языки. М., 1960.

Большая советская энциклопедия. М., 1975.

Древнетюркский словарь. Ленинград, 1969.

Енчинов Э.В. Традиции медленного питания в пищевой культуре алтайцев // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2019. № 6. С. 15–16.

Иванов В.В. Генеалогическая классификация языков и понятие языкового родства. Изво Московского университета, 1954.

Киргизско-русский словарь. Фрунзе, 1985.

Нурмухаметова Р.С. Лексика материальной и духовной культуры татарского языка // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2011. №1(23). С. 165–169.

Потапов Л.П. Пища алтайцев [этнографический очерк] // Сборник музея антропологии и этнографии. М.-Л.: Наука, 1953. Т. XIV. С. 37–71.

Санашкина В.Е. Алтай аш-курсак. Горно-Алтайск: Ак чечек, 1995.

Сведения об авторе: Конурбаева Роза Эсенамановна, кандидат филологических наук, ученый секретарь Отделения общественных наук Национальной академии наук Кыргызской Республики (720071, просп. Чуй, 265а, Бишкек, Кыргызская Республика); rozakg2607@gmail.com

Поступила 6.09.2023

Принята к публикации 10.10.2023

TERMINOLOGY OF TRADITIONAL FOOD PRODUCTS IN ALTAI AND KYRGYZ LANGUAGES: LEXICAL-SEMANTIC ANALYSIS

R.E. Konurbayeva

Kyrgyz Republic National Academy of Sciences

Bishkek, Kyrgyz Republic

rozakg2607@gmail.com

The purpose of the study is to compare the vocabulary related to traditional nutrition in the Altai and Kyrgyz languages. It is based on linguistic materials collected by the author among residents of the villages of the Altai Republic: Kaspа, Shyrгаity of the Shebalinsk District; Kyrylk, Mondur-Sokkon, Kan-Oozy of the Ust-Kansk District; Yabogan, Yelo, Kulady, Bichiktu-Boom, and Kypchehen of the Onguday District. Their analysis revealed many lexical and semantic similarities in the Altai and Kyrgyz languages. This is especially noticeable in the names of meat dishes. The coincidences are explained by the identical economic and living conditions of the Altaians and Kyrgyz in the past and present. The formation of the vocabulary of the Altai and Kyrgyz languages took place in a distant era, when their speakers lived in the territory of Altai.

Keywords: material culture, food, meat dish, dairy products, drinks, parallels, word combinations, phonetic structures, semantics.

For citation: Konurbayeva R.E. (2023) Terminology of traditional food products in Altai and Kyrgyz languages: lexical-semantic analysis. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 8. No. 3: 341–352. DOI: 10.22378/he.2023-8-3.341-352 (In Russ.)

REFERENCES

Altai-Russian dictionary (2018). Gorno-Altaysk. (In Alt.; in Russ.)

Ancient Turkic dictionary (1969). Leningrad. (In Russ.)

Baskakov N.A. (1960) *Turkic languages*. Moscow. (In Russ.)

- Enchinov E.V. (2019) Traditions of slow food in the food culture of the Altaians. In: *Modern science: Current problems of theory and practice*. Series: Knowledge. No. 6: 15–16. (In Russ.)
- Great Soviet Encyclopedia* (1975). Moscow. (In Russ.)
- Ivanov V.V. (1954) *Genealogical classification of languages and the concept of linguistic kinship*. Moscow: Moscow University Publ. (In Russ.)
- Kyrgyz-Russian dictionary* (1985). Frunze. (In Kyrg.; In Russ.)
- Nurmukhametova R.S. (2011) Vocabulary of material and spiritual culture of the Tatar language. *Bulletin of the Tatar State Humanitarian and Pedagogical University* [Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta]. No. 1(23): 165–169. (In Russ.)
- Potapov L.P. (1953) Food of the Altaians. An ethnographic sketch. In: *Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography*. Moscow-Leningrad: Nauka Publ. Vol. XIV: 37–71. (In Russ.)
- Sanashkina V.E. (1995) *Altai ash-kursak*. Gorno-Altaiisk. (In Alt.; in Russ.)

About the author: Roza E. Konurbayeva, Cand. Sc. (Philology), Scientific Secretary of the Department of Social Sciences of the Kyrgyz Republic National Academy of Sciences (265a, Chuy Ave., Bishkek 720071, Kyrgyz Republic); rozakg2607@gmail.com

Received September 6, 2023

Accepted for publication October 10, 2023

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ
В КЫРГЫЗСКОМ И АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ
(ЭТИМОЛОГИЯ РОДСТВА И ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА)**

Ж.Б. Акматалиева

Университет Ниигаты

Ниигата, Япония

ajbukarbekovna@gmail.com

Цель статьи – на примере этимологии слов, связанных с родственными отношениями и телом человека, показать общее и особенное в базовой лексике современного кыргызского и алтайского языков. Автор осуществил перевод 113 слов из кыргызского и алтайского словарей. Эти слова были уточнены им среди носителей кыргызского и алтайского языков. В работе впервые выявляются разные, ранее не зафиксированные словарем значения базовой лексики указанных языков. Ее анализ выявил большое число полностью или частично совпадающих слов, имеющих одинаковые значения. Некоторые слова имеют специфические для каждого из сравниваемых языков значения. Обнаружены фонологические различия (при использовании некоторых согласных, некоторых гласных и долгих гласных), а также небольшие особенности в употреблении некоторых слов. Выдвинута гипотеза о том, что особенности лексического фонда алтайского языка формировались под влиянием языков других народов Сибири.

Ключевые слова: лексико-семантические соответствия, базовая лексика, тело человека, родственные отношения.

Для цитирования: *Акматалиева Ж.Б.* Лексико-семантические параллели в кыргызском и алтайском языках (этимология родства и тела человека) // Историческая этнология. 2023. Т. 8. № 3. С. 353–362. DOI: 10.22378/he.2023-8-3.353-362

Кыргызский и алтайский языки относятся к группе тюркских языков. Эта группа широко распространена на Евразийском континенте и согласно классификации L.Johanson (Johanson, 1998) делится на четыре подгруппы: юго-западные, северо-западные, юго-восточные и северо-восточные языки. Кыргызский язык относится к северо-западной группе, алтайский язык – к северо-восточной. По классификации Н.А. Баскакова оба языка относятся к кыргызско-кыпчакской группе восточно-хуннской ветви тюркских языков (Баскаков, 1958).

Кыргызский язык – государственный язык Кыргызской Республики, расположенной в Центральной Азии. Помимо Кыргызстана на кыргызском языке говорят в соседних регионах – Казахстане, Узбекистане, Таджикистане и за-

падном Китае. Всего на кыргызском языке говорят около 4,8 миллионов человек.

Алтайский язык – это язык, на котором говорят алтайцы, проживающие в Российской Федерации. На нем говорят около 50 000 человек. Алтайский язык, согласно оценке ЮНЕСКО, находится на уровне «серьезной опасности», т.е. под угрозой исчезновения. Алтайский язык распадается на две группы диалектов: северную (туба, кумандинский, челканский) и южную (алтайский, телеутский и теленгитский). Современный алтайский язык базируется на диалекте алтай-кижи. Объектом нашего исследования является южный диалект алтайского языка.

Многие исследователи часто отмечают сходство явлений кыргызского и алтайского языков (Баскаков, 1958; Баскаков, 1966; Батманов, 1959; Johanson, 1998). Э.Р. Тенишев делит историю кыргызского народа на три основные эпохи – енисейско-монгольскую (VII–XII вв.), алтайскую (VIII–XIV вв.), тяньшанскую (XV–XVI вв.) (Тенишев, 1997: 456–457). По его оценке, в алтайскую эпоху сформировались общие для нынешних алтайского и кыргызского языков характеристики (Тенишев, 1997: 457).

Цель статьи – на примере этимологии слов, связанных с родственными отношениями и телом человека, показать общее и особенное в базовой лексике современного кыргызского и алтайского языков. Сбор данных проводился с помощью анкетного опроса носителей кыргызского и алтайского языков. Научная новизна работы состоит в том, что она представляет собой первое исследование лексики кыргызских и алтайских слов, обозначающих родственные отношения и части тела человека. В работе впервые выявляются различные, ранее не зафиксированные словарем значения.

Базовая лексика – это понятие, которое охватывает слова, используемые в любом языке (например, вода, рука, гора). Считается, что базовая лексика не заимствована и ее сложно изменить.

Автор осуществил перевод 113 слов из кыргызского и алтайского словарей. После него слова были уточнены среди носителей кыргызского и алтайского языков. В качестве информантов выступили Наева Алевтина Ивановна (1972 г.р., из племени кипчаков, проживает в Республике Алтай Российской Федерации); Чемчиева Аржана (1977 г.р., родилась в Республике Алтай, проживает в городе Новосибирске Российской Федерации); Исаев Талгар (1980 г.р., родился в Республике Кыргызстан, проживает в Кочкорском районе Республики Кыргызстан).

В таблице 1 представлена общая характеристика изученной лексики.

Таблица 1

Общая характеристика обследованных слов, единиц

Слова, связанные с		◎	○	×
телом человека	66	62	3	1
родственными отношениями	47	43	1	3
ВСЕГО	113			

◎ – слова, являющиеся совершенно одинаковыми в двух языках.

○ – слова, имеющие небольшие различия в двух языках.

× – разные слова в двух языках.

Самой распространенной лексикой стали слова, связанные с телом человека. Их оказалось всего 66, из них 62 оказались одинаковыми в кыргызском и алтайском языках. Список слов представлен в таблице 2.

Таблица 2

Базовая лексика, связанная с телом человека

№	Кыргызский язык	Алтайский язык	Степень совпадения
1	<i>алакан</i>	<i>алакан</i>	◎
2	<i>баиш</i>	<i>баиш</i>	◎
3	<i>бел</i>	<i>бел</i>	◎
4	<i>арка</i>	<i>арка</i>	◎
5	<i>уча</i>	<i>уча</i>	◎
6	<i>бет</i>	<i>чырай</i>	◎
7	<i>чырай</i>	<i>чырай</i>	◎
8	<i>билек</i>	<i>кол</i>	◎
9	<i>боор</i>	<i>буур</i>	◎
10	<i>бөйрөк</i>	<i>бөдөрөк</i>	◎
11	<i>бут</i>	<i>бут</i>	◎
12	<i>дене</i>	<i>эт-сөдк</i>	○
13	<i>жаак</i>	<i>јаак</i>	◎
14	<i>жанбаиш</i>	<i>јалмаиш</i>	◎
15	<i>жаиш</i>	<i>јаиш</i>	◎
16	<i>жүз</i>	<i>јүс</i>	◎
17	<i>чач</i>	<i>чач</i>	◎
18	<i>жүрөк</i>	<i>јүрек</i>	◎
19	<i>ийин</i>	<i>ийин</i>	◎
20	<i>ириң</i>	<i>иринг</i>	◎
21	<i>ич</i>	<i>ич</i>	◎

22	<i>ичеги</i>	<i>ичеге</i>	◎
23	<i>кан</i>	<i>кан</i>	◎
24	<i>карын</i>	<i>карын</i>	◎
25	<i>каш</i>	<i>кабак</i>	◎
26	<i>киндик</i>	<i>киндик</i>	◎
27	<i>кир</i>	<i>кир</i>	◎
28	<i>кирпик</i>	<i>кирбик</i>	◎
29	<i>кол</i>	<i>кол</i>	◎
30	<i>колтук</i>	<i>колтык</i>	◎
31	<i>көз</i>	<i>кӧс</i>	◎
32	<i>көтөн, көчүк</i>	<i>көдөн, чоң эт</i>	◎
33	<i>чочок</i>	<i>чүчүк</i>	◎
34	<i>коток</i>	<i>коток</i>	◎
35	<i>ташак</i>	<i>тажаск</i>	◎
36	<i>кулак</i>	<i>кулак</i>	◎
37	<i>май, сары май</i>	<i>ус, сарју</i>	○
38	<i>манжа</i>	<i>сабар</i>	×
39	<i>мең</i>	<i>менг</i>	◎
40	<i>моюн</i>	<i>мойын</i>	◎
41	<i>мурун, тумишук</i>	<i>тумчук</i>	○
42	<i>мурут, сакал</i>	<i>эрин сагал</i>	◎
43	<i>мээ</i>	<i>мее</i>	◎
44	<i>ооз</i>	<i>оос</i>	◎
45	<i>өпкө</i>	<i>өкпө</i>	◎
46	<i>сакал</i>	<i>ээк сагал</i>	◎
47	<i>сөөк</i>	<i>сӧӧк</i>	◎
48	<i>тамак</i>	<i>тамак</i>	◎
49	<i>таман</i>	<i>таман</i>	◎
50	<i>тер</i>	<i>тер</i>	◎
51	<i>тери</i>	<i>тере</i>	◎
52	<i>тизе</i>	<i>тизе</i>	◎
53	<i>тил</i>	<i>тил</i>	◎
54	<i>тиш</i>	<i>тиш</i>	◎
55	<i>төш</i>	<i>төш</i>	◎
56	<i>тырмак</i>	<i>тырмак</i>	◎
57	<i>чач</i>	<i>чач</i>	◎
58	<i>кыл</i>	<i>кыл</i>	◎
59	<i>маңдай</i>	<i>мандай</i>	◎

60	<i>чеке</i>	<i>мандай</i>	◎
61	<i>чыканак</i>	<i>чаганак, чанчак</i>	◎
62	<i>шилекей</i>	<i>чилекей</i>	◎
63	<i>эмчек</i>	<i>эмчек</i>	◎
64	<i>эрин</i>	<i>эрин</i>	◎
65	<i>эт</i>	<i>эт</i>	◎
66	<i>ээк</i>	<i>ээк</i>	◎

Из 66 слов, связанных с телом человека, только 3 слова используются по-разному в анализируемых языках. Речь идет о следующих словах:

	Кыргызский язык	Алтайский язык	Степень совпадения
12	<i>дене</i>	<i>эт-сöök</i>	○
37	<i>май, сары май</i>	<i>ус, сарју</i>	○
41	<i>мурун, тумшук</i>	<i>тумчук</i>	○

Так, алтайское слово *эт-сöök* в переводе означает «мясо и кость». Слово *эт-сöök* не используется в кыргызском языке в значении «тело». Для него применяется слово *дене*. Слово *тумшук* на алтайском языке означает «нос». По-кыргызски оно означает нос животного или птицы, но не человека. В кыргызском языке для обозначения носа обычно используется слово *мурун*. Слово «масло» на кыргызском языке называется *сары май*, а на алтайском языке – *сарју*, которое, вероятно, происходит от слова «желтый». Наблюдаются различия в использовании алтайского слова *кабак* (в переводе оно означает «бровь»). В кыргызском языке для обозначения брови используется слово *каш*. Слово *каш* а алтайском языке не встречается.

Из группы слов, связанных с телом человека, только одно слово «палец» не соответствует в кыргызском и алтайском языках.

	Кыргызский язык	Алтайский язык	Степень совпадения
38	<i>манжа</i>	<i>сабар</i>	×

Рассмотрим слова, связанные с родственными отношениями. Выявлено 47 слов (табл. 3), из них 43 являются совершенно одинаковыми в кыргызском и алтайском языках.

Таблица 3

Базовая лексика, связанная с родственными отношениями

	Кыргызский язык	Алтайский язык	Степень совпадения
1	<i>аял</i>	<i>уй кижги</i>	×
2	<i>ата</i>	<i>ада</i>	◎
3	<i>эне</i>	<i>эне</i>	◎
4	<i>тайлар</i>	<i>таайлар</i>	◎
5	<i>чоң ата</i>	<i>тайдаа, таада</i>	◎
6	<i>чоң эне</i>	<i>јаана, тайна</i>	◎
7	<i>уул</i>	<i>уул</i>	◎
8	<i>кыз</i>	<i>кыс</i>	◎
9	<i>бала</i>	<i>бала</i>	◎
10	<i>небере</i>	<i>уулынын уулы</i>	◎
11	<i>ага, ака</i>	<i>ака</i>	◎
12	<i>эже-сиңди</i>	<i>эје-сыйын</i>	○
13	<i>эже</i>	<i>эје</i>	◎
14	<i>эр, күйөө</i>	<i>эр кижги</i>	◎
15	<i>ини</i>	<i>ийи, ийин, карындаж</i>	◎
16	<i>сиңди</i>	<i>сыйын, карындаж</i>	◎
17	<i>ага-карындаш</i>	<i>ака-карындаш</i>	◎
18	<i>карындаш</i>	<i>еје, сыйын</i>	◎
19	<i>бүлө</i>	<i>биле</i>	◎
20	<i>жеңе</i>	<i>јене</i>	◎
21	<i>жезде</i>	<i>јесте</i>	◎
22	<i>күйөө бала</i>	<i>күйөө бала</i>	◎
23	<i>ата-эне</i>	<i>ада-эне</i>	◎
24	<i>бөбөк</i>	<i>јаш бала</i>	◎
25	<i>туугандар</i>	<i>төрөөндөр</i>	×
26	<i>жетим</i>	<i>өскүс</i>	×
27	<i>жээн</i>	<i>јеен</i>	◎
28	<i>кенже уул</i>	<i>кичүү уул</i>	◎
29	<i>келин</i>	<i>келин</i>	◎
30	<i>өгөй ата</i>	<i>өйү ада</i>	◎
31	<i>өгөй эне</i>	<i>өйү эне</i>	◎
32	<i>өгөй кыз</i>	<i>өйү кыс</i>	◎
33	<i>өгөй уул</i>	<i>өйү уул</i>	◎
34	<i>куда</i>	<i>куда</i>	◎

35	<i>кудагый</i>	<i>кудагай</i>	◎
36	<i>чал</i>	<i>карган киж</i>	◎
37	<i>эгиз</i>	<i>эгис</i>	◎
38	<i>эркек</i>	<i>эркек</i>	◎
39	<i>кайын ата</i>	<i>кайын ада</i>	◎
40	<i>кайын эне</i>	<i>кайын эне</i>	◎
41	<i>бөлө</i>	<i>бөлө</i>	◎
42	<i>тай ата, таята</i>	<i>таай ада, таада</i>	◎
43	<i>тай эне, таене</i>	<i>тайна</i>	◎
44	<i>таа жеңе, таажеңе</i>	<i>таай жеңе, таајеңе</i>	◎
45	<i>таа жезде, таажезде</i>	<i>таай јесте, таајесте</i>	◎
46	<i>тай эже, таеже</i>	<i>таай эје, тайје</i>	◎
47	<i>тай аке, таяке</i>	<i>таай аке, тайке</i>	◎

Из 47 слов 3 слова используются по-разному в изучаемых языках, то в кыргызском и алтайском языках имеются слова со специфическими значениями.

	Кыргызский язык	Алтайский язык	Степень совпадения
1	<i>аял</i>	<i>уй киж</i>	×
25	<i>туугандар</i>	<i>төрөөндөр</i>	×
26	<i>жетим</i>	<i>өскүс</i>	×

В алтайском языке не используется слово *аял*, но применяется слово *уй киж*, что означает «домохозяйка». Алтайское слово *төрөөндөр* означает «родственников». В кыргызском языке для их обозначения используется слово *туугандар*. В алтайском языке глагол *төрө-* означает «родить», в кыргызском языке «родить» обозначается словом *туу-*. Отсюда и возникает разница в слове «родственники». Как видим, между двумя языками есть тонкие особенности.

Имеются различия в использовании алтайского слово *таай ада, таада* или *тайна* (в переводе оно означает «дедушка» или «бабушка»). В алтайском языке *таай ада, таада* или *тайна* используется в отношении дедушки и бабушки с отцовской и материнской стороны. В кыргызском языке слово *тай* используется только для обозначения родственников с материнской стороны.

Проведем анализ фонологических особенностей кыргызского и алтайского языков, которые можно увидеть при изучении базовой лексики. Исследование выявило различия при использовании некоторых согласных в обоих языках. Подробно рассмотрим каждый из них.

с, з

алтайский язык	<i>кӧс, оос, кыс, жесте, мүӱс, эгис</i>
кыргызский язык	<i>көз, ооз, кыз, жезде, мүйүз, эгиз</i>

д, т

алтайский язык	<i>ада, ада-эне, өӧй ада, кайын ада, көдӧн</i>
кыргызский язык	<i>ата, ата-эне, өгөй ата, кайын ата, көтөн</i>

ч, ш

алтайский язык	<i>тумчук, чилекей</i>
кыргызский язык	<i>тумшук, шилекей</i>

б, п

алтайский язык	<i>кирбик</i>
кыргызский язык	<i>кирпик</i>

г, к

алтайский язык	<i>сагал</i>
кыргызский язык	<i>сакал</i>

ж, ш

алтайский язык	<i>карындаж, тажак</i>
кыргызский язык	<i>карындаш, ташак</i>

В алтайском языке слово *карындаж* используется для обозначения братьев и сестер. В обоих языках *карын* означает «живот». Суффикс *-даш* означает «вместе», т.е. «быть вместе в одном животе». Похоже, что изначально указанное слово использовалось в кыргызском языке с тем же значением, но в современном языке оно получило широкое распространение в смысле «младшая сестра».

Исследование выявило различия в использовании некоторых гласных и долгих гласных в обоих языках.

е, ө

алтайский язык	<i>јӱрек, биле</i>
кыргызский язык	<i>жүрөк, бүлө</i>

е, и

алтайский язык	<i>ичеге, тере</i>
кыргызский язык	<i>ичеги, тери</i>

Специфика долгих гласных

алтайский язык	<i>буур, төрөөндөр</i>
кыргызский язык	<i>боор, туугандар</i>

й и долгие гласные

алтайский язык	<i>мүүс, бөөрөк</i>
кыргызский язык	<i>мүйүз, бөйрөк</i>

Интересен тот факт, что кыргызское слово *өнкө* в алтайском языке звучит как *өкпө*, т.е. согласные «п» и «к» меняются местами.

* * *

Анализ базовой лексики кыргызского и алтайского языков позволил выявить общее и особенное в этих двух языках. Это выражается:

- в большом количестве слов, которые полностью или частично совпадают (лексическое соответствие), т.е. они представлены одними и теми же значениями;
- некоторые слова имеют специфические для каждого из сравниваемых языков значения;
- в фонологических различиях;
- в наличии небольших особенностей в употреблении некоторых слов.

Выявленные особенности лексического фонда алтайского языка, вероятно, формировались под влиянием других языков народов Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

- Баскаков Н.А.* Алтайский язык. М., 1958.
Баскаков Н.А. Алтайский язык // Языки народов СССР. Т.2. М., 1966. С. 506–524.
Батманов И.А. Некоторые лингвистические данные к этногенезу киргизского народа // Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции. Фрунзе, 1959. С. 90–104.
Johanson L. The History of Turkic // The Turkic Languages. *L.Johanson and E. Ágnes Csató* (eds). London, New York: Routledge, 1998. P. 81–125.

Сведения об авторе: Акматалиева Жакшылык Букарбековна, профессор, Университет Ниигаты (Ниигата, Япония); ajbukarbekovna@gmail.com

Поступила 26.05.2023

Принята к публикации 22.09.2023

**LEXICAL-SEMANTIC PARALLELS IN THE KYRGYZ AND ALTAI LANGUAGES
(ETYMOLOGY OF KINSHIP AND THE HUMAN BODY)****Zh.B. Akmatalieva***Niigata University**Niigata, Japan**ajbukarbekovna@gmail.com*

The purpose of the article is to use the example of the etymology of words related to family relationships and the human body to show the general and special in the basic vocabulary of modern Kyrgyz and Altai languages. The author translated 113 words from Kyrgyz and Altai dictionaries. These words were clarified among speakers of the Kyrgyz and Altai languages. The work reveals for the first time different meanings of the basic vocabulary of these languages that were not previously recorded in the dictionary. Its analysis revealed a large number of completely or partially matching words with the same meanings. Some words have meanings specific to each of the languages being compared. Phonological differences were discovered (using some consonants, some vowels and long vowels), as well as slight differences in the use of some words. A hypothesis has been put forward that the features of the lexical fund of the Altai language were formed under the influence of the languages of other peoples of Siberia.

Keywords: lexical-semantic correspondences, basic vocabulary, human body, family relations.

For citation: Akmatalieva Zh.B. (2023) Lexical-semantic parallels in the Kyrgyz and Altai languages (etymology of kinship and the human body). *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 8. No. 3: 353–362. DOI: 10.22378/he.2023-8-3.353-362 (In Russ.)

REFERENCES

- Baskakov N.A. (1958) *The Altai language*. Moscow. (In Russ.)
- Baskakov N.A. (1966) The Altai language. In: *Languages of the peoples of the USSR*. Vol. 2. Moscow: 506–524. (In Russ.)
- Batmanov I.A. (1959) Some linguistic data on the ethnogenesis of the Kyrgyz people. In: *Proceedings of the Kyrgyz archaeological and ethnographic expedition*. Frunze: 90–104. (In Russ.)
- Johanson L. (1998) The History of Turkic. In: L. Johanson and E. Ágnes Csató (eds.). *The Turkic Languages*. London, New York: Routledge: 81–125.

About the author: Zhakshylyk B. Akmatalieva, Professor, Niigata University (Niigata, Japan); *ajbukarbekovna@gmail.com*

*Received May 26, 2023**Accepted for publication September 22, 2023*

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ТЮРКОВ В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ

УДК 392

СОБИРАТЕЛИ ГАГАУЗСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ РОССИЙСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Н.М. Калашникова

*Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна*

*Российский этнографический музей
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ethnonataly@mail.ru*

В статье анализируется собирательская деятельность сотрудников Российского этнографического музея и любителей-краеведов Бессарабии, которые на протяжении столетия занимались комплектованием коллекций по этнографии гагаузского народа. Этот фонд содержит более трехсот вещественных памятников, архивных, иллюстративных и фотоматериалов по гагаузам-переселенцам, проживавшим на территории Новороссии (а впоследствии юге Молдовы и в Одесской области Украины). Особый интерес представляет тот факт, что сбор материалов, характеризующих материальную и духовную культуру гагаузов, происходил на протяжении длительного времени в одних и тех же селах. Это позволяет проследить динамику развития бытовой культуры гагаузского этноса.

Ключевые слова: гагаузы, этнографические коллекции, собиратели, любители-краеведы, Российский этнографический музей.

Для цитирования: *Калашникова Н.М.* Собиратели гагаузских коллекций Российского этнографического музея // Историческая этнология. 2023. Т. 8. № 3. С. 363–373. DOI: 10.22378/he.2023-8-3.363-373

Российский этнографический музей (далее РЭМ) в Санкт-Петербурге содержит уникальные коллекции, которые характеризуют быт и культуру практически всех народов и народностей, населявших Российскую Империю и Советский Союз в XIX – XX вв. Среди них достойное место занимает небольшое собрание по этнографии гагаузов – одного из самых загадочных народов, поскольку вопрос о его происхождении до сих пор остается открытым. По одной из версий – гагаузы произошли от тюркоязычных болгар, мигрировавших на Балканы с Волги в VII столетии и три века спустя принявших христианство

(Гагаузы, 2011: 7–10). В первых свидетельствах о расселении гагаузов на территории Балканского полуострова упоминается исторический регион Добруджа, где гагаузы проживали совместно с болгарями (Гагаузы, 2011: 66–98).

История гагаузского народа трагична и неотделима от других этносов, которые оказались под османским игом, продолжавшимся пять столетий. В конце XVIII – начале XIX века гагаузы вместе с болгарями, спасаясь от репрессий турецких властей, переселялись из Болгарии в Россию, где основным местом проживания для них стали Таврическая и Бессарабская губернии (Мещерюк, 1971: 18–19).

Гагаузские этнографические коллекции известны в музеях Молдовы и Болгарии, однако самыми «ранними» по хронологии сбора являются экспонаты, хранящиеся в Санкт-Петербурге, в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской академии наук (МАЭ РАН) и в собрании Российского этнографического музея (РЭМ). Они содержат вещественные памятники, архивные, иллюстративные и фотоматериалы по гагаузам-переселенцам, проживавшим на территории Новороссии (а впоследствии юге Молдовы и в Одесской области Украины). Гагаузские коллекции МАЭ РАН хорошо известны благодаря деятельности известного этнографа, языковеда и собирателя музейных коллекций В.А. Мошкова (Гагаузы, 2019). Гагаузская коллекция РЭМ не столь известна, однако она представляет несомненный исследовательский интерес, так как её комплектование продолжалось более ста лет, при этом сборы происходили на протяжении длительного времени в одних и тех же селах, что позволяет проследить динамику развития бытовой культуры гагаузов на протяжении столетия.

Известно, что изучение традиционной культуры гагаузов в РЭМ (первоначально – Этнографический отдел Русского музея Александра III) началось в 1905 г. Основная задача начального периода работы Этнографического отдела заключалась в комплектовании фондов, которое осуществляли ведущие специалисты в области этнографии того времени. Экспедиционно-собираТЕЛЬская деятельность Этнографического отдела с самого начала была научно продумана и проводилась на основе специально разработанной «Программы для собирания этнографических предметов», в которой основное внимание было уделено изучению материального быта народов России. «Жилище, одежда, утварь, орудия труда, предметы практической и художественной производительности, являющиеся выражением культурной и экономической жизни, должны, прежде всего, стать предметом пристального внимания исследователя не менее, чем живая народная речь, мир преданий, верований и народно-поэтическое творчество в его целом», – отмечалось в ней (Программа..., 1903: 7).

Среди фондообразователей гагаузской коллекции РЭМ следует назвать научных сотрудников, работавших в разные годы существования музея и собравших более 300 артефактов, характеризующих многие стороны жизни гагаузского народа. Это Н.М. Могилянский (1905), А.Г. Данилин (1940), Н.М. Калашникова (1979–1982, 1984, 1986), Е.Ф. Кононова и Е.Я. Тимофеева (1980), а также

любитель-краевед П.А. Шуманский (1911–1912), гагаузовед М.В. Маруневич/Збырня (1981), музыкальный мастер Г.Г. Стоматов (1987).

География сборов в разные годы охватывала Бессарабскую губернию (Бендерский и Тираспольский уезды) и Молдавскую ССР (Вулканештский, Комратский, Тараклийский, Чадыр-Лунгский районы), а также сопредельные территории Украины (Одесская область, Болградский и Килийский районы).

Первую гагаузско-болгарскую коллекцию приобрел для музея Николай Михайлович Могилянский – заведующий Этнографическим отделом Русского музея, выдающийся российский этнограф и антрополог начала XX в. Обследуя летом 1905 г. гагаузские села Чадыр-Лунга, Кирютня (Кортень), Комрат, Кирсово, Беш-Алма, Беш-Темин Бендерского уезда Бессарабской губернии исследователь собрал коллекцию (РЭМ 743), где были широко представлены предметы из глины, металла, дерева, текстиль (одежда, полотенца, образцы тканей, заготовки сырья), раскрашенные яйца и музыкальные инструменты (рис. 1, 2, 3, 4). Одним из важных маркеров бытовой культуры исследователь считал одежду, поэтому приобретенные в селах Кирютня и Чадыр-Лунга наряды позволили представить одежду гагаузов, переселявшихся с Балкан, которая имела много общих черт с болгарской, в частности, в использовании шерстяных, хлопчато-бумажных и шелковых тканей, в сходстве темной цветовой гаммы и части элементов одежды. Так, в комплекс одежды пожилой женщины входили рубаха на кокетке *гельмек*, сшитая из домотканины с вышивкой крестом, женское платье без рукавов из клетчатой ткани *чукман*, подол которого отделявали каймой черного бумажного бархата, шерстяной передник *фыта* и черный платок *чембер*, украшенный ручного плетения шелковой бахромой (рис. 5).

Рис. 1. Чашка для брынзы. Гагаузы, болгары. Конец XIX в. Глина. Бессарабская губ., Бендерский у., с. Комрат. Собиратель Н.М. Могилянский, 1905 г. РЭМ, 743-130 а,б.

Рис. 2. Рукомойник. Гагаузы, болгары. Конец XIX – начало XX в. Медь. Бессарабская губ., Бендерский у., с. Комрат. Собиратель Н.М. Могилянский, 1905 г. РЭМ, 743-121.

Рис. 3. Лапти. Гагаузы, болгары. Начало XX в.
Кожа свиная. Бессарабская губ.
Собиратель Н.М. Могилянский,
1905 г. РЭМ, 743-94/1,2.

Рис. 4. Писанка. Гагаузы. 1900–1905 гг.
Яичная скорлупа, краска. Бессарабская губ.,
Бендерский у., с. Кирсово. Собиратель
Н.М. Могилянский, 1905 г. РЭМ, 743-137.

Рис. 5. Женский костюм. Гагаузы. Начало XX в. Шерстяные и хлопчатобумажные ткани.
Бессарабская губ., Бендерский уезд, сс. Кирютня, Чадыр-Лунга.
Собиратель Н.М. Могилянский, 1905 г. РЭМ, 743 (49,53,58).

Пополнялись гагаузские фонды РЭМ не только с помощью музейных сотрудников, но и другими способами, в том числе передачами из разных музеев. Так, например, известно, что Валентин Александрович Мошков – ученый, внесший значительный вклад в развитие гагаузоведения, свои основные коллекции по этнографии гагаузов приобретал в Бессарабской губернии для МАЭ РАН, однако, в 1948 г. в результате передачи из Государственного музея народов СССР (Москва) фонды РЭМ пополнились ценными фотографиями и акварелями, выполненными В.А Мошковым в 1903 г.

Комплектованием гагаузского собрания занимались не только сотрудники музея. Значительную помощь в сборе экспонатов оказывали и любители-краеведы, среди которых был и Петр Андреевич Шуманский. В селе Чадыр-Лунга Бендерского уезда Бессарабской губернии он приобрел для музея в 1911–1912 гг. музыкальные инструменты, входившие в состав сельского оркестра, зимнюю мужскую одежду и отдельные дополнения к костюму, а также образцы (муляжи) свадебного хлеба, редко встречаемые детские амулеты (рис. 6) и небольшую коллекцию пасхальных яиц, украшенных орнито-морфными орнаментами в виде птичьих головок.

В архиве Российского этнографического музея хранится ценная переписка П.А. Шуманского с представителями музея, которая содержит информацию о его работе по сбору коллекций, транспортировке вещей, вариантов описания их применения; его размышления о том, что учитывая смешанный состав населения, довольно часто одни и те же предметы бытовали сразу у нескольких народов, проживавших на единой территории, и имели сходную терминологию. Так, в отчете от 11 октября 1911 г. содержится описание модели поминального дерева в натуральную величину, носящего молдавское название *пом*. П.А. Шуманский при его характеристике сообщает, что гагаузы использовали аналогичные предметы: «Обычай готовить *пом* при погребении умерших существует повсеместно в Бессарабии, как в среде молдаван, так и гагаузов. Убранство дерева повсюду одинаково, но количество развешанных предметов, как равно и их качество, зависит от материального положения семьи умершего. После погребения все навешанное на дерево раздается детям, платок, полотенце и коновка (деревянный кувшин) – бедным. Иногда весь *пом* относится к одному лицу, которому он был завещан покойным. В этих случаях дерево торжественно переносится к владельцу *пома*,

Рис. 6. Амулет. Гагаузы. Начало XX в. Стекло. Бессарабская губ., Бендерский у., с. Чадыр-Лунга. Собиратель П.А. Шуманский, 1911 г. РЭМ, 4097-11.

где разбирается, сладости съедаются и раздаются за упокой души умершего. Подобный *пом* часто готовится и на сороковой день смерти. При погребении дерево несется впереди процессии, вставленным либо в простой кувшин, либо в коновку, наполненные водой. В некоторых деревнях *пом* втыкается в калач, но в этом случае дерево выбирается малое. В числе сладостей, навешанных на дерево, обязательно находятся и сезонные фрукты. Зимой все сладости развешиваются на ветках голого дерева» (Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 726. Л. 41, 42).

Таким образом, в дореволюционный период постепенно решалась задача наполнения фондов музея, в том числе и гагаузской коллекции, артефактами, характеризующими традиционные компоненты народной культуры.

В 1930-е годы главными задачами музея продолжали оставаться сбор и изучение памятников традиционно-бытовой культуры, предметов, бытовавших у местного населения в то время. Так, в 1940 г., в период создания историко-этнографической выставки «Молдавская ССР», старший научный сотрудник музея А.Г. Данилин специально выезжал в Молдавию для сбора экспонатов, в ходе которой он посетил города Измаил, Кишинев и Тирасполь. Им была собрана небольшая коллекция предметов, представляющих домашние ремёсла и промыслы молдаван и гагаузов (Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 804).

Во второй половине XX в. сотрудники музея продолжали вести работу, направленную на подготовку музейных экспозиций и выставок. Так, сотрудники Е.Я. Тимофеева и Е.Ф. Кононова в 1980 г. в селе Старые Трояны Килийского района Одесской области, на Украине собрали разнообразную по составу коллекцию, содержащую деревянные орудия труда, предметы для переноски тяжестей, глиняную, медную и плетеную утварь, текстиль для убранства интерьера и предметы одежды (РЭМ 10203).

Следует отметить, что РЭМ – крупнейший этнографический музей, являющийся методическим центром страны, поддерживал тесные научные контакты с академическими и музейными учреждениями Кишинева и Киева, проводя совместные этнографические экспедиции, участвуя в научных конференциях. Примером такого сотрудничества может служить методическая помощь, оказанная в 1960-е годы сотрудниками РЭМ директору музея села Бешалма (Комратский р-н, МССР) – Дмитрию Николаевичу Карачобану (1933–1986) в создании первого в Гагаузии сельского музея. В свою очередь помощь в сборе коллекций по этнографии гагаузов для петербургского музея в 1980-е годы оказывали сотрудники Академии наук Молдавской ССР – В.С. Зеленчук, С.С. Курогло, М.В. Маруневич.

Особо следует отметить этнографа и педагога, политического и общественного деятеля Гагаузии, одного из крупнейших специалистов в области изучения материальной культуры гагаузов – Марию Васильевну Маруневич/Збирня (Василиогло). Давние контакты связывали учёного-гагаузоведа с сотрудниками отдела этнографии Белоруссии, Украины, Молдавии РЭМ. Ве-

щевые и архивные материалы, полученные в коллекционное собрание музея благодаря собирательской деятельности М.В. Маруневич, свидетельствуют о ней как о специалисте, демонстрировавшем умелое обращение не только с предметами бытовой культуры, но и умении работать с информантами, что сочеталось с глубокими знаниями в области материальной и духовной культуры гагаузского народа, полученными исследователем ещё в далёком детстве.

М.В. Маруневич была первоклассным консультантом и опытным собирателем этнографических коллекций, благодаря чему фонды РЭМ пополнились интересными предметами XIX–XX вв., характеризовавшими быт и культуру гагаузского этноса. Ценность этой коллекции (РЭМ 10299) заключается не только в самих экспонатах, но и в той информации, включая терминологию, которая была получена благодаря знаниям М.В. Маруневич. Так, о мужской и женской рубашках исследователь сообщала, что они являются подарками невесты свекру и свекрови, сшитыми на швейной машинке в 1950-е годы, которые не носили, а берегли на смерть. О бусах из сушеных ягод с деревянным крестиком и синей бусиной – *хаджи-банжук*, являющихся оберегом от сглаза, в описи говорится, что привозили их из святых мест и вешали обычно около икон, а по религиозным праздникам надевали на шею. О шнуре – *карабаа*, который использовался для подвязывания *сарры* – онучей, сообщается, что его изготовили в 1960-е годы из крученого конского волоса, а о женской обуви *терлики* – тапочках из шерстяной ткани, сшитых на машинке в 1950-е годы, что их носили в комплексе с традиционным костюмом как в доме, так и на улице (опись РЭМ 10299).

Однако основные коллекции этого периода, характеризующие традиционную культуру гагаузов, подробно снабженные легендами, с указанием истории использования, иногда авторства были собраны Н.М. Калашиковой – заведующей отделом этнографии Белоруссии, Украины, Молдавии РЭМ. Маршруты экспедиции собирателя были составлены таким образом, чтобы можно было проследить динамику развития бытовой культуры этого народа на протяжении столетия, поэтому обследованию подвергались села юга Молдавии и Одесской области Украины, где в начале XX в. работал выдающийся российский этнограф и музеевед Н.М. Могиланский и любитель-краевед П.А. Шуманский.

Основные коллекции этого периода были собраны в Вулканештском, Комратском, Тараклийском, Чадыр-Лунгском районах МССР и Болградском районе Одесской области УССР (РЭМ 10071, 10152, 10299, 10427, 10663, 10888). Среди приобретений можно выделить предметы текстиля с указанием их назначения: образцы тканей для женских платьев – *чукмак*, одеял – *йорган юзю* или подушек удлиненной формы – *йастык юзю*, настенных дорожек – *кадрел* или *палагар* (рис. 7, 8); полные комплексы мужской и женской одежды, редко встречаемые женские украшения: пластинчатые браслеты, монетные ожерелья *махмудя*, двухчастная пряжка *пафта/колан* (рис. 9).

Рис. 7. Наволочка. Гагаузы. 1930-е гг. Шерстяная и хлопчатобумажная ткани. МССР, Вулканештский р-н, с. Этулия. Собиратели: Н.М. Калашникова, М.В. Збирня, 1981 г. РЭМ, 10299-20.

Рис. 8. Браслет. Гагаузы. Конец XIX – начало XX в. Металл. МССР, Вулканештский р-н, с. Этулия. Собиратели Н.М. Калашникова, М.В. Збирня, 1981 г. РЭМ, 10299-13.

Рис. 9. Пряжка. Гагаузы. 1920-е гг. Металл. МССР, Чадыр-Лунгский р-н, с. Гайдары. Собиратель Н.М. Калашникова, 1984 г. РЭМ, 10663-56 а,б.

При сборе экспонатов этнограф отмечала «вторичное» использование предметов материальной культуры. Так, например, покрывало для зашивания одежды на стене – *чакшаф* с появлением шкафов стали использовать в качестве покрывала на кровать. В описи экспонатов зафиксировано и новое явление в области техники декора гагаузских полотенец, заключающееся в том, что в начале 1950-х годов в селе Димитровка Болградского района Одесской области СССР появился мастер, который украшал набивным орнаментом старинные полотенца, имитируя вышивку.

Уникальной по качеству исполнения и количеству (40 ед. хр.) является собранная Н.М. Калашниковой коллекция изделий из декоративной тыквы, выполненная гагаузским художником Петром Влахом (РЭМ 10071/1–15; 10299/1–25). Своеобразие творчества этого мастера состояло в умелом сочетании традиций народного искусства, использовавшего в качестве материала высушенную декоративную тыкву, и современного способа декора – выжигания (Калашникова, 2013: 209–214). Данная коллекция поражает разнообразием изделий по их назначению и форме: декоративные сосуды; вазы для цветов; сосуды для вина и воды, для хранения сушеных стручков перца и соли; черпаки и воронки (лейки) для воды и вина; чашка для голубцов (рис. 10).

Рис. 10. Ваза. Гагаузы. 1979 г. Тыква декоративная. МССР, г. Комрат. Собиратель Н.М. Калашникова, 1979 г. Автор-художник П.Н. Влах. РЭМ, 10071-4.

Таким образом, гагаузские коллекции РЭМ, насчитывающие более трехсот предметов, достаточно полно отражают этнографию гагаузов XIX–XX вв., являются важным источником для изучения этногенеза, культуры, хозяйства и быта гагаузского народа и свидетельствуют о бережном сохранении его культурного наследия в собрании одного из крупнейших музеев Санкт-Петербурга. В настоящее время готовится издание каталога гагаузских вещевых и фотоколлекций из собрания РЭМ, благодаря которому будут введены в научный оборот разнообразные, а в некоторых тематических разделах поистине уникальные гагаузские коллекции.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской академии наук
РЭМ – Российский этнографический музей

ИСТОЧНИКИ

Архив РЭМ. Ф. 1. Оп.2. Д. 726. Л. 41, 42.

Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 804.

Программа для собирания этнографических предметов. Издание III-е Этнографического отдела Русского музея имп. Александра III. Санкт-Петербург, 1903.

ЛИТЕРАТУРА

Гагаузы / отв. ред. *М.Н. Губогло, Е.Н. Квилинкова*; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т культурного наследия АН Молдовы. М.: Наука, 2011. (Народы и культуры).

Гагаузы: Каталог коллекций Кунсткамеры / авт.-сост.: *Л.С. Лаврентьева, Н.Г. Голант, Д.Е. Никогло*; отв. ред.: *А.А. Новик, С.С. Булгар*. Комрат: Н.-и. центр Гагаузии им. М.В. Маруневич; Санкт-Петербург: МАЭ РАН, (Е.Ф.-Р. «Tipografia Centrala»), 2019.

Калашникова Н.М. История одной гагаузской коллекции из собрания Российского этнографического музея // Этнографические коллекции в музеях: культурные стратегии и практики. Материалы Двенадцатых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: СПГУТД, 2013. С. 209–214.

Меццериук И.И. Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел в Южной Бессарабии (1808–1856 гг.). Кишинев, 1971.

Сведения об авторе: Калашникова Наталья Моисеевна, доктор культурологии, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна; заведующая отделом этнографии Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы, Российский этнографический музей (191186, ул. Инженерная, 4/1, Санкт-Петербург, Российская Федерация); ethnonataly@mail.ru

Поступила 25.09.2023

Принята к публикации 25.10.2023

**COLLECTORS OF GAGAUZ COLLECTIONS
OF THE RUSSIAN MUSEUM OF ETHNOGRAPHY**

N.M. Kalashnikova

St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

Russian Museum of Ethnography

St. Petersburg, Russian Federation

ethnonataly@mail.ru

The article analyzes the collecting activities of the Russian Ethnographic Museum employees and amateur local historians of Bessarabia, who have been gathering collections on the Gagauz people ethnography for a century. This fund contains over three hundred material monuments, archival, illustrative and photographic materials on the Gagauz migrants who lived in the territory of Novorossiia (and subsequently in the south of Moldova and in the Odessa Region of Ukraine). Of particular interest is the fact that collecting the materials which characterise the material and spiritual culture of the Gagauz people took place over a long period of time in the same villages. This allows us to trace the dynamics of the development of everyday culture of the Gagauz ethnic group.

Keywords: Gagauz, ethnographic collections, collectors, amateur local historians, Russian Museum of Ethnography.

For citation: Kalashnikova N.M. (2023) Collectors of Gagauz collections of the Russian Museum of Ethnography. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 8. No. 3: 363–373. DOI: 10.22378/he.2023-8-3.363-373 (In Russ.)

REFERENCES

The Gagauz (2011) M.N. Guboglo, E.N. Kvilinkova (eds.); N.N. Miklukho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology RAS; the Moldova Academy of Sciences Institute of Cultural Heritage. Moscow: Nauka Publ. (Peoples and Cultures). (In Russ.)

Gagauzia: The catalogue of the Kunstkamera collections (2019). Comp. by L.S. Lavrentieva, N.G. Golant, D.E. Nikoglo; A.A. Novik, S.S. Bulgar (eds.). Comrat: M.V. Marunovich Scientific Research Center of Gagauzia. St. Petersburg: MAE RAS, Tipografia Centrala Publ. (In Russ.)

Kalashnikova N.M. (2013) The history of one Gagauz collection from the collection of the Russian Ethnographic Museum. In: *Ethnographic collections in museums: Cultural strategies and practices*. Materials of the 12th St. Petersburg ethnographic readings. St. Petersburg: SPGUTD Publ.: 209–214. (In Russ.)

Meshcheryuk I.I. (1971) *Socio-economic development of Bulgarian and Gagauz villages in Southern Bessarabia (1808–1856)*. Chisinau. (In Russ.)

About the author: Natalya M. Kalashnikova, Dr. Sc. (Cultural Studies), Professor, St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design; Head of the Department of Ethnography of Eastern, South-Eastern and Central Europe, Russian Museum of Ethnography (4/1, Inzhenernaya St., St. Petersburg 191186, Russian Federation); ethnonataly@mail.ru

Received September 25, 2023

Accepted for publication October 25, 2023

**ВЫСОКОРЕЛЬЕФНАЯ ЧЕКАНКА
В КАЗАНСКО-ТАТАРСКОЙ ЮВЕЛИРНОЙ ТРАДИЦИИ:
ИСТОРИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Л.Н. Дони́на

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
lis.art@mail.ru*

Статья посвящена выявлению истоков и региональных особенностей технологии высокорельефной чеканки в казанско-татарской ювелирной традиции. Основным источником послужила электронная база татарских украшений из музейных коллекций, собранная в рамках академического проекта «Ювелирные украшения тюркских народов Евразии: общее и особенное» (Российский фонд фундаментальных исследований 2013–2014 гг., №13-06-97056). Исследование базировалось на системном технико-стилистическом анализе традиционных украшений и детальном синхронно-диахронном рассмотрении болгаро-золотоордынских и татарских изделий с объёмным изображением. Реконструкция технологических приёмов, относящихся в данному виду художественной обработки металла, позволила выявить специфические особенности формообразования декора. Преобладал ручной способ получения уникального рельефа пунсонами с фигурным бойком. Украшения характеризуют: двух-трёх уровневый барельеф, отсутствие «замкового» профиля, принцип «наборности», лежащий в основе условно трактованных цветочно-растительных мотивов, геометрическая упорядоченность, подчинённая законам центрально-лучевой композиции. Завершённая форма украшения соотносится с типичными признаками «чеканки насечкой», являющейся маркером татарской ремесленной традиции: гладкий рельеф и «зерновой» фон. Комплексный подход позволил сделать вывод, что истоки сложившейся художественно-образной системы прослеживаются в артефактах болгарского и золотоордынского серебра XI–XIV вв., изготовленных тиснением, штамповкой, выколоткой по матрице. На формирование технологических особенностей оказали влияние традиции высокорельефной чеканки, получившей развитие в ювелирном деле русских серебряников Казанского Поволжья в XVII–XVIII вв. Специфика татарской рельефной чеканки в целом сформировалась в контексте исламского искусства.

Ключевые слова: формование, смещение, тиснение, штамповка, выколотка, орнамент, золотоордынская, болгарская торевтика.

Для цитирования: Дони́на Л.Н. Высокоре́льефная чеканка в казанско-татарской ювелирной традиции: историко-технический анализ // Историческая этнология. 2023. Т. 8. № 3. С. 374–388. DOI: 10.22378/he.2023-8-3.374-388

Высокорельефная чеканка считается одним из труднейших технических приёмов художественной обработки металла, заключающемся в получении объёма на металлической пластине. В Казани, как и в других городах Поволжья – в Ярославле, Нижнем Новгороде, Костроме её расцвет пришёлся на XVII век. Изделия русских ювелирных центров – предметы роскоши, церковная утварь и оклады отличались самобытностью, в которой было много общего с местной резьбой по дереву. В противоположность ярославской и нижегородской объёмной чеканке со скульптурными деталями, в костромской и казанской преобладали низкий рельеф и измельчённость сложных узоров (Постникова-Лосева, 1974: 68–104).

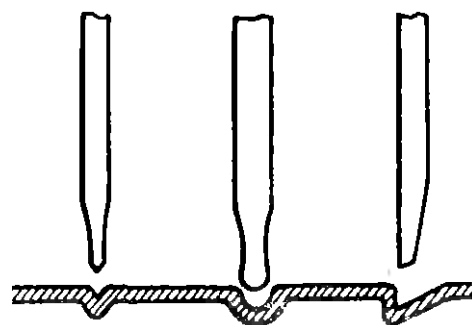
Казанско-татарская рельефная чеканка обладала характерными особенностями, обусловленными региональной спецификой ремесленных традиций (Донина, Сулова, 2018; Донина, Сулова, 2022). Её технико-технологические особенности нашли преломление в изготовлении и декоре женских серебряных украшений – блях, браслетов, коранниц, входивших в костюмный комплекс традиционного костюма.

Технология

Основными методами создания объёма являются *формование* и *смещение* (терминология по Э.Бреполю). *Формованием* рельефное изображение опускается с оборотной стороны, его профильный срез имеет характерные «беззамковые» плавные линии силуэта. *Смещением* осуществляется моделирование полученного объёма с лицевой стороны (Бреполь, 1982: 212, 204–205, 265; Новиков, 1991: 19).

Формование включает в себе несколько вариантов получения рельефа, основанных на принципе деформации листового металла (илл. 1). Это *чеканка* – ручной способ получения уникального изображения при помощи чеканов, и также два принципиально разных способа, требующих специальных инструментов и приспособлений: механический – *тиснение*, *штамповка* и ручной – *басма*, *выколотка по матрице*. За каждым термином стоят технологические процессы, обладающие специфическими особенностями. Все они нашли особое воплощение в татарской ремесленной традиции XVIII–XIX вв.

Чеканка – ручной способ получения уникального рельефа путём нанесения множества ударов по тыльному концу чекана. Процесс заключался в следующем: во избежание смещений лист металла жёстко фиксировался на поверхности разогретой смоляной основы. В ремесленной традиции городов европейской части России её варили из двух

Илл. 1. Схемы деформации листового металла по Э.Бреполю: насечка, формование, смещение (Бреполь, 1982: рис. 196).

частей земляной пыли и одной части чёрной смолы (Гольдберг и др., 1967: 71). Каждый ремесленник изготавливал мастику сам, изменяя её свойства пропорциями состава. Для получения чёткого и детализированного рисунка рельефа добавляли кирпичную муку, что делало её более твёрдой. Рельеф опускался с изнаночной стороны, затем пластина переворачивалась и вновь присмаливалась для моделирования объёма.

Для создания завершённой художественной формы татарские мастера использовали приёмы «чеканки насечкой». Детализация, корректировка и проработка рельефа чеканами соотносились с типичными для неё признаками: гладкий рельеф и «зерновой» фон. Являлось специфичным, что изображение представляло собой барельеф, т.е. выступало над плоскостью фона не более, чем на половину своего объёма. Композиция «набиралась» из отдельных повторяющихся элементов, которые просаживались чеканом по лицевой стороне и тем самым корректировались по форме и высоте. Основные детали часто очерчивались по контуру, насечками подчёркивалось движение, подчиняющееся центру. Профиль барельефа имел два-три уровня. Используя весьма простые выразительные средства мастера добивались образной выразительности общей композиции. Снятая с мастики пластина вычищалась, украшение вырезалось по контуру, напайвались пластинчатые оправы для вставок гранёных самоцветов, затем изделие покрывалось позолотой только с лицевой стороны.

Тиснение – механический способ формообразования выпукло-вогнутых изображений на листовом металле путём давления сверху литым фигурным пуансоном. *Пуансон* – инструмент из прочного сплава, представляет собой стержень с позитивным (выпуклым) барельефом на горизонтальной площадке рабочего конца, служащей прижимным полем и не позволяющей листу в процессе деформации подниматься вверх вокруг оттискиваемого изображения (Минасян, 2014: 282, 294, 356, 374–375). Отметим несколько важных отличительных особенностей данного способа: во-первых, тиснение осуществляется на пластичной опоре; во-вторых, деформируемый материал, в отличие от басмы, подкладывается под инструмент; в-третьих, объём (рельеф) получается посредством одномоментного действия сверху – удара по тыльному концу пуансона или давления на него. В чеканке же формируется уникальный рельеф путём нанесения множества ударов по инструменту. Мягкость и некоторая расплывчатость рельефа, полученная тиснением, часто дорабатывалась чеканами с лицевой стороны. Технически несложный способ изготовления украшений с помощью пуансона, установленного на прессе, позволял тиражировать украшения, что обуславливало более широкое его применение в кустарном производстве.

Штамповка – способ пластической деформации тонкого листового металла без существенного изменения его толщины. Принципиальное её отличие от тиснения заключается в том, что «выдавливание рельефа» происходит между пуансоном (верхним инструментом) и матрицей (нижним инструментом) (Минасян, 2014: 374). Вместе они образуют штампы различных модификаций: штамповка формовкой – пуансон и матрица соответствуют друг другу;

двусторонняя штамповка – пуансон и матрица имеют разные изображения, односторонняя штамповка – рельеф выгравирован только на пуансоне, поверхность матрицы гладкая. Изготовление штампов требовало специальной квалификации. Практически в каждой казанской мастерской в конце XIX в. имелись прессы и штампы, позволяющие тиражировать изделия. Достаточно много штампованных украшений делали рыбнослободские кустари.

Механические способы получения объёмного изображения на листовом металле доминировали в болгарской ремесленной традиции, причём число штампованных предметов увеличилось со второй половины X века (Казаков, 1991: 130–132, рис. 44-5, 17, 18, 20, 22). Изготавливались накладки на поясные сумочки (Казаков, 1992: 142, 143, рис. 53-18, 19, 20), бляхи различного назначения, украшения амулетного характера, подтверждением чему могут служить литые бронзовые матрицы (илл. 2) (Руденко, 2015: 67, илл. 118). Продукция золотоордынского времени характеризуется особым художественно-эстетическим разнообразием, а также серийностью производства. Наиболее характерными становятся розетчатые формы. Многочисленные серии однотипных блях, деталей поясных и сбруйных ремней говорит о дальнейшем развитии и ещё более широком использовании данных технологий во второй половине XIII–XIV вв. Интересным примером технологии «тиснения с использованием матрицы» могут служить узорные пластины блях-наверший, парные подвески для кос с фигурными пластинами, украшенные изображением растительного побега. Штамповкой получали изделия, имеющие полый объём, например, половинки эллипсовидных ребристых бусин и бипирамидальных пуговиц, фигурные бляхи, которые затем дополнялись гравированным орнаментом, чернью, зернью (Сокровища, 2000: кат. 371–388, 498–509, 308–332, 357–364). Бляхи-подвески, выполненные тиснением, были весьма типичны для раннедзучидского художественного серебра, преобладали они и в позднеордынском комплексе изделий (периодизация, атрибуция М.Г. Крамаровского). Особого внимания заслуживают пальметтовидные филактерии из Нейзацкого и Симферопольского кладов (Сокровища, 2000: 132–201; кат. 170–245; 255–284; кат. 251, 488). Их лицевая сторона с покрывающим всю её поверхность рельефным узором выполнена тиснением и декорирована гнёздами с вставками; тыльная сторона проработана чеканом, резцом и точечным пуансоном. Примечательным для высокохудожественных предметов золотоордынской тореветики является при-

Илл. 2. Дисквидная матрица с розетчатым раппортом и имитацией зерни. Начало X в. Из раскопок в Булгаре и Билярском городище. ГИМ, инв. № 34851, 5427, 8834 (Полякова, 1996: 164, рис. 59-1).

менение нескольких технологий. В числе прочих эту особенность унаследовала казанско-татарская традиция чеканки.

Басма (тюркс. *байса* – отпечаток) является одной из древнейших техник металлообработки, получившая наибольшее распространение в средневековом ювелирном искусстве. Важнейшая особенность процесса заключается в том, что в басме формирование рельефа производится на матрице (басменной доске) и вручную. Тончайшие листы из меди или серебра (фольга 0,2–0,3 мм), накладывались на отлитую из медных сплавов матрицу, представляющую собой односторонний невысокий, тщательно прочеканенный рельеф без острых углов и выступов, способных прорвать тонкий металл. Фольгу накрывали сверху свинцовой пластиной, по которой ударяли деревянным молотком. Благодаря своей пластичности свинец «вдавливался» во все углубления рельефа или контррельефа матрицы.

Басма, как и изготовление матриц, была не столь характерна для татарских мастеров. Технологию использовали русские серебряники Казанского Поволжья (Ключевская, 2009: 70–73), о чём свидетельствуют «басменные» оклады икон. В середине XVII в. сформировались особые региональные ремесленные традиции, основанные на преемственности технологических приёмов. Их привнесли переселенцы из русских ювелирных центров – Москвы, Пскова, Великого Новгорода, Костромы. В русском ювелирном деле, унаследовавшем византийские традиции оковывания предметов драгоценной фольгой, басма была известна с XI в. (Постникова-Лосева, 1981: 15).

Выколотка, выколотка по матрице – ручной способ формообразования предмета из листового металла, осуществляется непосредственными ударами металлических молоточков или деревянных чеканов. Чеканочные молоточки имеют слегка выпуклую рабочую поверхность и закруглённый клиновидный или шаровидный боёк. Выколотка производится на пластичной опоре или жёсткой наковальне, которая может иметь полусферические углубления разного диаметра (анка). Деформация осуществляется за счёт *формования* и *смещения* металла, на поверхности изделий остаются следы в виде вмятин от ударов молотков и от наковален (Минасян, 2014: 242). Некоторые операции производятся так же, как и чеканочные, на мастике, прочно удерживающей пластину.

Анка в паре с пунсоном (чеканом без прижимного поля) является одним из древнейших приспособлений, предназначенное для получения из листового металла полусферических бляшек, известно в Евразии с IV тыс. до н.э. (Минасян, 2014: 346, 347). В ювелирном искусстве Волжской Булгарии таким образом изготавливались полые «желуди», входившие в состав филигранных височных колец с фигуркой птицы (Руденко, 2011). Выколотку широко использовали ремесленники ряда тюрко-монгольских этносов Евразии (Павлинская, 2018: 249–250). «Выколоткой по матрицам» изготавливалась гарнитура поясных наборов, серьги (Сокровища, 2000: кат. 20, 23–39, 143–155, 49, 50–52).

Технологию «выколотки по матрицам» на рубеже XIX–XX вв. стали использовать кустари Рыбной слободы, причём матрицы могли быть весьма ранними (илл. 3). В.Гильд описывает процесс следующим образом: «На чурбан набивают железную бабку, а на неё рисунок, сделанный мастером. Нарезав из листовой жести узенькие полоски, накладывают на бабку, придерживают палочкой и молотком выбивают узор, ударяя по полоске». Чаще таким образом изготавливались незамкнутые браслеты, декор которых состоял из чередующихся рядов растительного и геометрического орнамента. В день мастер мог изготовить до пятисот таких браслетов (Гильдт, 1913: 6). Чеканные изделия изготавливались на вывоз в Казахстан и Среднюю Азию. Стремясь удовлетворить активный спрос, купцы вывозили с этих территорий готовые матрицы (Воробьев, Бусыгин, 1957: 18).

Илл. 3. Матрица. Рыбная Слобода.
НМРТ, № 13181.

Орнамент

Чеканкой изготавливались нашивные и подвесные бляхи различных форм для матерчатых нагрудных перевязей *хаситэ*, коранницы и амулетницы, браслеты, застёжки. Основными мотивами рельефа служили условно трактованные элементы цветочно-растительного декора. Наиболее ярко в этом ряду выделяются достаточно крупные (6,5–8,5 см) фестончатые и розетчатые бляхи. В основе этих форм лежит многогранник с вогнутыми или выпуклыми гранями, число которых могло быть восемь, десять, двенадцать, четырнадцать. Орнаментальное пространство принципиально отличается от аналогичных плоскорельефных украшений декоративно-живописным заполнением пространства, подчинённым центрально-лучевой симметрии. Многочисленные самоцветы, поднятые в высоких гнёздах, включены в композиционную структуру и усиливают её ритмическую организацию игрой цветowych пятен. Трёхуровневое пространство также выстраивается относительно центра, в роли которого выступает крупный гранёный самоцвет или розетка. Отдавалось предпочтение сочетаниям горного хрусталя с гранатом, топаза с бирюзой, аметиста или турмалина с хрусталём. Независимо от цвета розетки, для оформления края блях всегда использовался гранёный хрусталь или малоценное стекло. Пластинчатые оправы для хрусталя напайвались на фестоны или между фестонами. Под павильоны пластина полировалась, нередко выколачивалась, в центре бляхи часто вырезалось отверстие.

Несмотря на общую эстетику композиционного пространства фестончатых и розетчатых блях, барельеф создавался различными по степени сложности технологическими приёмами. Преобладает *пунсонный* орнамент (илл. 4). Терминологическое определение соответствует наименованию основного инструмента. Пунсон является разновидностью чеканов и представляет собой металлический стержень с фигурным бойком, без прижимного поля. Его следы, имеющие листовидную, округлую (пурошник) или каплевидную форму бойка, служили своеобразными модулями, из которых составлялись однотипные мотивы раскрытых и полураскрытых цветов, условно – ромашек из трёх-восьми лепестков. Прямыми и наклонными ударами по пунсону мастер мог варьировать высотой отдельных элементов и даже ракурсом цветка. С лицевой стороны рельеф оттенялся зерновой фактурой фона, силуэт «листочков» подчёркивался обводкой.

Илл. 4. Бляха. Чеканка, серебро, позолота, аметист, бирюза, хрусталь. Размер: 8,6 см. Вес: 36,8 г. НМРТ, № 10221-341.

В этом же ряду встречаются украшения с орнаментом из аналогичных мотивов, объединённых посредством гладких стеблей и завитков в композицию обрамляющего характера. Основными признаками, характеризующими рассмотренные бляхи, являются: принцип «наборности» орнамента, незначительная высота рельефа, центростремительная лучевая композиция, ритмическая организация трёхуровневого пространства. Устойчивые орнаментально-технологические комплексы плоскорельефной и пунсонной чеканки по сути приобрели черты традиционного народного искусства, что делает их наиболее характерными для казанско-татарской ремесленной традиции. Подобным образом орнаментировались застёжки, браслеты и коранницы.

Несмотря на общую эстетику композиционного пространства фестончатых и розетчатых блях, барельеф создавался различными по степени сложности технологическими приёмами. Преобладает *пунсонный* орнамент (илл. 4). Терминологическое определение соответствует наименованию основного инструмента. Пунсон является разновидностью чеканов и представляет собой металлический стержень с фигурным бойком, без прижимного поля. Его следы, имеющие листовидную, округлую (пурошник) или каплевидную форму бойка, служили своеобразными модулями, из которых составлялись однотипные мотивы раскрытых и полураскрытых цветов, условно – ромашек из трёх-восьми лепестков. Прямыми и наклонными ударами по пунсону мастер мог варьировать высотой отдельных элементов и даже ракурсом цветка. С лицевой стороны рельеф оттенялся зерновой фактурой фона, силуэт «листочков» подчёркивался обводкой.

В этом же ряду встречаются украшения с орнаментом из аналогичных мотивов, объединённых посредством гладких стеблей и завитков в композицию обрамляющего характера. Основными признаками, характеризующими рассмотренные бляхи, являются: принцип «наборности» орнамента, незначительная высота рельефа, центростремительная лучевая композиция, ритмическая организация трёхуровневого пространства. Устойчивые орнаментально-технологические комплексы плоскорельефной и пунсонной чеканки по сути приобрели черты традиционного народного искусства, что делает их наиболее характерными для казанско-татарской ремесленной традиции. Подобным образом орнаментировались застёжки, браслеты и коранницы.

На этом фоне заметно выделяются бляхи с барельефом, выпукло-вогнутый объём которого создавался последовательно, для чего заготовка переворачивалась неоднократно (илл. 5). Применялись чеканы с различными формами бойков и опорные подкладки, позволяющие варьировать объём, жёсткость, мягкость форм и контуров рельефа. Стилистическое их отличие обусловлено использованием иного комплекса мотивов с преобладанием спирально загнутых стеблей с отростками. Центрально-лучевая композиция этих украшений требовала предварительной прорисовки отдельного сложносоставного раппорта – повторяющегося базового элемента, расчёта и построения с учётом формы. Свидетельством тому – нанесённые канфарником реперные точки орнамента и вычерченные линии

Илл. 5. Бляха. Чеканка, серебро, позолота, хрусталь. Вес: 49,5 гр. НМРТ, № 10221-161.

на оборотной стороне пластины, разбивающие плоскость на сегменты. Орнаментальные композиции на этих бляхах не переплетаются и не пересекаются друг с другом, что указывает на очевидное влияние и авторскую переработку различных образцов. Наиболее выразительно в них усматриваются барочно-рокайльные тенденции исторических стилей XVIII в., но переосмысленные в контексте народного искусства. Примечательным элементом декора этих украшений является оставленная резервом площадка с фигурным краем, на которую монтировалась центральная розетка или крупный самоцвет.

Завершают этот ряд розетчатые бляхи со сложным высококорельефным орнаментом, имеющим пять и более уровней замкового рельефа, созданным способами формования и смещения. Декор каждой бляхи уникален, и требовал высочайшей квалификации мастера. Несмотря на довольно густое заполнение поверхности, обилие деталей, живописную их трактовку, создающую игру света и теней, рисунок орнамента хорошо читается, сохраняет присущую татарской традиции чёткость. Именно она придаёт орнаменту большую рельефность и изящество. В основе образного решения некоторых блях лежат малохарактерные для татаро-мусульманской ювелирной традиции элементы барочного декора, с выраженным стремлением максимальной приближенности к стилевому образу. Наличие на одной из блях клейм Казанского пробирного учреждения

(городское – «зилант», годовое – «1897», проба – «91», пробирный мастер – «ВС» Суровцов Василий Михайлович) указывает, что такие украшения изготавливались русскими мастерами (НМРТ, инв. № 10221-427). Этот факт свидетельствует об уникальном слиянии двух региональных традиций художественной обработки металла.

В художественном образе фестончатых и розетчатых блях можно усмотреть некоторое сходство с золотоордынскими серебряными бляхами-навершиями (Мальм, 1980: 201, 202, рис. 1, 4, 6), представляющими собой округлую, слегка выпуклую пластину с зубчатым краем, которые нашивались на верх высоких конических шапок (Сокровища, 2000: Кат. 306, 306). Находки в Болгарах каменных литейных форм свидетельствуют об их массовом производстве (Полякова, 1996: 167). Розетковидные формы стали особенно характерны для золотоордынского периода. Визуально подобные «пунсонные мотивы» находим на болгарских матрицах X–XIII вв. (илл. 2). В статье «Бронзовое очелье из Поволжья» А.П. Смирнов отметил, что подобный мотив «был широко распространён в прикладном искусстве» (Смирнов, 1962: 115–117). Отметим, что элементы орнамента, образующие повторяющиеся комбинации, весьма характерны для мусульманского искусства.

Вторая группа высокорельефных блях отличается особой эстетикой. Все они имеют округлую форму и большой полый объём, который также создавался разными способами формования – тиснением, выколоткой и чеканкой. Сюжетом их формообразующего декора выступает раскрытый цветок типа ромашки из шести-восьми, редко – пяти, двенадцати лепестков. Они изготовлены из тонкого листового низкопробного серебра, размером 4,2–5,8 см, весом 3,2–6,5 гр.

Для изготовления цветкообразных блях тиснением использовался тонкий листовой сплав крупный пуансон, имеющий барельеф в виде полусферы с широкой прижимной площадкой – чистой или с бордюрным геометризованным орнаментом (илл. 6). Процесс выглядел следующим образом: путём давления пуансоном на тонкую пластину серебра, укрепленную в мастике, изготавливалась заготовка бляхи. Полученный оттиск дополнялся элементами декора. Например, по краю, оставленному прижимным полем пуансона, наносился ряд

Илл. 6. Бляха. Тиснение, чеканка, серебро, позолота. Размер: 5,0 см. Вес: 8,28 гр. НМРТ, № 10221-113.

округлых углублений, образующих на лицевой стороне бордюры из гладких выпуклых полусфер – перлов. Затем в полость заливалась мастика, заготовка переворачивалась. По лицевой стороне полусферическая форма прорабатывалась посредством чеканов: просаживалась, моделировалась, преобразовываясь в лепестки цветка. На них наносились точки, различные штрихи, насечки, волнистые и прямые линии, различные углубления, создающие игру фактур. Фон отделялся зерновой фактурой. Универсальная форма превращалась в руках мастера в уникальное изделие.

Подобный способ упоминается в манускрипте Теофила: «В растопленную смолу добавлялся порошок из растёртого кирпича и немного воска. Эта мастика перемешивалась, выливалась в тёплую воду и, будучи ещё тёплой, разминалась пальцами. Затем она снова растапливалась и выливалась в полость заготовки изделия. На изделии наносился рисунок и по контуру прочеканивался...» (Минаян, 2014: 315). Аналогичную технологию русские мастера применяли для чеканки полых сосудов (Гольдберг и др., 1967: 71).

Реже встречаются бляхи, рельеф которых изготовлен выколоткой по матрице с барельефным или контррельефным изображением раскрытого цветка. Об этом свидетельствует разница в чёткости оттиска на лицевой или изнаночной стороне (илл. 7). Очевидно её визуальное сходство с дисковидными матрицами X в., которые позволяли имитировать популярный геометрический узор, ритм которого составляли ряды крупной зерни (илл. 2).

Илл. 7. Бляха. Выколотка по матрице, чеканка, серебро, позолота, монеты.
Размер: 5,3 Вес: 14,82 гр. НМРТ, № 10221-117.

Некоторые бляхи могут служить примером комбинации выколотки и чеканки. На пластичной основе молоточком выколачивалась слегка вогнутая форма, различными чеканами углублялись корзинка и лепестки цветка, а также служащие бордюром перлы. Полученный объём заливался мастикой, с лицевой стороны канфарником или сечкой наносился узор. Полусферический объём мог

быть получен и свободной выколоткой на металлическом бруске или на деревянном основании с лункой.

Наиболее распространёнными мотивами оформления края цветкообразных блях были так называемые перлы – выпуклые полусферы, образующие горошчатый ободок, а также ленточный орнамент из углублённых треугольников. Бордюр из перлов – орнаментальный мотив, обычный на Среднем Востоке доисламского времени, нередкий и в X–XI вв. (Сокровища, 1996: 10). Подобный декор из крупных полусфер встречается в болгарских материалах IX–X вв. Аналогичным образом декорировались края изделий и в золотоордынское время (Полякова, 1996: 214).

Истоки данной группы блях могут быть связаны с тиснёными нашивными накладками в виде объёмной розетки, характерными для болгарской традиции XI–XIV вв. (Руденко, 2013: 39). Особый интерес представляют золотоордынские нашивные бляшки, объём которых по внешней стороне просажен и детализирован насечками. Сюжет мотива, по мнению археологов, связан с древним религиозным культом солнца, символическим изображением которого являлась многолепестковая розетка (Ефимова, 1960: 195–202).

* * *

Технико-стилистический анализ традиционных украшений с рельефным чеканным орнаментом показал, что технология получения объёмного изображения на листовом металле в казанско-татарской ремесленной традиции получила специфическое развитие. Украшения характеризуют: двух-трёх уровневый барельеф, отсутствие «замкового» профиля объёма, принцип «наборности», лежащий в основе условно трактованных цветочно-растительных мотивов орнамента, геометрическая упорядоченность, подчинённая законам центрально-лучевая композиции, «зерневой» фон. Преобладал ручной способ получения уникального рельефа пунсонами с фигурным бойком. Детализация, корректировка и проработка рельефа соотносились с типичными признаками «чеканки насечкой», являющейся маркером татарской ремесленной традиции. Истоки сложившейся художественно-образной системы прослеживаются в артефактах болгарского и золотоордынского серебра XI–XIV вв., изготовленных тиснением, штамповкой, выколоткой по матрице. На формирование технологических особенностей оказали влияние традиции высокорельефной чеканки, получившей региональное развитие у русских серебряников Казанского Поволжья в XVII–XVIII вв. Специфику татарской рельефной чеканки в целом необходимо рассматривать в контексте исламского искусства, в котором понятие «пластичности» связано не с моделированием объёма, предполагающим трёхмерные характеристики, а с художественным преобразованием плоскости в двухмерной трактовке форм.

ЛИТЕРАТУРА

- Бреполь Э. Теория и практика ювелирного дела. Л.: «Машиностроение» Ленинградское отделение, 1982.
- Воробьёв Н.И., Бусыгин Е.П. Художественные промыслы Татарии в прошлом и настоящем: Доклад, заслушанный на расширенном заседании Учёного Совета ГМТР. Казань: Гос. музей Татар. АССР, 1957.
- Гильдт В. Ювелирно-металлический промысел в России // Кустарная промышленность России. С.-Петербург: Типо-Литография «Якорь», 1913. С. 3–16.
- Гольдберг Т.Г., Мишуков Ф.Я., Платонова Н.Г., Постникова-Лосева М.М. Русское золотое и серебряное дело XV–XX вв. М.: «Наука», 1967.
- Донина Л.Н., Сулова С.В. О джучидском наследии в ювелирных традициях казанских татар: искусство чеканки // Этнография. 2022. № 1(15). С. 133–159.
- Донина Л.Н., Сулова С.В. Татарское ювелирное искусство: О проявлениях татаро-русской синкретичности в ремесленных традициях Казанского Поволжья // Историческая этнология. 2018. Т. 3. №1. С. 69–80. DOI: 10.22378/he.2018-3-1.69-80
- Ефимова А.М. Бутаевский клад ювелирных изделий волжских булгар // Советская археология. 1960. № 3. С. 195–202.
- Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Татарское книжное издательство, 1991.
- Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории). М.: Наука, 1992.
- Ключевская Е.П. Словарь казанских художников. Вторая половина XVI – начало XX века. СПб.: «Славия», 2009.
- Мальм В.А. Украшения женского головного убора из Симферопольского клада // Труды ГИМ. М., 1980. Вып. 51. С. 140–144.
- Минасян Р.С. Металлообработка в древности и Средневековье. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014.
- Новиков В.П., Павлов В.С. Ручное изготовление ювелирных украшений. Л.: Политехника, 1991.
- Павлинская Л.Р. Традиционная техника художественной обработки металла бурят: тюрко-монгольские этнокультурные параллели // Ювелирные украшения тюркских народов Евразии. Историко-этнографические очерки. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. С. 249–250.
- Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН Татарстана, 1996. С. 154–257.
- Постникова-Лосева М.М. Русская золотая и серебряная скань. М.: «Искусство», 1981.
- Постникова-Лосева М.М. Русское ювелирное искусство, его центры и мастера. XVI–XIX вв. М.: Наука, 1974.
- Руденко К.А. Торевтика Волжской Болгарии и Болгарского Улуса Золотой Орды: проблема преемственности // Поволжская археология. 2013. № 4(6). С. 34–46.
- Руденко К. А. Булгарское золото. Филигранные височные подвески. Казань: Заман, 2011.
- Руденко К. А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Казань: Заман, 2015.
- Смирнов А.П. Бронзовое очелье из Поволжья // КСИА Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института Археологии. Вып. 89. М.: Издательство академии наук СССР, 1962. С. 115–117.

Сокровища Золотой Орды. Каталог выставки. СПб.: Славия, 2000.
Сокровища Приобья. Каталог выставки. СПб.: Формика, 1996.

Сведения об авторе: Дони́на Лариса Николаевна, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник отдела этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); lis.art@mail.ru

Поступила 01.09.2023

Принята к публикации 03.11.2023

HIGH-RELIEF COINAGE IN THE KAZAN-TATAR JEWELRY TRADITION: HISTORICAL AND TECHNICAL ANALYSIS

L.N. Donina

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
lis.art@mail.ru*

The article is devoted to identifying the origins and regional features of the technology of high-relief coinage in the Kazan-Tatar jewelry tradition. The main source was the electronic database of Tatar jewelry from museum collections, collected within the framework of the academic project “Jewelry of the Turkic peoples of Eurasia: general and special” (Russian Foundation for Basic Research 2013–2014, No. 13-06-97056). The research was based on a systematic technical and stylistic analysis of traditional jewelry and a detailed synchronous-diachronic examination of Bulgar-Golden Horde and Tatar products with three-dimensional images. Reconstruction of technological techniques related to this type of artistic metal processing made it possible to identify specific features of the formation of decor. The manual method of obtaining a unique relief using punches with a figured striker predominated. The decorations are characterized by the following: two or three-level bas-relief, the absence of a “locking” profile, the principle of “compositing” that underlies the conventionally interpreted floral and plant motifs, geometric orderliness, subject to the laws of the central-radial composition. The completed form of the decoration corresponds to the typical features of “notch chasing”, which is a marker of the Tatar craft tradition: smooth relief and “grain” background. An integrated approach allowed us to conclude that the origins of the existing artistic and figurative system can be traced in artifacts of the Bulgarian and Golden Horde silver of the 11th–14th centuries, made by embossing, stamping, and punching on a matrix. The formation of technological features was influenced by the traditions of high-relief coinage, which received regional development among Kazan silversmiths in the 17th–18th centuries. The specifics of Tatar relief coinage as a whole were formed in the context of Islamic art.

Keywords: molding, displacement, embossing, stamping, punching, ornament, Golden Horde, Bulgarian toreutics

For citation: Donina L.N. (2023) High-relief coinage in the Kazan-Tatar jewelry tradition: historical and technical analysis. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 8. No. 3: 374–388. DOI: 10.22378/he.2023-8-3.374-388 (In Russ.)

REFERENCES

- Brepol' E. (1982) *Theory and practice of jewelry making*. Leningrad: Leningrad branch of Mechanical Engineering Publ. (In Russ.)
- Donina L.N., Suslova S.V. (2018) Tatar jewelry art: On the manifestations of Tatar-Russian syncretism in the craft traditions of the Kazan Volga Region. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 3. No. 1: 69–80. DOI: 10.22378/he.2018-3-1.69-80 (In Russ.)
- Donina L.N., Suslova S.V. (2022) On the Jochid heritage in the jewelry traditions of the Kazan Tatars: The art of coinage. *Etnografiya* [Ethnography]. No. 1(15): 133–159. (In Russ.)
- Efimova A.M. (1960) Butaevsky treasure of jewelry from the Volga Bulgars. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archeology]. No. 3: 195–202. (In Russ.)
- Gil'dt V. (1913) Jewelry and metal craft in Russia. In: *Handicraft industry of Russia*. St. Petersburg: Yakor' Typo-Lithography: 3–16. (In Russ.)
- Gol'dberg T.G., Mishukov F.Ya., Platonova N.G, Postnikova-Loseva M.M. (1967) *Russian gold and silver crafting of the 15th–20th centuries*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Kazakov E.P. (1991) *Bulgar village of the 10th–13th centuries in the lower reaches of the Kama River*. Kazan: Tatar Book Publ. (In Russ.)
- Kazakov E.P. (1992) *Culture of early Volga Bulgaria (stages of ethnocultural history)*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Klyuchevskaya E.P. (2009) *Dictionary of Kazan artists. Second half of the 16th – beginning of the 20th century*. St-Petersburg: Slaviya Publ. (In Russ.)
- Mal'm V.A. (1980) Decorations of a woman's headdress from the Simferopol treasure. In: *Proceedings of the State Historical Museum*. Moscow. Vol. 51: 140–144. (In Russ.)
- Minasyan R.S. (2014) *Metalworking in ancient times and the Middle Ages*. St. Petersburg: State Hermitage House Publ. (In Russ.)
- Novikov V.P., Pavlov V.S. (1991) *Handmade jewelry*. Leningrad: Politekhnik Publ. (In Russ.)
- Pavlinskaya L.R. (2018) Traditional technique of artistic metal processing of the Buryats: Turkic-Mongolian ethnocultural parallels. In: *Jewelry of the Turkic peoples of Eurasia. Historical and ethnographic essays*. Kazan: RT AS Sh. Marjani Institute of History: 225–252. (In Russ.)
- Polyakova G.F. (1996) Products from non-ferrous and precious metals. In: *City of Bolgar: Craft of metallurgists, blacksmiths, foundry workers*. Kazan: RT AS G.Ibragimov Institute of Language, Literature and Arts: 154–257. (In Russ.)
- Postnikova-Loseva M.M. (1974) *Russian jewelry art, its centers and masters. 16th–19th centuries*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Postnikova-Loseva M.M. (1981) *Russian gold and silver filigree*. Moscow: Iskusstvo Publ. (In Russ.)
- Rudenko K.A. (2011) *Bulgarian gold. Filigree temple pendants*. Kazan: Zaman Publ. (In Russ.)
- Rudenko K.A. (2015) *Bulgarian silver. Antiquities of Bilyar*. Kazan: Zaman Publ. (In Russ.)
- Rudenko K.A. (2013) Toreutics of Volga Bulgaria and the Bulgarian Ulus of the Golden Horde: The problem of continuity. *Povolzhskaya arheologiya* [Volga archeology]. No. 4(6): 34–46. (In Russ.)

Smirnov A.P. (1962) Bronze headband from the Volga Region. In: *Brief reports on reports and field research of the Institute of Archeology*. Vol. 89. Moscow: USSR Academy of Sciences: 115–117. (In Russ.)

Treasures of the Golden Horde. Exhibition catalogue. (2000) St. Petersburg: Slavia Publ. (In Russ.)

Treasures of the Ob' Region. Exhibition catalogue. (1996) St. Petersburg: Formica Publ. (In Russ.)

Vorob'ev N.I., Busygin E.P. (1957) *Artistic crafts of Tataria in the past and present*. Kazan: State Museum of the Tatar ASSR. (In Russ.)

About the author: Larisa N. Donina, Cand. Sc. (Art History), Senior Research Fellow at the Department of Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); lis.art@mail.ru

Received September 1, 2023

Accepted for publication November 3, 2023

ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ В ТЮРКО-ИСЛАМСКОМ МИРЕ

УДК 930.85

THE *KUTADGU BILIG*: SOME CHARACTERISTICS AND ITS RELATION TO THE IDEA OF RULE

Rüdiger Lohlker

University of Vienna

Vienna, Austria

ruediger.lohlker@univie.ac.at

Mirrors of princes are a specific genre of Islamic literature dedicated to giving advice to rulers, princes, and ministers. There are few mirrors that are composed in verse. The *Kutadgu Bilig* is modeled on the Persian *Shāhnāme* of the poet Firdawsi making the Central Asian heritage of wisdom literature at home in Islamic contexts. The text is written in Qarakhanid Turkish; the form is a didactic poem set as a dialogue between the protagonists. In a Weberian sense the program of advice may be analyzed as rational leadership due to the increasing role of shari'a-based rulership. However, there are other elements of legitimacy in this text blurring the clear distinctions made by Weber. Hence, we may identify it as a unique, non-European case of legitimation of rulership.

The *Kutadgu Bilig* are to be read as an attempt to secure the continuation of the Central Asian tradition in a context dominated by Iranian influences into Central Asia. The protagonists of this work are the king, the vizier, the wise man, and the ascet. All these actors are representing virtues needed for successful rulership. At the same time the roles of all the persons associated with the court are discussed even very personal ones like choosing a wife and raising children.

Keywords: *Kutadgu Bilig*, mirrors of princes, Qarakhanid Turkish, rulership, Central Asia.

For citation: Lohlker R. (2023) The *Kutadgu Bilig*: some characteristics and its relation to the idea of rule. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 8. No. 3: 389–393. DOI: 10.22378/he.2023-8-3.389-393

Kutadgu Bilig is a less studied work of the mirrors for princes literature¹. It is a special case since it has been composed in verse.² The „poem’s central text constitutes an allegory, in which qualities, principles, functions and occupations appear in personified forms“ (Marlow, 2023: 145)³.

This work emerged in the 11th century CE in Central Asia. It is based on the model of the Persian *Shāhnāme* (Askari, 2016)⁴ using a Persian poetic form, the quatrain, the meter of Firdawsi’s *Shāhnāme*, the *mutaqārib* (Dankoff, 1983: 8), and had a similar function in the Turkish context as had had the *Shāhnāme* in the Iranian context: making the heritage of Turkish wisdom literature at home in Islamic contexts. The *Kutadgu Bilig* goes back to the time of Turkish migration to Central and Southwest Asia (Dankoff, 1983; Dankoff, 2009).

The area was under the rule of the Qarakhanid dynasty, thus, was in a liminal situation close to the steppe and close to the Iranian world for many years. Languages available were Persian, Karakhanid Turkish, Arabic, and many other languages. *Kutadgu Bilig* was written in Qarakhanid Turkish. The author acknowledged the challenges of writing in Turkish.

The idea of wisdom is called *bilig*; thus, we could translate the title of the poetized work roughly as „Wisdom leading to fame and success of the ruler.“ *Kutadgu Bilig* was presented to the Qarakhanid ruler, a dynasty – following Dankoff – trying to continue the tradition of tribal⁵ aristocracy and just rule. It is possible to read this mirror for princes as an attempt to conceive ideas about the preconditions of a stable government in a time of transformation.

Kutadgu Bilig is a didactic poem that takes the form of a set of dialogues with four protagonists: 1) the king Kün Toğdı, representing the principle of justice, 2) the vizier Ay Toldı, representing the principle of success and fortune, 3) the wise man Ogdülmiş, representing the principle of wisdom, and 4) the ascet Odğurmuş, bringing humankind’s last end into the story and discusses Sufic issues (Dankoff, 1983; Dankoff, 2009: 133; Marlow, 2023: 56).

The structure discernible in the role of the protagonists of this work may be described as the king applying just rule that is made successful by the vizier, the wise man acting as a counselor is steeped in [Turkish and Iranian⁶] tradition joined by ascetic ide-

¹ It inspired, however, modern artwork (Slavs and Tatars, 2015).

² There are few other mirrors for princes with a sizeable poetic element.

³ Marlow has translated extracts of the text worth reading and enabling the reader to have an idea of this unusual text.

⁴ The *Shāhnāme* is now understood as a specific kind of Mirror for Princes. With a double reference to an epic version of Iranian history and what can be learned from it for the rules of rulership.

⁵ “Tribal” is used in a non-technical way.

⁶ For the analogies between Turkish and Persian ideas, e.g., the perceived parallel between the Turkish *kut* and the Persian *farr* (Aneer, 1992).

als of the Sufi ascet adding the teachings of the new Islamic world of knowledge with strong Sufi references⁷.

The topics covered include the role of the prince, the vizier, gatekeepers, secretary, cook, or cupbearer; how to serve the prince; how to associate with people from all backgrounds; how to choose a wife and bring up children; how to deal with servants and everything related to feasts.

„As these topics illustrate, *Kutadgu Bilig*, like other mirrors of the Early Middle Period, seems to address not only the ruler to whom it is dedicated, but the entire courtly audience, and possibly an audience beyond the court as well“ (Marlow, 2023: 57).

To look into this Central Asian mirror using the mirrors of European origin we should look at the conceptualization of rulership and its legitimacy by Max Weber. As Weber said:

„Of course, the “legitimacy” of rule can only be viewed as the *Chance* of being regarded with a relevant degree of respect, and in practice being so treated. It is far from the case that all compliance with rule is primarily, or even always, oriented to this belief“ (Weber, 2019: 340).

Weber continues:

„There are three *pure* types of legitimate rule. The validity of their legitimacy can be secured primarily

1. in a *rational* manner: a belief in the legality of statutory orders and the right of those appointed to exercise rule to give directions (legal rule); or

2. in a *traditional* manner: an everyday belief in the sanctity of long-established traditions and the legitimacy of those whose authority derives from these traditions (traditional rule); or finally,

3. in a *charismatic* manner: the exceptional sanctity or heroic qualities or exemplary character of a person, and of the orders that this person proclaims or creates (charismatic rule)“ (Weber, 2019: 341–342).

Assuming that the increasing role of Shariatic law as sanctioned by the scholars of Islamic law can be described as rational and impersonal, although being characterized by the modern elements of rational rule described by Weber.

For the *Kutadgu Bilig*, there is a traditional manner of ruling discernably based on the Turkish/Central Asian tradition. Last but not least, the *traditional* manner is legitimized by charismatic rule including the newly introduced Islamic elements be it rational, i. e., Shariatic. or charismatic, i.e., Sufi traditions.

We will not argue that there is no ‚pure‘ type of leadership in the case of *Kutadgu Bilig*. Our argument is that this distinction emerging from European contexts – although tried to incorporate non-European perspectives – is not applicable in our case.

⁷ There may be some minor Buddhist references (Dankoff, 2009: 13–15).

Leaving the comparative aspect aside, another important aspect is the introduction of ideas of Turkish origin in the literature of Islamic mirrors for princes.⁸ However, it is difficult to assess the circulation of *Kutadgu Bilig*.

Summary

The *Kutadgu Bilig* is a unique contribution to the literature of Islamic mirrors of princes due to its introduction of Turkish-Central Asian traditions into this genre dominated by Persian and Arabic language texts.

At the same time its structure reveals a hybrid character blending traditional wisdom with the general idea of justice, spiritual ideas based on Sufism. The idea of successful rulership may be classified as charismatic related to Sufism-based charisma. The rationalisation of rulership as based on Shari'a rule brings in another ideal type. *Kutadgu Bilig*, thus, may be regarded as a specific non-European type of legitimation.

SOURCES

Yūsuf Khāss Hājib. *Wisdom of Royal Glory (Kutadgu Bilig): A Turko-Islamic Mirror for Princes*. Dankoff R. (transl.). University of Chicago Press, Chicago, 1983.

Medieval Muslim Mirrors for Princes: An Anthology of Arabic, Persian and Turkish Political Advice. Marlow L. (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2023.

REFERENCES

Aneer G. Kingship Ideology and Muslim Identity in the 11th Century as Reflected in the *Siyāsatnāma* by Nizām al-Mulk and in the *Kutadgu Bilig* by Yūsuf Khāss Hājib. In: *The Middle East Viewed from the North: Papers from the First Nordic Conference on Middle Eastern Studies, Uppsala 26–29 January 1989*, ed. by Bo Utas and Knut S. Vikør. Bergen: 1992, pp. 38–48.

Askari N. *The Medieval Reception of the Shāhnāma as a Mirror for Princes*. Leiden – Boston, 2016.

Dankoff R. *From Mahmud Kaşgari to Evliya Çelebi: Studies in Middle Turkic and Ottoman Literatures*. Piscataway: Gorgias Press, 2009.

Marlow L. *Medieval Muslim Mirrors for Princes: An Anthology of Arabic, Persian and Turkish Political Advice*. Marlow L. (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2023.

Slavs and Tatars: Mirrors for Princes. Downey A. (eds.). Dijon, 2015.

Weber M. *Economy and Society: A New Translation*. Cambridge – Massachusetts – London, 2019.

About the author: Rüdiger Lohlker, Dr., Professor for Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, University of Vienna (Spitalgasse 2-4, 1090 Vienna, Austria); ruediger.lohlker@univie.ac.at

Received May 10, 2023

Accepted for publication October 2, 2023

⁸ Another instance of including *Kutadgu Bilig* into this literature is Rüdiger Lohlker, 'Der muslimische Herrscher: Fürstenspiegel als Spiegel islamischer Philosophien der Herrschaft', to appear 2023 in *falsafa – Horizonte islamischer Religionsphilosophie* (in print).

«КУТАДГУ БИЛИГ»: НЕКОТОРЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И СВЯЗЬ С ИДЕЕЙ ПРАВЛЕНИЯ

Рюдигер Лёлкер

Венский университет

Вена, Австрия

ruediger.lohlker@univie.ac.at

Зеркала принцев – особый жанр исламской литературы о советах правителям, принцам и министрам. «Кутадгу Билиг» создан по образцу персидского «Шахнаме» поэта Фирдоуси, представляющего собой центрально-азиатское наследие литературы исламского содержания. Текст написан на караханидском турецком языке. Он представляет собой дидактическое стихотворение, содержащее диалог главных героев. В веберовском смысле программу советов можно проанализировать как рациональное лидерство в связи с возрастающей ролью правления, основанного на шариате. Однако в этом тексте есть и другие элементы легитимности, размывающие четкие различия, сделанные Вебером. Следовательно, мы можем идентифицировать эту ситуацию как уникальный, неевропейский случай легитимации правления.

«Кутадгу билиг» следует рассматривать как попытку продолжения центрально-азиатской традиции в контексте доминирования иранского влияния на Центральную Азию. Главные герои этого произведения – король, визирь, мудрец и аскет. Все действующие лица олицетворяют добродетели, необходимые для успешного правления. При этом обсуждаются роли других людей, связанных с судом, в том числе касаясь таких весьма личных вопросов, как выбор жены и воспитание детей.

Ключевые слова: Кутадгу билиг, зеркала принцев, караханидские тюрки, правление, Средняя Азия.

Для цитирования: *Lohlker R. The Kutadgu Bilig: some characteristics and its relation to the idea of rule // Историческая этнология. 2023. Т. 8. № 3. С. 389–393. DOI: 10.22378/he.2023-8-3.389-393*

Сведения об авторе: Рюдигер Лёлкер, Dr., профессор исламоведения Института востоковедения, Венский университет (Spitalgasse 2-4, 1090 Вена, Австрия); *ruediger.lohlker@univie.ac.at*

Поступила 10.05.2023

Принята к публикации 02.10.2023

УДК 351.852

**ДАННЫЕ О ЯРКИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЯХ МУСУЛЬМАНСКОЙ
ЭЛИТЫ ХОРЕЗМСКОГО ХАНСТВА XIX ВЕКА, ХРАНЯЩИЕСЯ
В ФОТОКОЛЛЕКЦИИ ХИВИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ИЧАН-КАЛА»**

Д.К. Бабаджанов

*Хорезмская академия Мамуна
Хива, Республика Узбекистан
b.madyor@bk.ru*

В работе раскрывается история личностей, запечатленных на фотографии, хранящейся в фонде Хивинского государственного музея-заповедника «Ичан-кала». В ее центре – Мухаммад-Рахим-хана II – правитель Хивинского ханства. Автор статьи на основе исторических источников освещает жизнь и деятельность Мухаммад-Рахим-хана II и дворцовых чиновников, правивших в ханстве в конце XIX в. Показано, что Мухаммад Рахим-хан II стремился быть покровителем шариата. Он был просвещенным правителем – поддерживал музыкальное и поэтическое искусство, вел полемические беседы с интеллектуалами, увлекался сочинением стихотворений. В 1874 г. при покровительстве Мухаммад Рахим-хана II в Хорезме была организовано первая в Средней Азии типография для печатания литографических книг. Одним из первых книг, опубликованных в ней, были «Хамса» Алишера Навои и «Диван» поэта Муниса.

Ключевые слова: Хорезмское ханство, Мухаммад-Рахим-хан II, Матмурад-Деванбеги, полковник Султан Джафар Асфандиёров, Камил Хоразмий.

Для цитирования: Бабаджанов Д.К. Данные о ярких представителях мусульманской элиты Хорезмского ханства XIX века, хранящиеся в фотоколлекции Хивинского государственного музея-заповедника «Ичан-кала» // Историческая этнология. 2023. Т. 8. № 3. С. 394–406. DOI: 10.22378/he.2023-8-3.394-406

Хива – это один из древних городов, расположенных в низовьях Амударьи, жемчужина Хорезмского оазиса. Город возник на плодородных орошаемых землях неподалеку от вод Амударьи. Хива – это музей под открытым небом. В 1969 г. территория «Ичан-Кала» города Хивы была объявлена архитектурным музеем-заповедником. В 1990 г. она первой в Средней Азии оказалась в списке всемирного культурного наследия ЮНЕСКО.

Сегодня в структуре Государственного музея-заповедника «Ичан-Кала» насчитывается 15 постоянных экспозиций, в фонде собрано более 60 000 экспонатов, отражающих богатую историю Хорезма с древнейших времен до наших дней. Коллектив музея-заповедника ведет совместную работу по изучению и переводу исторических документов, созданию в Хиве музея «Вамбери и Хорезма» с сотрудниками Института востоковедения имени Абу Райхана Беруни

© Бабаджанов Д.К., 2023

Академии наук Республики Узбекистан, Института ирановедения Академии наук Австрии, университетов Токио и Киото (Япония), сотрудничает с Музеем антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской Академии наук (Кунсткамера), Актюбинским региональным университетом им К. Жубанова (Казахстан), с коллегами из Будапешта.

Одной из 19 собраний Государственного музея-заповедника «Ичан-Кала» является коллекция фотоматериалов, которая включает более трех тысяч фотографий и около тысячи фотонегативов. Ее формирование началось в 1924 г., после того, как Хивинский музей был переведен из здания Старого Арка в Ташхаули – дворец Аллакулихана (Ноткин, 1968). В 1939 г. в связи с открытием областного исторического музея во дворце Нуруллабая и в его фонд были приняты снимки и стеклянные негативы Худайбергена Деванова, родоначальника узбекской фотографии и кинематографии, отражающие исторические события конца XIX – начала XX вв., памятники архитектуры Хорезма, быт и обычаи местного населения. Имя Худайбергена Деванова занимает особое место в истории узбекской кинематографии и фотографии – он был пионером в этой области. Его приобщение к искусству кино и фотографии произошло благодаря немцам-меннонитам, которые переселились в Хивинское ханство из Поволжья. В Хорезм их пригласил лично генерал-губернатор Туркестана фон Кауфман для развития образцового сельского хозяйства.

Притесняемые туркменами-йомудами, немцы-меннониты обратились за помощью к Саиду Мухаммад Рахимхану II (1864–1910 гг. прав.). Хан повелел отвести иностранцам участок земли в селении Ак-масджид, в 12 км от Хивы, во владениях своего брата Атаджантюри. Немцы славились как прекрасные кузнецы и столяры; изделиями своего производства они снабжали Хиву и Петро-Александровск (Турткуль). Возглавлял немецкую общину Эмил Рейсен, бегло говоривший на узбекском, русском и немецком языках. Мухаммад Рахим-хан II пригласил его служить в качестве переводчика и советника по экономическим вопросам. С немцем обращались как с местным аксакалом – *кадхудо*. Каждый год хан одаривал Рейсена в таком же объеме, как и других хивинских чиновников. Мухаммад Рахим-хана II первым в Средней Азии оказал поддержку Худайбергену Деванову в деле развития искусства фотографии, несмотря на

Фото 1. Хивинский хан с группой чиновников. 1888 г.
Хивинской музей-заповедник «Ичан-Кала», Кп-2863.

резкое противодействие со стороны религиозных деятелей. В коллекции фотонегативов имеется фотография 1888 г. Мухаммад Рахим-хана II в кругу дворцовых чиновников (фото 1). Мы предоставим информацию о жизни и деятельности некоторых людей, изображенных на этой фотографии.

Первый слева – Мирзабаши Камил Хоразмий (1825–1899) – узбекский поэт и музыковед. Второй слева – Кадам Ясовулбаши – министр внутренних дел Хивинского ханства, зять Матмурада Деванбеги. Первый справа – Матмурад Деван Беги – премьер-министр во время правления Мухаммада Рахим-хана II, Второй справа – полковник Султан Джафар Асфандиёров, переводчик канцелярии генерал-губернатора Туркестана. Он много раз бывал в Хиве в качестве переводчика, иногда сопровождал хана в его поездках по России в качестве советника по политическим вопросам.

Мухаммад Рахим-хан II «Ферузишах» (1864–1910)

Мухаммад Рахим-хан II (фото 2, 3), старший сын Саид Мухаммад-хана, родился весной 1844 г. в Кухна Арке (Старом дворце) Хивы. Отец назвал его Бабаджон Тора¹, чтобы он стал великим человеком, как его дедушка. Когда принц был молод, он брал уроки у учителей со всего мира, учился в медресе, которое, однако, не смог закончить из-за смерти отца. Одним из его учителей был выдающийся узбекский поэт, историк Агахи². Мухаммад Рахим-хан II умел

¹Тура / тора – титул сына хана.

² Мухаммад Риза Агахи (1809 Хива – 1874 Хива) – узбекский поэт, историк и переводчик. Мухаммад Риза Агахи родился в Кият, вблизи Хивы, в семье мираба (начальника по контролю водных ресурсов и орошения) Эрниязбека. Он принадлежал к узбекской знати из рода юз. Когда Мухаммад Ризе исполняется три года, его отец Эрниязбек умирает, и Мухаммад Риза живет у своего дяди Муниса Шермухаммада, который являлся известным поэтом, писателем, историком, переводчиком, широко известным под именем Мунис Хорезми. После смерти Эрниязбека, мирабом становится Мунис Хорезми. В 1829 г. Мунис Хорезми умирает и его место в мирабстве занимает Мухаммад Риза Агахи, который в 1857 г. уходит с этого поста. Мухаммад Риза Агахи – автор исторических трудов «Рияз уд-давля» («Сады благополучия»), «Зубдат ут-таварих» («Сливки летописей»), «Джами ул-вакиати султани» («Собрание султанских событий»), «Гульшани давлат» («Цветник счастья») и «Шахид ул-икбал» («Свидетель счастья»). В сочинении «Рияз уд-давля» повествуется история Хорезма с 1825 по 1842 гг. В «Зубдат ут-таварих» излагается история Хорезма с 1843 по 1846 гг. «Джами ул-вакиати султани» посвящено истории Хорезма с 1846 по 1855 гг. «Гульшани давлат» включает в себя историю с 1856 по 1865 гг. Последнее произведение Агахи «Шахид ул-икбал» посвящено периоду с 1865 по 1872 гг. В стихах Агахи на узбекском и таджикском языках звучат гражданские мотивы – недовольство действительностью, осуждение лицемерия. В лирическом диване «Талисман влюбленных» Агахи воспел высокие человеческие чувства. Агахи перевёл на узбекский язык более 20 исторических и художественных произведений классиков Востока (в том числе «Гулистан» Саади). Его историческое произведение было продолжено историком Баяни / Мухаммад Юсуфбек Баёний / Мухаммад Юсуф Баяни (1859–1923) – узбекский поэт, историк, музыковед, каллиграф, переводчик. Самая знаменитая песня «Феруз», которую поют многие узбекские певцы, написана Агахи. Стихи Агахи до сих пор красуются на многих памятниках Хорезма и особенно Хивы.

читать, писать, говорить по-турецки и по-персидски, немного знал арабский язык. Он становится правителем Хивинского ханства в возрасте 19 лет, придя к власти 22 сентября 1864 г. после смерти отца Саид Мухаммад-хана.

При правлении Мухаммад Рахим-хана II поддерживались дипломатические отношения с Россией, Османской империей, Ираном, Афганистаном.

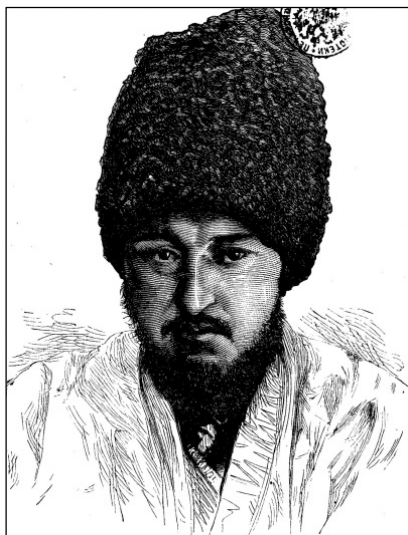

Фото 2. Мухаммад Рахим-хан II.
Хивинский музей-заповедник
«Ичан-Кале».

Фото 3. Мухаммад Рахим-хан II.
Хивинский музей-заповедник
«Ичан-Кале».

Мухаммад Рахим-хан II был просвещённым монархом, известным поэтом и композитором. Он стремился к развитию придворной свиты через культурные достижения. Так, он требовал, чтобы вечера музыки соответствовали высокому уровню музыкального искусства. Именно при нём в Хорезме была написана первая нотная запись музыки. Поэтическим творчеством при дворе начали заниматься десятки интеллектуалов, которые одновременно сочетали в себе поэтов, каллиграфов, переводчиков, историков. Поэтические произведения писали более 30 поэтов. Ими руководил Мухаммад Рахим-хан. Собственные стихи он подписывал поэтическим псевдонимом Фируз и во многом подражал творчеству Алишера Навои. Все его окружение писало на староузбекском языке и также подражало творчеству Навои. Почти каждый из придворных поэтов написал собственные поэтические сборники (*диван*). Создание *дивана* являлось показателем того, что поэт достиг мастерства, стал зрелым мастером. Это было важным условием для Мухаммад Рахим-хана II, который заботился об усилении придворной поэтической среды. Дворцовый поэт Камил Хорезми писал, что при Мухаммад Рахим-хане II поэты были удостоены должного внимания.

Поэт Агахи в историческом произведении «Шахид ал-икбал» («Свидетель счастья») писал о первых годах правления Мухаммада Рахим-хана II. Он утверждал, что Мухаммад Рахим-хан II много времени посвящал беседам с учёными, во время которых велись дебаты по религиозным вопросам, обсуждались

исторические и поэтические произведения. По его приказу началось переписывание 1000 рукописей, а более 100 знаменитых исторических и художественных произведений Востока переводились на староузбекский язык. При Мухаммада Рахим-хане были составлены придворные поэтические антологии «Маджма-йи шуара-йи Фируз-шахи», «Мухаммасат-и маджма-йи шуарайи Фируз-шахи» и «Хафт шуара-йи Фируз-шахи» (История Хорезма, 1976).

Одним из основных идеалов Мухаммад Рахим-хана II был период поздних Тимуридов (Костенко, 1873) – эпоха правления Хусайна Байкары (1469–1506), когда культура в Герате достигла наивысшего уровня. Развивались архитектура, прикладные виды искусства, каллиграфия, книжное дело. Интерес к культурному наследию Тимуридов (1370–1405) проявился в подражании культурным моделям той эпохи. Такое стремление можно обнаружить в подражании личностям эпохи Тимуридов – Хусайну Байкаре и придворному поэту Алишеру Навои (1141–1501). В начале XX в. поэзия хорезмского двора продолжила традиции поэзии Алишера Навои – традиции эпохи средних веков, золотого века староузбекской литературы. Этот факт отметил глава хорезмских поэтов, историк Ахмаджан Табиби (Каримов, 2007: 34).

Мухаммад Рахим-хан II, как и любой другой правитель мусульманского востока, стремился быть покровителем шариата. По утверждению историка Хорезмского двора поэта Мухаммада Юсуфа Баяни при нём в городе Хиве было построено более пятнадцати мечетей и медресе. Одно из медресе было построено на его личные средства и назвалось в его честь – Медресе Мухаммад Рахим-хана.

В 1874 г. при покровительстве Мухаммад Рахим-хана II в Хорезме была организована первая в Средней Азии типография для печатания литографических книг. Одними из первых книг, опубликованных в ней, стали «Хамса» Алишера Навои и «Диван» поэта Муниса.

Мухаммад Рахим-хан II стал последним независимым ханом Хорезма (Желябужский, 1875: 53–54). В 1873 г., несмотря на сопротивление, ханство оказалось под протекторатом России. Генерал от кавалерии Император Николай II в 1902 г. даровал хану титул «Светлости». Архив хивинских ханов при правлении Мухаммад Рахим-хана II в 1873 г. был вывезен в Санкт-Петербург, где позже его обнаружил П.П. Иванов (Гуломов, 2005).

Награды Мухаммад Рахим-хан II: Орден Святой Анны I степени с бриллиантами (1883); Орден Белого Орла (1891); Бриллиантовый вензель Его Императорского Величества Николай II Николай II (1896); Орден Святого Александра Невского (1900); Портрет Императора с бриллиантами (1905); Бриллиантовые знаки к Ордену Святого Александра Невского (1907); Орден Святого Владимира I степени (1908).

Скончался Мухаммад Рахим-хан II в 1910 г. Его похоронили в мавзолее Сайеда Мохи Руйи Джахана. К власти приходит его сын Асфандияр-хан (1910–1918).

Матмурад-Деванбеги

Матмурад-Деванбеги (он же – Мухаммад-Мурад-Деванбеги Шейх-Назар-Есаулбаши-Оглы) (фото 4) родился в 1830 г. в Хиве, в Дишон-кале, в семье крупного сановника Хивинского ханства Шейх-Назара-Есаулбаши Мухаммад-Мурад-оглы, военного министра ханства. Сам Матмурад был крупным политическим, общественным и военным деятелем Хивинского ханства XIX в., одним из крупнейших землевладельцев (владел 50 тыс. танапов, т.е. 20,5 тыс. га земель) (Юлдашев, 1957: 202–205; Погорельский, 1984: 28; ЦГА РУз. Ф. И–2. Оп.1. Д. 291. Л. 103) и коннозаводчиков Хивы, главным сановником периода Мухаммад Рахим-хан II (1864–1910) в сане деванбеги (премьер-министра) (Худойбергганов, 2008: 157, 160).

Фото 4. Матмурад-Деванбеги.
Хивинский музей-заповедник
«Ичан-Кале».

Как отмечал генерал М.А. Терентьев: «Диван-беги – главнокомандующий, он же заведует ирригацией, сборами зякета и монетным двором. Тогдашний Диван-беги был... именем Мад-Мурад» (Терентьев, 1875: 92).

Матмурад окончил Хивинское медресе, дружил с хивинскими поэтами Кази-Инатулла, Баени, Мирзо, Табиби. Был одним из самых образованных людей ханства, хорошо владел многими тюркскими языками (узбекским, туркменским, турецким, татарским), а также арабским, персидским, русским языками, писал стихи. Служил в личной гвардии хана Хивинского, прошел все ступени от младшего офицера до командующего гвардией, военного министра и главнокомандующего войсками ханства. Имел звание генерала армии хана Хивинского, кавалер наград Хивинского ханства. Служил при пяти ханах: Мухаммад Амин-хане (1845–1855), Абдулла-хане (1855), Кутлуг-Мурад-хане (1855–1856), Саид Мухаммад-хане (1856–1864) и Мухаммад-Рахим-хане Ферузе (1864–1910). При последних двух ханах руководил советом (*Деван*) при хане (Полвонов, 2011: 18). Как отмечает Н. Полвонов: «Выдвинулся Матмурад (Мухаммад Мурад) диванбеги, в руках которого сосредоточились основные управленческие функции» (Полвонов, 2011: 25).

В 1864 г. Матмурад руководил строительством медресе Саид Мухаммад-хана. Отличался смелостью, мужеством, сильной волей, «храбростью и энергией» (Агахи), неоднократно участвовал в сражениях с мятежными туркменскими и казахскими племенами, с иранскими и российскими войсками. В 1871 г. он строит медресе в Хиве, которое известно под названием медресе Мухаммад-Мурада.

В 1866 г. Матмурад во главе хивинских войск разгромил йомудских мятежников возле крепости Газибад, в 1867 г. – участвовал в других сражениях (у селения Каттабаг, озера Корп, канала Ак-яб, у Кенегеса), о чем есть упоминания у Агахи (Мухаммед Риза Мираб Агехи, 1938: 612–615). Был неоднократно награжден (златотканым ханским халатом с поясом, кинжалом с драгоценными камнями, чистокровным арабским жеребцом). В 1869 г. Матмурад командовал хивинскими войсками, направленных к Тау-Кара (Дау-Кара). Это отметил В.В. Бартольд: «Пришло известие, что русские, построившие крепость Казалинск на северном берегу Сыр-Дарьи, замышляют подчинить себе киргизов, имевши в летнее время стойбища на южной стороне реки и плативших хивинскому правительству закят и харадж. Хан решил отправить в местность Тау-Кара отряд под начальством диван-беги Мухаммед-Мурада» (Бартольд, 1964: 405).

В петербургском журнале «Нива» отмечалось: «Первое место среди советников и министров хана принадлежит диван-беги Мат-Мураду, человеку очень даровитому... Мат-Мурад приобрел над слабым властителем сильное влияние» (Сеид Мухаммед..., 1873: 593). Особый статус Матмурада отмечал американец Дж. А. Мак-Гахан: «До сих пор хан предоставлял все управление государством, своему министру, диван-беги Мат-Мураду <...> Он также сумел заслужить расположение молодого хана, и этот последний, по вступлении своем на престол, сделал его своим главным советником» (Мак-Гахан, 1875: 206, 214). Матмурад сопровождал хана во время наступления российских имперских войск на Хиву в 1873 г. Н. Полвонов называет Матмурада «героем борьбы с российскими завоевателями» (Полвонов, 2011: 40–41). В 1873 г. Матмурад командовал хивинскими войсками (Гродеков, 1883; Алиханов-Аварский, 1873; Степь..., 1899), в боях потерял старшего сына Кутлуг-Мурада.

В отличие от других сановников ханства (Мат-Нияз, Саид-Амир-уль-Умар, Юсуф-Максум), которые были сторонниками скорейшего заключения мира с Российской империей, Матмурад настаивал на вооруженной борьбе (Рапорт...). Как отмечает Мак-Гахан: «Когда хан сдался русским, Мат-Мурада захватили» (Мак-Гахан, 1875: 214). Благодаря Матмураду и его сподвижникам (Рахматулла-Бек-есаулбаши, Абдулла-Бек), возглавивших антиимперское сопротивление, не удалось полностью ликвидировать Хорезмское ханство. После поражения Хивинского ханства и подписания соглашения с российской империей наиболее активные участники сопротивления царским войскам были репрессированы. Попал под репрессии и Матмурад – он был со всей семьей выслан сначала в Казалинск (1873–1874 гг.), а затем – в Калугу, где прожил до 1880 г. Там же рождаются два его младших сына. «После взятия Хивы его имущество было конфисковано, и он был сослан в Калугу, где прожил 6 лет» (Бартольд, 1963: 413). Вместе с ним в ссылке были два его ближайших соратника – Рахматулла-Есаулбаши и Абдулла-Бек. По некоторым сведениям, Матмурад-Деванбеги

имел контакты с сосланными и проживавшими в Калуге родственниками и соратниками имама Шамиля.

Примерно в конце 1870-х – начале 1880-х гг. царское правительство от политики жесткой конфронтации с элитами мусульманских народов и давления на них начинает переходить к другой тактике – заигрывания с ними (Назаров, 2008). Выходцев из знатных семей начинают принимать на учебу в военно-учебные заведения России, на службу в элитные части российской армии и лейб-гвардии (включая конвой императора)³. В период калужской ссылки два сына Матмурада – Шейх-Назар (будущий есаулбаши) и Хусайн-Мухаммад обучаются в мусульманском отделении Воронежского кадетского корпуса (в 1878–1880 гг.) (Хайретдинов, 2009).

В 1879 г. Матмурад по личному ходатайству хана хивинского был помилован императором Александром II и ему было позволено вернуться в Хиву. В декабре 1879 г. туркестанский генерал-губернатор генерал-адъютант К. П. фон Кауфман писал хану хивинскому: «Согласно моему представлению, адресованному вследствие ходатайства Вашего Высочеством о возвращении на родину сосланных в 1873 году хивинских сановников Диван-беги Магамед-Мурада и Есаул-баши Рахматуллы государь император милостивый белый царь в 27-й день сентября сего года высочайше повелит соизволил “возвратить помянутых хивинцев на родину”. О таком высочайшем повелении сообщая вашему высочеством, прошу вас по возвращении Магамед-Мурада и Рахматуллы на родину иметь над ними строгий надзор» (ЦГА РУз. Ф. И–125, Канцелярия хивинского Хана. Оп. 1. Д. 24. Л. 169).

После возвращения на родину в 1880 г. Матмурад назначается на пост *деванбеги*. Об этом писал В.В. Бартольд: «После возвращения в Хиву он снова был принят на службу и в 1883 г. был первым министром» (Бартольд, 1963: 413). Матмурад достаточно часто не исполнял многих приказаний царских властей, о чем имеются упоминания в документах. Так, в письме туркестанского генерал-губернатора Духовского на имя хана хивинского от 17 июня 1898 г. говорится: «Мухаммед Мурад не мог не усвоить себе понятия, что распоряжения г-на туркестанского генерал-губернатора как лица, облеченного полным доверием его императорского величества, сообщается хивинским властям для точного исполнения, и потому мне совершенно непонятно, какими соображениями мог руководствоваться Мухаммед Мурад Диванбеги, не исполняя моего распоряжения» (ЦГА РУз. Ф. И–125, Канцелярия хивинского Хана. Оп. 1. Д. 52. Л. 48).

При новом императоре Александре III Матмурад получил несколько российских орденов (св. Станислава, св. Анны, св. Владимира) и чин полковника российской армии. Матмурад был награжден наградами Хорезмского ханства,

³ В частности, в лейб-гвардии и Собственном конвое императора служили один из сыновей имама Шамиля, сыновья казахских, азербайджанских и среднеазиатских ханов, северокавказских князей, сын узбекского генерала Джурабека Аллакули Джурабеков.

Бухарского эмирата и Персии (в частности, орденом Восходящей звезды Благородной Бухары, персидским орденом Льва и Солнца). Многие отмечали стремление Матмурада (особенно после возвращения из ссылки) к европейской культуре. «В Хиве у него был дом в европейском стиле, с европейской мебелью и окнами» (Бартольд, 1963: 413).

Матмурад много раз бывал в городах России (Москве, Санкт-Петербурге) в составе хивинских посольств и частным образом. Он скончался в Хиве в 1901 г. и похоронен там же в родовой усыпальнице (Назаров, 2009).

Мирзабаши Камил Хоразмий

Мирзабаши Камил Хоразмий (1825–1899) – узбекский поэт и музыковед. Настоящее имя – Мухаммад Нияз Мирзабаши. Учился в медресе Хивы. Был воспитанником школы Агахи. Служил у Мухаммед-Рахим-хана II секретарем и начальником канцелярии. Он создал систему нот, известных под названием «хорезмских», записал узбекские классические мелодии. Перевёл сборник «Калила и Димна» с персидского языка на узбекский. Был талантливым художником и искусным каллиграфом. Работал начальником канцелярии Хивинского хана и подготовил свыше 50 учеников-каллиграфистов и музыкантов. В качестве государственного деятеля внес большой вклад в развитие духовной культуры Хорезма. При его участии и покровительстве со стороны Мухаммад Рахимхана в городе Хиве была организована типография.

В 1883 г. Камил Хорезми вместе с Мухаммад Рахимханом побывали в Москве и Санкт-Петербурге, где изучали жизнь и культуру русского народа. Вернувшись из путешествия, Камил Хорезми занимался открытием русско-туземной школы в Хиве и организовывал в ней вечера литературы и музыки.

Его сын и ученик Мухаммад Расул Мирза-Баши (1870–1916), используя хорезмскую танбурную нотацию, записал VI-макомов.

Рукописный *диван* Камила Хорезми хранится в Институте востоковедения АН Узбекистана.

Султан Джафар Асфандиёров

Полковник российской империи, переводчик канцелярии генерал-губернатора Туркестана. Он много раз бывал в Хиве в качестве переводчика, иногда сопровождал хана в его поездках по России как советник по политическим вопросам (фото 5).

Фото 5. Султан Джафар Асфандиёров с Мухаммад Рахим-ханом Ферузом и группой чиновников. 1888 г. Хивинский музей-заповедник «Ичан-Кале».

Султан Джафар Асфандиёров, описывая 18 октября 1898 г. свою биографию, сообщает, что он является потомком султана Малого жуза Абулхаира (правнук Айшуак хана, правившего в Младшей Орде), что почти 30 лет работал переводчиком в Туркестане и что в 1874 г. что у него было 8 детей. Он пишет о том, как тяжело жить на пенсии, потому что те небольшие деньги, которые он накопил, пошли на обеспечение семьи и воспитание детей, сообщает о потере 2 земельных участков, которые были куплены под Ташкентом. В 1916 г. Султан Джафар Асфандиёров выходит на пенсию в чине генерал-майора.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЦГА РУз – Центральный государственный архив Республики Узбекистан
ХМЗ – Хивинский государственный музей-заповедник «Ичан-кала»

ИСТОЧНИКИ

Рапорт начальника Мангишлакского отряда полковника Ломакина от 18 июля 1872 года за № 859 на имя Кавказского наместника князя Святополк-Мирского // ЦГВИА. Ф. 400. Д. 13. Л. 107–115.

ЦГА РУз. Ф. И–2. Оп.1. Д. 291. Л. 103.

ЦГА РУз. Ф. И–125, Канцелярия хивинского Хана. Оп. 1. Д. 24. Л. 169.

ЦГА РУз. Ф. И–125, Канцелярия хивинского Хана. Оп. 1. Д. 52. Л. 48.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдухаликов Ф.Ф.* Хива. Архитектурная эпиграфика Узбекистана. Ташкент: Uzbekistan today, 2015.
- Алиханов-Аварский М.* Поход в Хиву (Кавказских отрядов). СПб., 1873.
- Гродеков Н.Н.* Хивинский поход 1873 года. Действия кавказских отрядов. СПб.: ред. журнала «Русская старина», 1883.
- Гуломов Х.Г.* Дипломатические отношения государств Средней Азии с Россией в XVIII – первой половине XIX века. Ташкент, 2005.
- Желябужский Е.* Очерки и завоевание Хивы. М., 1875.
- История Хорезма. Под редакцией *И.М. Муминова*. Ташкент, 1976.
- Каримов Э.* Регесты казийских документов и ханских йарлыков Хивинского ханства XVII начала XX в. Ташкент: Фан. 2007.
- Костенко Л.* Город Хива в 1873 г. Турк. сборн. СПб., 1873. Т. 82.
- Мак-Гахан Дж.А.* Военные действия на Оксусе и падение Хивы. М., 1875.
- Мухаммед Риза Мираб Агехи.* Свидетель счастья (Шахид-и-икбаль). История царствования Сейид Мухаммед Рахим-хана // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 2. М.: Институт востоковедения. 1938. С. 612–615.
- Назаров Р.Р.* Мухаммад-Мурад-Деванбеги // Ислам в Центральной России. Серия «Ислам в Российской Федерации». Вып. 4. М.-Н. Новгород: ИД Медина, 2009.
- Назаров Р.Р.* Этнические элиты Центральной Азии (круг существующих мнений) // Журнал ЕвроАзия. Россия. Узбекистан: история и современность. 2008. Декабрь (№ 7). Ч. 4. М.: РГГУ, ИАЦ МГУ, 2008.
- Ноткин И.И.* Тошхавли. Ташкент, 1968.
- Погорельский И.В.* История Хивинской революции и Хорезмской народной советской республики. Л.: изд. ЛГУ, 1984.
- Полвонов Н.* История социальных движений и политических партий Хорезма (1900–1924). Ташкент: Академнашр, 2011.
- Сеид Мухаммед Рахим – Хивинский хан // *Нива*. 1873. № 38. С. 593–594.
- Степь и оазис. СПб., 1899.
- Терентьев М.А.* Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1875.
- Хайретдинов Д.З.* История ислама в Воронежской области // Медина аль-Ислам. 2009. № 93. URL: <https://idmedina.ru/medina/?1339> (дата обращения 13.02.2023)
- Худойберганов К.* Хива хонлари тарихидан. Ургенч, 2008.
- Юлдашев М.Ю.* К вопросу об особенностях развития землевладений в Хиве XIX века // Материалы 1-й Всесоюзной конференции востоковедов. Ташкент, 1957. С. 202–205.

Сведения об авторе: Бабаджанов Дилмурод Камилович, Ph.D. (история), старший научный сотрудник отдела гуманитарных наук, Хорезмская Академия Мамуна Академии наук Республики Узбекистан (220900, Центр-1, Хорезмская обл., Хива, Республика Узбекистан); b.madyor@bk.ru

Поступила 01.03.2023

Принята к публикации 11.09.2023

**DATA ON PROMINENT REPRESENTATIVES OF THE MUSLIM ELITE
OF THE KHOREZM KHANATE OF THE 19TH CENTURY, STORED IN THE PHOTO
COLLECTION OF THE KHIVA STATE MUSEUM-RESERVE “ICHAN-KALA”**

D.K. Babadzhanov

*Khorezm Mamun Academy
Khiva, Republic of Uzbekistan
b.madyor@bk.ru*

The work reveals the history of the personalities captured in the photograph which is stored in the collections of the Khiva State Museum-Reserve “Ichan-Kala”. At its center is Muhammad Rahim Khan II, the ruler of the Khiva Khanate. Based on historical sources, the author of the article highlights the life and activities of Mukhammad Rakhim Khan II and the palace officials who ruled the Khanate at the end of the 19th century. It is shown that Mukhammad Rakhim Khan II aspired to be the patron of Sharia. He was an enlightened ruler – he supported musical and poetic arts, had polemical conversations with intellectuals, and was fond of writing poems. In 1874, under the patronage of Mukhammad Rakhim Khan II, the first printing house in Central Asia for printing lithographic books was organized in Khorezm. One of the first books published in it were “Khamasa” by Alisher Navoi and “Divan” by the poet Munis.

Keywords: Khorezm Khanate, Mukhammad-Rakhim-Khan II, Matmurad-Devanbegi, Colonel Sultan Jafar Asfandiyorov, Kamil Khorazmiy.

For citation: Babadzhanov D.K. (2023) Data on prominent representatives of the Muslim elite of the Khorezm khanate of the 19th century, stored in the photo collection of the Khiva State Museum-Reserve “Ichan-Kala”. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 8. No. 3: 394–406. DOI: 10.22378/he.2023-8-3.394-406 (In Russ.)

REFERENCES

- Abdukhalikov F.F. (2015) *Khiva. Architectural epigraphy of Uzbekistan*. Tashkent: Uzbekistan Today Publ. (In Russ.)
- Alikhanov-Avarsky M. (1873) *Campaign to Khiva (Caucasian detachments)*. St. Petersburg. (In Russ.)
- Grodekov N.N. (1883) *Khiva campaign of 1873. Actions of Caucasian detachments*. Russian Antiquity magazine ed. St. Petersburg. (In Russ.)
- Gulomov Kh.G. (2005) *Diplomatic relations of the Central Asian states with Russia in the 18th – first half of the 19th centuries*. Tashkent. (In Russ.)
- History of Khorezm* (1976). I.M. Muminov (ed.). Tashkent. (In Russ.)
- Karimov E. (2007) *Registries of Kazi documents and khan’s labels of the Khiva Khanate of the 17th and early 20th centuries*. Tashkent: Fan Publ. (In Russ.)
- Khairtdinov D.Z. (2009) History of Islam in the Voronezh Region. *Medina al-Islam* [Medina al-Islam]. No. 93. URL: <https://idmedina.ru/medina/?1339> (accessed 13.02.2023). (In Russ.)
- Khudoyberganov K. (2008) *Khiva honlari tarihidan*. Urgench. (In Uzbek)
- Kostenko L. (1873) *The city of Khiva in 1873*. Turkmen collection. St. Petersburg. Vol. 82. (In Russ.)
- McGahan J.A. (1875) *Military actions on the Oxus and the fall of Khiva*. Moscow. (In Russ.)

Mukhammad Riza Mirab Agehi. (1938) Witness to Happiness (Shahid-i-iqbal). History of the reign of Seyid Mokhammed Rakhim Khan. In: *Materials on the history of the Turkmen and Turkmenistan*. Vol. 2. Moscow: Institute of Oriental Studies: 612–615. (In Russ.)

Nazarov R.R. (2008) Ethnic elites of Central Asia (range of existing opinions). *EuroAsia Journal. Russia. Uzbekistan: History and modernity* [Zhurnal YevroAziya. Rossiya. Uzbekistan: istoriya i sovremennost']. December, No. 7. Part 4. Moscow: Russian State University for the Humanities, IAC MSU. (In Russ.)

Nazarov R.R. (2009) Muhammad-Murad-Devanbegi. In: *Islam in Central Russia. "Islam in the Russian Federation" series*. Vol. 4. Moscow-Nizhny Novgorod: House Medina Publ. (In Russ.)

Notkin I.I. (1968) *Toshgovli*. Tashkent. (In Uzbek.)

Pogorel'skiy I.V. (1984) *History of the Khiva Revolution and the Khorezm People's Soviet Republic*. Leningrad: ed. Leningrad State University. (In Russ.)

Polvonov N. (2011) *History of social movements and political parties of Khorezm (1900–1924)*. Tashkent: Academnashr Publ. (In Russ.)

Seyid Mokhammed Rakhim – Khan of Khiva. (1873) *Niva* [Niva]. No. 38: 593–594. (In Russ.)

Steppe and oasis (1899). St. Petersburg. (In Russ.)

Terentyev M.A. (1875) *Russia and England in Central Asia*. St. Petersburg. (In Russ.)

Yuldashev M.Yu. (1957) Revisiting the question of the peculiarities of the development of land tenure in Khiva in the 19th century. In: *Materials of the 1st All-Union Conference of Orientalists*. Tashkent: 202–205. (In Russ.)

Zhelyabuzhskiy E. (1875) *Essays and the conquest of Khiva*. Moscow. (In Russ.)

About the author: Dilmurod K. Babadzhanov, Ph.D. (History), Senior Researcher at the Department of Humanities, Khorezm Mamun Academy of the Uzbekistan Academy of Sciences (Tsentr-1, Khiva 220900, Khorezm Region, Republic of Uzbekistan); b.madyor@bk.ru

Received March 1, 2023

Accepted for publication September 11, 2023

МИКРОИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 94(470.41)

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ТАТАРСКОЙ ЖЕНЩИНЫ ДОРЕФОРМЕННОЙ ЭПОХИ (НА ПРИМЕРЕ МЕНЗЕЛИНСКОГО УЕЗДА)

Л.Р. Габдрафикова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
ФИЦ «Казанский научный центр РАН»
Казань, Российская Федерация
bahetem@mail.ru*

В статье на основе документов Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС), ревизских сказок, метрических книг и публицистических материалов XIX – начала XX вв. реконструируется социально-экономическое положение татарок-мусульманок Мензелинского уезда Оренбургской губернии. Этот уезд отличался сословной спецификой и вовлеченностью в систему военного (кантонного) управления. Хронологические рамки охватывают период с конца XVIII в. до середины 1860-х гг. В это время был утвержден ряд нормативно-правовых документов, касающихся брачно-семейной жизни мусульман Российской империи: изменился брачный возраст, разрешены межсословные браки, регуляцией супружеских споров и наследственными делами начало заниматься ОМДС.

Основное внимание автор уделяет брачно-семейному аспекту частной жизни. Приводятся архивные примеры, связанные с татарскими женщинами Мензелинского уезда. В ОМДС татарки обращались с просьбами о разводе, о разрешении на вторичное замужество и по другим обстоятельствам. Женщины, даже выступая самостоятельными субъектами мусульманского и гражданского права, действовали только при поддержке родственников.

Образы татарских женщин Мензелинского уезда и Закамья первой половины XIX в., представленные в работах публицистического характера, отличаются определенной статичностью. Русские авторы оценивали лишь внешний вид татарской женщины, стоимость её нарядов, аксессуаров. Оценки татар больше связаны с составом семьи (за кого вышла замуж женщина, сколько детей она родила).

Раскрываются биографии трех татарских женщин из Мензелинского уезда – Курыплы Иманаевой, Гульбадар Ахтямовой и Хасибы Ардуановой. Каждый случай иллюстрирует основные тенденции повседневной жизни первой половины XIX в. (проблемы рекрутской службы, последствия холерной эпидемии и т.п.). В межличностных отношениях, в том числе в конфликтах, существенную роль играли предметы быта. Татарская женщина дореформенной эпохи ассоциировалась с материальной собственностью конкретной семьи. Вместе с тем, во второй половине XIX в. обозначается идеал не только трудолюбивой и религиозной, но и образованной татарской женщины.

Ключевые слова: татары, мусульмане, история повседневности, гендерная история, сословия Волго-Уральского региона.

Для цитирования: *Габдрафикова Л.Р.* Частная жизнь татарской женщины дореформенной эпохи (на примере Мензелинского уезда) // Историческая этнология. 2023. Т. 8. № 3. С. 407–421. DOI: 10.22378/he.2023-8-3.407-421

История частной жизни – наименее изученная тема для татарской историографии, что объясняется ориентированностью большинства исследований на общественно-политическую проблематику и явной ограниченностью источниковой базы. Вместе с тем частная жизнь обладает не меньшим познавательным потенциалом. В этой связи крайне актуальна реконструкция частной жизни татарской женщины дореформенного времени (т.е. до 1860-х гг.), что поможет восполнить отдельные пробелы общей истории татарского народа.

Ценной документальной базой в этом вопросе является архивный фонд Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС) – учреждения регулировавшего в имперский период частную жизнь мусульман Волго-Уральского региона, Сибири и Центральной России. ОМДС было создано в 1788 г. и находилось в Уфе. Этот орган выступал гарантом норм шариата в Российской империи, поэтому казьями (судьями) собрания рассматривались самые разные спорные дела, касавшиеся семейно-брачных взаимоотношений. В более поздний период – на рубеже XIX–XX вв. – мусульмане с этими вопросами обращались не только в ОМДС, иногда они выбирали уже гражданские суды в зависимости от ситуации.

Мензелинский уезд был одним из самых густонаселенных уездов Волго-Уральского региона (например, в нем в 1911 г. проживало более 480 тыс. жителей), а татары-мусульмане составляли солидное большинство (Собрание постановлений..., 1913: 586) Спецификой уезда являлся высокий процент крестьян-вотчинников, состоявших в сословии башкир, а также тептярей – крестьян, обладавших меньшими земельными правами. Помимо них в уезде проживали служилые и ясачные татары. Земельная собственность играла важную роль в функционировании семьи, а вопросы имущества были одним из главных камней преткновения при судебных разбирательствах. Кроме того, Мензелинский уезд как часть территории Оренбургской губернии до середины 1860-х годов входил в систему военного (кантонного) управления, что тоже отражалось на повседневном укладе местного населения, в том числе женского.

Семейная жизнь татарской женщины в зеркале нормативно-правовых актов и делопроизводственных материалов

В первой половине XIX в. сложились определенные правовые нормы, регулирующие жизнь татарской женщины. Введение в начале XIX в. метрических книг, где помимо рождения и смертности, начинают фиксировать еще браки и разводы, сделало частную жизнь мусульман открытой для определенного круга должностных лиц. Факты частной жизни субъектов мусульманского права становились предметом деловых переписок, порой играли роль в решении вопросов общественного характера. Например, в «Правилах семейно-брачных отношений», представленных муфтием ОМДС Габдулвахидом Сулеймановым в 1841 г., оговаривался брачный возраст: для мужчин – от 18 лет, для женщин – от 16 лет (Сборник циркуляров, 1902: 3). Позднее, некоторые имамы были вынуждены оставить свои должности из-за несоблюдения этого указа (например, по ошибке в 1858 г. на некоторое время был отстранен от службы казанский мулла, известный ученый-мулла Ш.Марджани).

На местах за регулирование семейно-брачных отношений отвечали не только имамы и ахуны, но и старшины (в случае Башкиро-мещеряцкого войска). В 1842 г. у командования Башкиро-мещеряцкого войска были попытки перевести семейно-брачные дела к ведению гражданских властей, но оренбургский генерал-губернатор В.А. Перовский отклонил это ходатайство, оставив все под началом ОМДС (Азаматов, 1999: 125).

Еще одним источником для изучения частной жизни служат материалы государственных переписей («ревизских сказок»). По данным исследователя Р.Р. Аминова, татарские девушки из Мензелинского уезда заключали браки не только в пределах своего уезда, но и выходили замуж за татар из Заказанья, что, безусловно, указывает на устоявшиеся родственные связи между жителями этих регионов. По этим документам можно увидеть, что в конце XVIII в. среди татар Мензелинского уезда было много межсословных браков: семьи ясачных татар чаще всего рождались и с тептярями, и с «башкирцами» (Татарские селения, 2021: 64).

Это очень важный момент, поскольку во время тюркских восстаний на территории Уфимской провинции (куда входил и Мензелинский край) еще в первой половине XVIII в. были введены некоторые брачные ограничения в отношении представителей сословия «башкирцев». В частности, в 1736 г. утверждены правила, согласно которым браки между «казанскими татарами» и «башкирцами» допускались лишь в особых случаях, после челобитной и личного разрешения казанского губернатора, а также уплаты брачующимися пошлины – 1 драгунской лошади. При несоблюдении этих условий предусматривался штраф (3 драгунские лошади) или ссылка (Законы..., 1999: 147). На практике это могли быть и телесные наказания, если никах был прочитан не указным муллой. Например, Роберт Круз описывает один случай «сожительства башки-

ра Габдрахима Мендиярова и татарки Маргавафы Хабибуллиной», которые в 1833 г. получили 200 ударов плетью за это (Круз, 2020: 178). Возможно, американский исследователь немного не разобрался в сословных и этнических особенностях населения Волго-Уральского края и сделал поспешные выводы. Здесь речь, судя по всему, все же идет о межсословном союзе татарской пары, а не межэтническом «прелюбодеянии».

Тем не менее, как мы увидели выше, межсословные браки в татарских деревнях Мензелинского уезда не были редкостью. Очевидно, такая же ситуация наблюдалась и в других местностях Приуралья, где проживали татары. Поэтому в 1840-е гг. ОМДС признает, что муллами это указание фактически не соблюдается, а ограничения на такие браки утрачивают юридическую силу (Азаматов, 1999: 133).

Опровергают ревизские сказки первой половины XIX в. и гипотезы о том, что для сословных общин «башкирцев», в силу их владения большими земельными угодьями, была характерна полигамия. Анализ данных по некоторым татарским деревням Мензелинского уезда (Такталачук, Байсарово, Актаныш, Новое Алимово, Поисево – входят в состав совр. Актанышского района Республики Татарстан), где имелись сословные группы «башкирцев», тептярей и «мещеряков», показал, что многоженство встречалось у всех сословий, а между количеством жен и материальным состоянием мужа не наблюдается четкой корреляции. Например, в 1859 г. среди жителей татарской деревни Мастеево, где проживали в том числе представители дворянского сословия, лишь у 52-летнего Абдулвали Султанова имелось две жены (Татарские селения, 2021: 68).

Поверхностный взгляд на документы ОМДС может оставить ложное впечатление о большом числе разводов в мусульманских семьях, в том числе среди татар Мензелинского уезда. Но данные еще одного любопытного источника – метрических книг – указывают на то, что, хотя и разводы случались, но они не носили массовый характер. Так проведенный исследовательницей Э.К. Салаховой анализ семейно-брачных отношений большого волостного села Байсарова показал, что на 30–35 заключенных браков в среднем приходилось 2–3 развода (Татарские селения, 2021: 109).

Практиковался и *талак* (инициатором выступал мужчина), и *хлюг / хулла* (развод инициировала женщина). Основаниями для развода могли быть самые разные причины. Например, в 1861 г. житель д. Мушуги (совр. Мензелинский район Республики Татарстан) Мухаметшакир Сайфуллин развелся со своей 17-летней супругой Бибимафтухой из-за того, что она играла на улице с посторонними мужчинами, а сам в это время отсутствовал (Асфандияров, 1990: 143). Очевидно, инфантильное поведение молодой жены воспринималось обществом как позор для супруга, и он решился на крайнюю меру.

Для мужчины с материальной точки зрения был выгоден не *талак*, а второй вариант развода. Возможно, поэтому они могли довести семейную жизнь

до такого состояния, когда отчаявшаяся женщина сама просила о разводе. Например, в 1827 г. Фарсибану Абдулвахитова из д. Старое Алимово (совр. Актанышский район Республики Татарстан) вышла замуж за муэдзина Фатхуллу Таймасова. Супруги прожили вместе три года. Однако семейная жизнь была осложнена агрессивным поведением мужа. В результате, в 1830 г. Фарсибану пожаловалась в Оренбургское магометанское духовное собрание на грубое обращение мужа с ней и попросила разрешения на повторное замужество. Детей у супругов не было. Разбирательства по данному делу продолжались до 1838 г. (НА РБ. Ф.И–295. Оп.4. Д.604. Л.1–6).

Довольно часто интересы женщин в ОМДС представляли их отцы, именно они подавали прошения о разводе. Например, в 1833 г. о разводном листе для своей дочери просил отставной есаул А.Арсланов из д. Старое Алимово (НА РБ. Ф. И–295. Оп.4. Д.762). В следующем 1834 г. о таком же документе запрашивал С.Сажитов из д. Исянгулово Бишинды-Останковской волости (НА РБ. Ф. И–295. Оп.4. Д.822). С аналогичной просьбой обратился в ОМДС в 1835 г. житель д. Куяново И.Максютов (НА РБ. Ф. И–295. Оп.4. Д.886). Развод (в некоторых случаях – заочный) был необходим при вторичном замужестве татарки-мусульманки. Например, в 1831 г. Г.Бикташева просила ей разрешить замужество в связи со ссылкой осужденного за преступление мужа в Сибирь (НА РБ. Ф. И–295. Оп.4. Д.665). Разрешения такого же характера были получены жительницами Мензелинского уезда – Бикмухаметовой (1835 г.) (НА РБ. Ф. И–295. Оп.4. Д.889), Ф.Тухфатуллиной из д. Чатово (1836 г.) (НА РБ. Ф. И–295. Оп.4. Д.999).

В некоторых случаях повторное замужество происходило внутри одной семьи. Например, в 1816 г. у жителя д. Суксы 26-летнего Абдулнасыра Юлдашева были две жены: 40-летняя Вафара и 16-летняя Сагида. Исследователь А.З. Асфандияров предположил, что А.Юлдашев мог взять в жены вдову своего старшего брата (Асфандияров, 1990: 140). С учетом недавней Отечественной войны и Заграничного похода, в которых принимали участие и татары-мусульмане Мензелинского уезда в составе Башкиро-мещеряцкого войска (до 1855 г.), такое предположение о практике левиратов выглядит вполне убедительным.

В ведении ОМДС были вопросы наследования, поэтому женщины обращались в учреждение после смерти мужей или же отцов с просьбой о разделе имущества. Например, в 1831 г. в собрание обратилась татарка из д. Кадырово Н.Имеева (НА РБ. Ф. И–295. Оп.4. Д.666), в 1832 г. Ф.Абдулнасырова из д. Черный Ключ (совр. Черемшанский район Республики Татарстан) просила о разделе имущества, оставшегося после смерти её отца (НА РБ. Ф. И–295. Оп.4. Д.711). Интересно, что такого рода прошения в некоторых случаях подписывались самими женщинами. Это были неординарные факты, т.к. большинство та-

тарских девочек тогда еще не обучалось письму. Они учились только чтению у абыстай (супруги муллы).

Таким образом, материалы переписей (ревизий), нормативно-правовые акты, метрические книги и делопроизводственные источники позволяют в общих чертах обозначить частную жизнь татарских женщин Мензелинского уезда на рубеже XVIII-XIX вв. Заинтересованность вышестоящих властей в большем контроле мусульман империи и создание ОМДС способствовали переменам в частной жизни.

Образы татарской женщины из Закамья

в публицистической литературе второй половины XIX – начала XX вв.

Вплоть до середины XIX в. татарские женщины, как и представительницы других народностей России, были практически невидимыми персонажами общественной жизни. Женское просвещение в империи получает развитие лишь во второй половине столетия, экономическая активность женщин была скорее номинальной (коммерческие дела осуществлялись через доверенных-мужчин). Если учесть замкнутый характер жизни мусульманок, то представление их внешнего образа почти невозможно. Тем не менее, есть несколько источников, где приводится подробное описание внешнего вида татарских женщин, в том числе жительниц Мензелинского уезда.

Например, сохранился любопытный источник личного происхождения, связанный с деревней Мастеево Мензелинского уезда. Сегодня уже этого населенного пункта не существует, деревня находилась недалеко от волостного центра Байсарово (совр. Актанышский район Республики Татарстан). Рукопись на русском языке, оставленная судя по всему кем-то из приезжих (этот населенный пункт был известен своим кумысным промыслом, поэтому многие приезжали туда на кумысолечение), предположительно относится ко второй половине XIX в. «Одежда женщин состоит из рубашки, шаровар (обязательно) и блузы; головное украшение или платок, или колпак обще-татарского типа. Волосы обыкновенно заплетают в косу и на конце косы привешивают, если есть, серебряные деньги. На груди носят ожерелье из денег», – отмечал автор документа (Багаутдинова, 2017: 176). Он подчеркивал любовь татарских женщин (особенно молодых девушек) к макияжу: они чернили брови, румянили щеки и даже красили ногти. Недостаточно изжитым был в то время обычай чернить зубы. Вместе с тем, замужние женщины постепенно отвыкали от этой страсти к «живописи» (Багаутдинова, 2017: 177).

Примерно такие же сведения приводит И.М. Казанцев – ученый-этнограф и незаурядная личность, а по совместительству чиновник канцелярии Оренбургского военного генерал-губернатора. По итогам пребывания И.М. Казанцева в Оренбургской губернии, в том числе в Мензелинском уезде, был подготовлен труд «Описание башкирцев», изданный в Санкт-Петербурге (Казанцев,

1866). Итогом работы Ильи Михайловича стала не только эта книга, но и открытие в Мензелинске женского училища. Казанцев стал членом Попечительного совета нового учебного заведения (Журналы, 1885: 42–43).

И.М. Казанцев отмечал, что женщины из сословия «башкирцев» носят простые платья («холщевые или бязинные»), «вышитые вокруг воротника и на груди алого цвета нитками, бумагой или шелком», а также шаровары, сверху платья что-то вроде кафтана («зюлен»), летом этот предмет одежды был без рукавов. Так же, как и в примере из Мастеево, исследователь отмечает, что женщины украшали себя «вокруг груди и воротника» «мелкими серебряными монетами». Обувью служили узорные цветные ичиги и туфли из сафьяна.

И.М. Казанцев приводит описание традиционных женских головных уборов *кожбов*, украшенного «красным бисером, корольками и другими вещицами», и *калябаш* – «шлемообразную чешуйчатую шапку с длинным широким хвостом». Последний головной убор («самый щегольский наряд башкирок») украшался серебряными монетами и, как отмечал этнограф, стоил «иногда до 1000 р. и более». Уже в 1860-е гг. *калябаш* носили довольно редко, он переходил из поколения в поколение, пока владелица не продавала его из-за нужды (Казанцев, 1866: 25–26). В этом замечании привлекает внимание слово *калябаш*, напоминающее название татарского мужского головного убора *каляпуш*, и выделение двух видов женских чепцов, поскольку в более позднем времени шлемообразная шапка с длинным широким хвостом, украшенная бисером и монетами называли *кашбау* / *кашмау*.

Как и автор из Мастеево, И.М. Казанцев пишет о чрезмерном увлечении женщин «башкирцев» белилами и румянами, о том, что они чернили не только брови, но и зубы, а также красили ногти охрой или «известным соком растений». Но это касалось в большей степени «аристократок», тогда как остальные ухаживали за собой без особых «претензий» (Казанцев, 1866: 25–26).

Если сторонние наблюдатели акцентировали внимание обычно на внешнем виде татарских женщин, то совсем другие образы представлены в материалах татарских авторов. В этой связи любопытен труд «Знаменитые женщины» Ризаэтдина Фахреддина. Первая печатная версия этой книги датируется 1904 г., позднее автор значительно дополнил рукопись. Во второй неопубликованной версии имеется несколько очерков о татарских женщинах Закамья. В описании женских биографий для исследователя приоритетной является информация о образованности и религиозности татарок, но не менее важны и сведения о её семье (замужество, детях и т.д.). В этом смысле, Фахреддин дублирует традиционные сведения из метрических книг, в которых фиксировались все эти моменты (дата рождения самой женщины, дата замужества, даты рождения и смерти ее детей, дата смерти героини).

Например, о своей матери Мавгубе, 1821 г.р., дочери имама деревни Старый Иштиряк (Бугульминский уезд) Р.Фахреддин сообщает следующее: «Дос-

тигнув школьного возраста, она училась у своего отца Рамкула, у матери Фархиджамал и у деда со стороны матери Гисматуллы, сына Габдуррахмана ат-Тайсугани, имама, мухтасиба и ахунда, превосходного ученого, и получила от них очень хорошие знания. Но она так и не научилась писать, потому что ее воспитатели и учителя не захотели учить ее этому». В 1839 г. Мавгуба вышла замуж за Фахреддина – имама деревни Кичучат того же Бугульминского уезда. В браке родилось 6 детей. По сообщению Р.Фахреддина, они «прожили разное количество лет», т.е. некоторые её дети умерли слишком рано. Помимо семейных и хозяйственных дел, у супруги имама были и другие обязанности общественного характера. «Она собирала у себя девочек и учила их по тюркским, арабским и персидским книгам, теоретически и практически обучала их вероучению и основам ислама, – пишет о своей матери автор. – В специально назначенное время она читала проповеди женщинам и старалась с лучшей стороны воздействовать на их благонравие. И для меня моя мама была самой авторитетной наставницей благонравия. Я испытываю к своей маме огромное чувство благодарности и признательности за то, что она была моей мамой и наставницей». Умерла Мавгуба в возрасте 54 лет (Фахреддин, 2008).

Другая женщина – Магданульджамал, 1828 г.р., дочь уважаемого религиозного деятеля Закамья, знаменитого шейха из Такталачука Фазлуллы бин Файзуллы. Она была супругой Якуба Нигматуллина (Мансурова), имама д. Новое Алимово. Магданельджамал умела не только читать, но и писать. Этим она сильно отличалась от других татарских женщин того времени. «Получив образование у своего отца, Магданульджамал обладала обширными познаниями в арабском и персидском языках и писала красивым почерком. Своєю рукою она переписала книги «Религиозное учение Пророка Мухаммада» и «Ниша для светильников» и позже откорректировала эти списки, – писал про нее Р.Фахреддин. – Свою жизнь она посвятила обучению и религиозному воспитанию девочек и женщин». В семье Магданульджамал-абыстай и Якуб-хазрата было 7 детей. Лутфулла продолжил дело отца. Со слов другого человека, Р.Фахреддин дает некоторую личностную характеристику: «Магданульджамал-абыстай была немногословна, сообразительна и остроумна. Она в совершенстве знала мусульманское право, очень правильно читала Коран, и ее чтение было приятно слушать». Благочестивая мусульманка умерла в возрасте 78 лет на молитвенном коврике, в ожидании предвечерней молитвы (Фахреддин, 2008).

Р.Фахреддин посвятил очерки и другим уроженкам Мензелинского уезда. Среди них – мать знаменитых просветителей Буби – Бадрульбанат, которая родилась в семье имама д. Тойгузино (совр. Менделеевский район Республики Татарстан) и была не только религиозной, образованной, но и хозяйственной женщиной; Гайша-абыстай (дочь известного муллы Шагиахмеда бин Рафика из д. Симек (совр. Тукаевский район Республики Татарстан), супруга Шамсимухамед-хазрата из д. Сафар (Актанышский район Республики Татарстан).

Несмотря на любопытные детали, все эти описания внешнего вида, уровня образования и семейного состояния татарских женщин, все же не создают полноценной картины, а могут быть рассмотрены лишь как их образы. В первом случае, он создается путем видения *других* (наблюдателей со стороны) и отсюда выводы о том, что *их* женщины не особенно красивы. Во втором – это представления самих татар об идеальной женщине – образованной (в религиозном смысле) и благочестивой матери семейства.

Три женские биографии

Попытаемся реконструировать биографии нескольких татарских женщин, живших в первой половине XIX в. в Мензелинском уезде. Их можно было бы отнести к категории «маленьких людей», т.е. тех акторов истории, жизнь которых не интересна «большой истории» с «выдающимися личностями». Вместе с тем, такие биографии составляют ткань повседневности дореформенной эпохи.

1) Курыплы Иманаева родилась в 1790-х гг. Жительница деревни Мансур Сакловой Мензелинского уезда (совр. д. Новое Саклово Сармановского района Республики Татарстан). В 1815 г. ее мужа Гарифулла Амирова отдали в рекруты. Перед этим он при свидетелях дал супруге «увольнение», т.е. развод. Процедура сопровождалась материальными отступными: Иманаева отдала бывшему мужу две белые рубашки, двое портков холста «ценой 12 руб.». Лишь через 17 лет после развода, Курыплы Иманаева решилась на второе замужество. 9 февраля 1832 г. она просила Оренбургское магометанское духовное собрание дать ей разрешение на вторичное замужество в связи с призывом ее первого мужа на военную службу (НА РБ. И–295. Оп.4. Д.707. Л.1–1 об.).

2) Гульбадар Ахтямова. Год рождения неизвестен (около 1809 г.). Уроженка деревни Чуганеево Мензелинского уезда (совр. д. Чуганак Актанышского района Республики Татарстан). Воспитывалась матерью и отчимом, рядовым Мензелинской инвалидной команды Салихом Сейфуллиным. Проживала в г. Мензелинске.

На момент описываемых событий ей было не больше 20 лет. 1 января 1829 г. женщину сосватали за рядового Мензелинской инвалидной команды Хасея Абдрахимова. По ее словам, «с её согласия». Родители её после сватовства условились получить с жениха калым – 250 рублей. Из них невесте досталось «серебряной монетой 4 рублевика», а остальные деньги он обещал заплатить позднее: в марте – 100 руб., а 134 руб. – после переезда к нему. Супруги проживали в Мензелинске, и в том же марте 1829 г. Гульбадар переехала в квартиру Хасея. Но семейная жизнь не сложилась. Через некоторое время молодая жена пожаловалась на мужа, что она «никакого плотского действия с ним не имела», а супруг «отзывается больным». В мае 1829 г. Г.Ахтямова просила ахуна д. Поисеевой М. Ягудина, выполнявшего религиозные требы мензелинцев, развести ее с Х. Абдрахимовым.

В ходе разбирательств ахуна, супруг Гульбадар признался, что у него имеется «тайная болезнь» и обещал вылечиться в течение шести месяцев. Однако так быстро исправить недуг Хасею не удалось, супруги постоянно ссорились. Однажды разъяренный муж выгнал её из квартиры, Гульбадар была вынуждена вернуться в дом отчима. Она отмечает, что супруг отправил ее на улицу, «отобрав от меня собственную мою одежду», что по меркам начала XIX в. расценивалось как хищение ценного имущества.

Пока супруги проживали по отдельности, муж не терял зря времени. Он обратился в Оренбургское магометанское духовное собрание с просьбой вернуть супругу. В итоге, Гульбадар Ахтямова получила документ из Мензелинского земского суда, который сообщал ей о необходимости воссоединения с Х. Абдрахимовым. Но семейная жизнь оказалась такой же несчастливой, как и раньше: супруг проявлял агрессию, Гульбадар оказалась жертвой домашнего насилия. Тем не менее, она продолжала жить с ним. Одна из ссор привела к тому, что муж при посторонних людях выгнал ее из квартиры с побоями и с криками *талак*. Отношения супругов были очень болезненными, они долго не могли окончательно разорвать семейные узы. Хасей с одной стороны постоянно проявлял жестокость по отношению к супруге, с другой стороны не давал ей развода. Сам он продолжал страдать от своей «тайной болезни». Но после очередного скандала, 24 марта 1830 г. Хасей Абдрахимов дал подписку отчиму Гульбадар – Салиху Сейфуллину о том, что «он не будет совершать противозаконных действий против» супруги, обещал «в течение двух месяцев излечиться от своей болезни», а в случае невыполнения условий – дать жене развод.

Супругам удалось договориться лишь к сентябрю 1830 г. Как сообщал ахун деревни Чуганеевой Кадряч Муртазин, Абдрахимо дал Гульбадар Ахтямовой разводное письмо (НА РБ. Ф. И–295. Оп.4. Д. 603. Л.1–8).

3) Хасиба Ардуанова. 1825 г.р. Выросла в д.Новые Бугады Мензелинского уезда (совр. Актанышский район Республики Татарстан). Воспитывалась матерью и отчимом Биктимиром Губеевым (1801 г.р.). Примерно в 20-летнем возрасте была выдана замуж за жителя деревни Бексентеево Мензелинского уезда – Абдулхабира Габдулгафарова. Мать и отчим подготовили приданое для дочери: сундук с кованым железом, перина перовая, занавеска простая, белый льняной большой полог и одиннадцать куриц. Из хозяйства отчима молодая жена взяла «на подержание» чугунный котел. На свадьбу в качестве *махра* родители мужа подарили невесте сундук с кованым железом, корову с телятком, козу, овечку, рубашки и другую одежду (НА РБ. И–295. Оп.4. Д.2150. Л.8–8 об.). Это недвижимое имущество, по обычаю, считалось личной собственностью жены.

После замужества Хасиба переехала к мужу, в деревню Бексентеево (совр. Мензелинский район Республики Татарстан). Неизвестно, сразу или позднее, но уже к 1848 г. у молодой семьи был собственный дом и небольшое хозяйство, которое они вели отдельно от отца Абдулхабира – Габдулгафара Габдулнасы-

рова (1799 г.р.). Муж Хасибы был примерно ее возраста. Занимался крестьянским трудом, в основном хлебопашеством. В 1846 г. семье Хасибы и Абдулхабира случилось радостное событие – родилась дочь Шаммияхат. Однако семейная жизнь Хасибы продолжалась недолго. Уже через два года, в сентябре 1848 г. ее муж Абдулхабир умер от холеры. В этот период в Мензелинском уезде как раз бушевала эпидемия этого заболевания. В 23 года Хасиба осталась вдовой, ее дочери Шаммияхат исполнился на тот момент только один год.

Самостоятельно содержать нажитое с мужем хозяйство она уже не могла. Очевидно, и вариант проживания в семье свекра и свекрови тоже не рассматривался. Поэтому вскоре молодая вдова перебралась в дом отчима, в д. Новая Будага. По ее словам, по приказу свекра брат мужа Абдулнафик помогал ей с переездом. С собой она забрала приданое и *махр*, часть урожая льна (половину телеги), и «порты перетканые бумагой» (т.е. штаны). Как отмечала сама Хасиба, свёкор провожал её до самой околицы. Малолетнюю дочь Шаммияхат женщина оставила у родителей мужа.

Вскоре молодая вдова снова вышла замуж. Уже в июне 1849 г. она состояла в браке с жителем д. Казкино Шагимарданом Фувартовым. Дочь Хасибы Шаммияхат осталась в семье родителей ее первого мужа.

С 1849 по 1852 гг., т.е. в течение четырех лет Хасиба Ардуанова судилась с бывшим свёкром Габдулгафаром Габдулнасыровым из-за имущества. Судебные разбирательства инициировал свёкор, который обвинил бывшую сноху в незаконном присвоении имущества после смерти его сына Абдулхабира. В качестве украденного имущества он перечислял приданое Хасибы и *махр*, подаренный ей на свадьбу. Кроме того, он считал, что сноха забрала не причитавшийся ей урожай (три пуда ржи, телегу льна, семь стогов сена), три фунта овечьей шерсти, две подушки с наволочками и т.д. Надо отметить, что бывший свёкор Хасибы был человеком своеобразным. Он был 1799 г.р., грамоты не знал. При этом имел судимость, в 1845 г. был осужден за «ябедничанье», наказан розгами (НА РБ. И–295. Оп.4. Д.2150. Л.15). Габдулгафар был «опытным» клеветником.

Спорное дело между родственниками вел имам д. Ильчибаевой Махмут Мансуров и ахун д. Поисеевой Муллахмет-Латиф Ягудин. Вопрос рассматривался в Оренбургском магометанском духовном собрании и в управлении Башкиро-мещеряцким войском. Долгие разбирательства и дознания разрешились в пользу Хасибы Ардуановой. Было постановлено «подаренное снохе имущество оставить в собственности той Ардуановой, ибо по правилам магометанского закона отданные из доброй воли подарки назад не возвращаются». В 1852 г. бывшие свёкор и невестка заключили мирное соглашение (НА РБ. И–295. Оп.4. Д.2150. Л.1–66).

Привлечение дополнительных источников (ревизских сказок, метрических книг) может дать еще более развернутую картину частной жизни описанных

выше женщин: сведения об их вторичном замужестве и супругах, родившихся детях, о состоянии здоровья и т.д.

* * *

Изучение частной жизни татарских женщин Мензелинского уезда дореформенной эпохи показывает, что в этот период они занимали двойственное положение как в семье, так и в обществе. С одной стороны, при ревизиях они рассматривались только как члены семьи и находились под опекой родственников-мужчин. В этом смысле они ассоциировались с материальной собственностью. Неслучайно, таким же «материальным» был образ татарской женщины в публицистике того времени.

С другой стороны, с начала XIX в. женщины-татарки уже являлись не только объектом, но и субъектом гражданского и мусульманского права. Женщин фиксировали в метрических книгах, они фигурируют как самостоятельные единицы в различных судебных разбирательствах. В 1840-е гг. Появляется несколько нормативно-правовых актов, касающихся непосредственно положения татарских женщин Мензелинского уезда. Так, до 16 лет был увеличен брачный возраст мусульманок, утратил силу закон 1736 г. на запрет браков между «казанскими татарами» и «башкирцами». К слову, в середине XIX в. в Восточном Закамье были сильны брачные связи с Заказаньем, соответственно было много межсословных браков внутри татарского сообщества (между тептярями, «башкирцами», ясашными и служилыми татарами).

В ОМДС татарские женщины обращались с просьбами о разводе, для получения разрешений на новый брак, вступлений в наследственные права. Анализ конкретных женских биографий первой половины XIX в. раскрывает различные аспекты вопроса о смене семейного статуса татарской женщины. Такие перемены были связаны с рекрутской службой супругов, с их ссылкой в Сибирь, последствиями холерной эпидемии, медицинскими и социально-психологическими причинами («тайные болезни», домашняя агрессия и т.д.). Вместе с тем даже в самых частных вопросах женщины-татарки действовали только при поддержке родственников. Именно семья определяла степень свободы (давала или не давала право выбора). В образованных татарских семьях (например, мулл) уже в этот период появляются женщины умеющие не только читать, но и писать. Это подтверждается их подписями под разными прошениями. Но в целом, вопросы женского просвещения и изменения роли женщины в семье и обществе начинают волновать широкие слои татарского населения только в конце XIX в.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

НА РБ – Национальный архив Республики Башкортостан

ИСТОЧНИКИ

Журналы чрезвычайного Мензелинского уездного земского собрания созыва 27 апреля 1885 года с докладами управы и приложениями. Казань: Типография А.А. Родионова, 1885.

Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях. Сборник / сост. Ф.Х. Гумеров. Уфа: Китап, 1999.

Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. И–295. Оп. 4. Д. 707.

НА РБ. Ф. И–295. Оп. 4. Д. 603.

НА РБ. Ф. И–295. Оп. 4. Д. 604.

НА РБ. Ф. И–295. Оп. 4. Д. 665.

НА РБ. Ф. И–295. Оп. 4. Д. 666.

НА РБ. Ф. И–295. Оп. 4. Д. 711.

НА РБ. Ф. И–295. Оп. 4. Д. 762.

НА РБ. Ф. И–295. Оп. 4. Д. 822.

НА РБ. Ф. И–295. Оп. 4. Д. 886.

НА РБ. Ф. И–295. Оп. 4. Д. 889.

НА РБ. Ф. И–295. Оп. 4. Д. 999.

НА РБ. Ф. И–295. Оп. 4. Д. 2150.

Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского магометанского духовного собрания, 1841–1901 гг. Уфа: Оренбургское магометанское духовное собрание, 1902.

Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания XXXVIII-й очередной сессии с 30 октября по 12 ноября 1912 года и доклады Мензелинской уездной земской управы с приложениями. Мензелинск: Типография Наследников Губанова, 1913.

Фахреддин Р. Знаменитые женщины // Бельские просторы. 2008. №2. URL: http://www.hrono.info/text/2008/fah02_08.html (дата обращения: 20.08.2023)

ЛИТЕРАТУРА

Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX вв. Уфа, 1999.

Асфандияров А.З. Брак и развод у башкир в XVIII – первой половине XIX в. // Демографические процессы на Урале в эпоху феодализма. Свердловск: УрО АН СССР, 1990. С.136–147.

Багаутдинова Х.З. Историко-этнографический очерк «Описание села Мастеева Мензелинского уезда Уфимской губернии» (1870–1880-е гг.) // Исчезнувшие и исторические села: изучение, сохранение и возрождение. Казань-Азнакаево, 2017. С.174–179.

Казанцев И.М. Описание башкирцев. СПб.: «Общественная польза», 1866.

Круз Р. За пророка и царя. Ислам и империя в России и Центральной Азии. М.: НЛЮ, 2020.

Татарские селения Восточного Закамья / отв. ред. *А.И. Ногманов*. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2021.

Сведения об авторе: Габдрафикова Лилия Рамилевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420011, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); ведущий научный сотрудник Лаборатории многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии, Федеральный исследовательский центр «Казанский научный центр РАН» (420111, ул. Лобачевского, 2/31, Казань, Российская Федерация); bahetem@mail.ru

Поступила 24.08.2023

Принята к публикации 29.09.2023

PRIVATE LIFE OF A TATAR WOMAN OF THE PRE-REFORM ERA (ON THE EXAMPLE OF THE MENZELINSK UYEZD)

L.R. Gabdrāfikova

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Federal Research Center “Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”

Kazan, Russian Federation

bahetem@mail.ru

The article restores the social and economic status of Tatar women based on documents of Orenburg Mokhammedan Religious Assembly (OMRS), state audit documents, acts of civil status, and journalistic materials of the 19th-early 20th centuries. The Menzelinsk Uyezd had class specifics and was a part of the military (canton) administration. The chronology of the article starts from the late 18th century and continues until the mid-1860s, due to the fact that at the time the state authorities approved certain laws on marriage and family life of Muslims of the Russian Empire: they changed the age of marriage and legalised inter-class marriages, the OMRS began to regulate marital disputes and inheritance cases.

The author places the main focus on the marriage and family aspect of private life and includes many archival examples related to the Tatar women of the Menzelinsk Uyezd. Tatar women turned to OMRS when they needed a divorce or permission to remarry, etc. Women were independent subjects of Muslim and civil law, but they always acted with the support of their relatives.

Images of Tatar women in the first half of the 19th century presented in publicistic works are a bit static. Russian authors described only the look of a Tatar woman, the cost of her clothes, accessories, etc. The Tatar view was focused on the composition of the woman's family (to whom she was married, how many children she had).

The article presents the biographies of three Tatar women from the Menzelinsy Uyezd: Kurypla Imanaeva, Gulbadar Akhtyamova, and Khasiba Arduanova. Each case illustrates the main trends in everyday life in the first half of the 19th century (military service problems, the cholera epidemic, etc.). The everyday objects played an important role in interpersonal relations and conflicts. At the same time, in the second half of the 19th century, the Tatar society had an ideal of not only a hard-working and religious woman, but also an educated woman.

Keywords: Tatars, Muslims, history of everyday life, gender history, estates of the Volga-Ural Region.

For citation: Gabdrafikova L.R. (2023) Private life of a Tatar woman of the pre-reform era (on the example of the Menzelinsk Uyezd). *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 8. No. 3: 407–421. DOI: 10.22378/he.2023-8-3.407-421 (In Russ.)

REFERENCES

Azamatov D.D. (1999). *Orenburg Mokhammedan Spiritual Assembly in the late 18th – 19th centuries*. Ufa: Gilem Publ. (In Russ.)

Asfandidzharov A.Z. (1990). Marriage and divorce among the Bashkirs in the 18th – first half of the 19th centuries. In: *Demographic processes in the Urals in the era of feudalism*. Sverdlovsk: Ural Branch of the Academy of Sciences of the USSR: 136–147. (In Russ.)

Bagautdinova Kh.Z. (2017). Historical and ethnographic essay “Description of the village of Masteeva, Menzelinsk District, Ufa Province” (1870–1880s). In: *Disappeared and historical villages: Study, preservation and revival*. Kazan-Aznakaevo: 174–179. (In Russ.)

Kazantsev I.M. (1866). *Description of the Bashkirs*. St. Petersburg: Obshchestvennaya Pol'za Publ. (In Russ.)

Krews Robert D. (2020). *For Prophet and Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia*. Moscow: NLO Publ. (In Russ.)

Tatar villages of the Eastern Trans-Kama Region (2021). A.I. Nogmanov (ed.). Kazan: Sh. Marjani Institute of History. (In Russ.)

About the author: Liliya R. Gabdrafikova, Dr. Sc. (History), Chief Researcher of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); Leading Researcher of the Laboratory of Multifactorial Humanitarian Analysis and Cognitive Philology, Federal Research Center “Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences” (2/31, Lobachevsky St., Kazan 420111, Russian Federation); bahetem@mail.ru

Received August 24, 2023

Accepted for publication September 29, 2023

**«НӘСЫЙХӘТНАМӘ ЛИ-ӘҤЛЕ ЗАМАНА»
(МАҤРУЙ МОЗАФФАРИЯНЕҢ ЯЗМА МИРАСЫ)**

А.Ә. Зиннәтуллина

Татарстан Республикасы Фәннәр академиясенең

Ш. Мәрҗани исемендәге Тарих институты

Казан, Россия Федерациясе

jamash.00@mail.ru

Мәкалә күренекле мәҗрифәтче, мөгаллимә, шагыйрә Маһруй Гадбелвәли кызы Мозаффариянең (1873–1945) 150 еллык юбилее уңаеннан тәкъдим ителә. Мөгаллимәнең кыскача тормыш юлы һәм педагогик эшчәнлеге яктыртыла, язма мирасына күзәтү ясала. М.Мозаффариянең 1901 елда Казан университеты басмаханәсендә нәшер ителгән, әлегә кадәр фәнни әйләнешкә кермәгән «Нәсыйхәтнамә ли-әҤле замана» («Замана кешеләренә нәсыйхәт») китабына анализ ясала. Анда бүгенге көндә дә актуаль булган кыз бала тәрбиясе, гаилә мөнәсәбәтләре мәсьәләләре күтәрелгән. Хезмәтнең кулъязмасы 1900 елның 21 апрелендә язылып бетеп, шул елның 27 ноябрендә цензура тарафыннан китапны бастыруга рөхсәт бирелгән. «Нәсыйхәтнамә...» кечерәк кенә форматтагы 14 битле китапчык, өч өлештән гыйбарәт. Беренче өлештә хатын-кызларга белем алу кирәклеген яктыртыла, балалар һәм хатын-кыз тәрбиясе буенча нәсыйхәтләр бирелгән. Икенче өлештә кайната һәм кайнана, ә өченче өлештә ир белән хатын мөнәсәбәтләренә бәйле киңәшләр яктырылган. Автор китапны дини тәрбия нигезләренә таянып, үз тормышыннан алынган мисаллар белән тулыландырып язган. «Нәсыйхәтнамә ли-әҤле замана» М.Мозаффариянең тормыш юлына караган кайбер сәхифәләренә төгәлләштерергә яки ачыкларга, авторның узган вакыйгаларга карата шәхси карашын ачыкларга һәм шул заман мохитен күзалларга ярдәм итә.

Ачкыч сүзләр: нәсыйхәт, нәсыйхәтнамә, хатын-кыз мәгарифе, кыз балаларга белем һәм тәрбия бирү, килен, кайнана

XX гасыр башында татар жәмгыятендә киң яңгыраш тапкан «Мәшһүр хатынналар» шигырен ишетмәгән, аның йогынтысына бирелеп, үзгәндә белемгә, иректә омтылыш сизмәгән татар хатын-кызы аз булгандыр, мөгаен. Әлегә шигырьнең авторы – мөгаллимә, шагыйрә, күренекле мәҗрифәтче Маһруй Габделвәли кызы Мозаффария.

Маһруй Мозаффария 1873 елны Казан губернасы Тәтеш өязе (хәзерге Татарстан Республикасының Тәтеш районы) Олы Торма авылында мулла гаиләсендә дөнъяга килә. Этисе, Габделвәли Габделсаттар улы, үз авылларында 50 елдан артык имам-хатыйб һәм мөдәррис булып торган кеше. Әнисе дә татар мәгарифе өлкәсендә билгеле урын тоткан шәхесләр нәселеннән – Зөя өязе Кече Кайбыч авылы мулласы Төхфәтулла хәзрәт кызы, Жаек шәһәрәндәге атаклы

«Мотыйгия» мәдрәсәсе мөдәррисе, Г.Тукайның остазы Мотыйгулла хәзрәтнең сөзләсе.

Маһруй ханым күп кенә мулла кызлары кебек, башлангыч белемне әтисеннән алып, алга таба үзлегеннән белемен арттыра. Гарәп, фарсы, төрек телләрен өйрәнә, китаплар укырга ярата, бигрәк тә матур әдәбиятка өстенлек бирә. Бик яшьли гыйлемгә омтылган Маһруй 15–16 яшендә үк кыз балаларга үз өендә сабак бирә башлый. Ләкин бу яраткан эше белән авылларында озак шөгыйльләнергә туры килми, 18 яше тулыр-тулмас аны Казанның Печән базары мәчете имам-хатыйбы Хужаәхмәд муллага¹ икенче хатынлыкка кияүгә бирәләр. Казанга килгәч тә ул үз өендә кызлар өчен жәдит мәктәбе ача, дәрәсләр бирә, ә соңрак Хәдичә Әхмәрова² тырышлыгы белән рәсми рәвештә ачылган рус-татар кызлар мәктәбендә дин дәрәсләре дә алып бара башлый. Бу мәктәптә ул ачылган көннән алып 1918 елга кадәр эшли. М.Мозаффария революция елларыннан соң да мәгариф өлкәсендә эшчәнлеген туктатмый. Өвәл туган ягы Тәтеш өязе авылларында агитатор булып йөри, Тәтеш өязендә укытучылар хәзерләү өчен ике айлык курслар ачылгач, аның житәкчесе итеп билгеләнә, соңрак Казанга кайта, 5 нче шәһәр мәктәбендә укытучы булып эшли, мәктәпкәчә балалар оешмалары инспекторы вазыйфаларын башкара.

Бөтен гомерен белем һәм тәрбия бирүгә багышлаган ханымның үз балалары да тиешле тәрбия һәм белем алып, күренекле шәхесләр булып житешәләр: кызы Мәхмүдә Хужаәхмәд кызы Мозаффария (1893–1969) – мөгаллимә һәм шагыйрә, улы Мансур Әхмәт улы Мозаффаров (1902–1966) – татар профессиональ музыкасына нигез салучы, махсус югары белемле беренче татар композиторы.

М.Мозаффариянең тормыш юлы һәм эшчәнлеге татарларда хатын-кыз мәсьәләсен тирәнтен өйрәнгән галимә Альта Хажи кызы Мәхмүтова хезмәтләрендә шактый киң яктыртылган. Хатын-кызларга белем һәм тәрбия бирүнең әһәмиятен ассызыклаган, гаиләдә һәм мәктәптә гигиена кагыйдәләрен куллану һәм бала тәрбиясе мәсьәләләрен күтәргән, Ш.Мәржани, Г.Тукай кебек күренекле шәхесләргә багышлап язылган күп кенә мәкаләләре шактый жентекле өйрәнеләп, аларга тиешле бәя бирелгән (Гайнуллин, 1988: 65–66; Мәхмүтова, 2012: 343–361; Милләт аналары, 2012: 163–193).

Маһруй ханымны Беренче Россия революциясе елларында һәм аннан соңгы чорда әдәбият майданына чыккан татар хатын-кызлары рәтенә кертәләр.

¹ Мозаффаров Хужаәхмәд Мозаффар улы (1840–1907) – дин эшлеклесе, Ш.Мәржани шәкерте. 1871 елда Казанның Печән базары мәчете имам-хатыйбы итеп билгеләнә. 1893 елда яше житмәгән кыз балага никах укыган өчен вазыйфасыннан азат ителә.

² Хәдичә Шаһиәхмәд кызы Әхмәрова (1861–1945) – Казанда беренче булып хөкүмәт хисабына татар кызлары өчен рус-татар мәктәбен ачучы. КТУШ инспекторы Шаһбазгәрәй Әхмәровның тормыш иптәше.

Беренче татар газета-журналлары барлыкка килгәч тә, матбугат битләрендә хатын-кыз авторларның төрле эчтәлектәге хезмәтләре күпләп дөнья күрә башлый. Бу чорда М.Мозаффариянең дә «Казан мөхбире», «Баянелхак», «Сибиря», «Мәктәп» кебек газета-журналларда шигырь һәм хикәяләре басылып тора. Мисал өчен, «Сөембикә» журналында гына шул заманның төрле актуаль темаларын яктырткан унга якин мәкаләсе урын ала. Ләкин мөгаллимә ханым язучылык эшенә инде ике гасыр чигендә үк керешеп киткән дисәк, һич тә ялгыш булмас.

Маһруй ханымны искә алган хезмәтләрдә мөгаллимә авторлыгында язылган берничә китап исеме аталып үтелә. Ләкин, ни сәбәпледер, әлегә кадәр бу хезмәтләр фәнни әйләнешкә кермәгән. Алай гына да түгел, алар турында «шундый исемле китап дөнья күргән», – дигән бер-ике сүздән гайре башка мәгълүмат бөтенләй юк (Гайнуллин, 1988: 66; Милләт аналары, 2012: 169; Абдулхакова, 1998: 105). Мәсәлән, М.Гайнуллин тарафыннан XIX гасыр ахырында һәм XX гасыр башында әдәбият майданына чыккан татар хатын-кыз язучыларына багышлап төзелгән «Өмет йолдызлары» жыентыгында: «Маһруй Мозаффариянең хатын-кызлар тәрбиясенә багышланган «Яднамә» исемле китабы 1901 елда Казанда басыла», – диелә (Өмет йолдызлары 1988: 66). Мөгаен, әлегә жыентыкка нигезләнеп, «Татар энциклопедиясе» дә шундый ук мәгълүмат бирә (Татар энциклопедиясе, 2008: 250). А.Мәхмүтова хезмәтләрендә исә: «аның хатын-кызлар тәрбиясенә багышланган беренче китабы «Нәсыйхәтнамә» 1901 елда дөнья күргән», – дип языла (Мәхмүтова, 2012: 346–347).

Билгеле булганча, ике гасыр кисешендә татар жәмгыятендә күзәтелгән яңарыш хәрәкәте хатын-кызлар арасына да үтеп керә. Мәгърифәтче ханым һәм туташлар үзләренең тәрбиягә, үгет-нәсыйхәткә басым ясаган әдәби эсәрләрен, фәнни хезмәтләрен аерым китап итеп бастырып чыгарырга омтыла башлыйлар. Әмма татар жәмгыяте хатын-кызларның әдәбиятка килүләренә, күпләп хезмәтләр бастыруларына әлегә бик үк эзер булмый. Шул сәбәпле алар язган китапларның күбесе тиз генә басылмый, кайберләре бөтенләй дә дөнья күрми кала. Мәсәлән, күренекле мәгърифәтче һәм педагог Фәхрелбәнәт Сөләймания 1906 елда «Вақыт» газетасында басылып чыккан бер мәкаләсендә бу турыда ачынып түбәндәгеләрне яза: «бу гажизә туксан өч ел елда һәм жинесләремнең бала тәрбия кылуда соң дәрәжә жәһалә (*белемсез*) вә косурларыны (*жәшитешсезлекләрен*) күрәп, гаять ачынганлыгымдан вә алар аңларлык телдә бу хосуска гайд (*моңа караган*) китапларымыз булмагандан, гәрчә үземдә һәм мәгълүмат һич дәрәжәсендә булса да, минем кадәр дә мәгълүматы булмаган һәм жинесләремә (*жәненәстәшләремә*) бер файда булмасмы өметте илә хифзысыйхәт (*гигиена*) вә бала тәрбиясе хосусында бер рисалә (*брошюра*) тәртип кылмыш идем.

Табгы (*бастырырга*) вә нәшер кылдырырга икътидарым (көчем) улмадыгыннан, табгы вә нәшер өчен күп адәмнәргә мөрәжәгать кылып карасам да, һич колак салучы улмады.

Цензорга биреп, табгы кылдырырга мөсагадә (*рөхсәт*) алдым. Шуннан соң бер адәм кулында ята-ята нөсхәсе (*данәсе*) жуелды. Янә туксан дүртенче ел гавам (*халык*) арасында ачы бал эчү хәләл дигән хәбәрләр шаигъ улып (*таралып*), (...) исерткечнең һәркауясы харамлыгы хосусында ачык ана телемездә бер рисалә тәртип кылмыш идем.

Анысы һәм табгы кылдыручы булмаганнан, ятып калган иде. Дүртенче елда тәкрат (*кабат*) Кәримовларга мөрәжәгать итәрәк, шул ике рисаләне тиздән табгы вә нәшер кылырмыз дия вәгъдә бирмешләр иде. Һәйһат, ник табгы кылсыннар!» (Сөләймания, 1906). Әлеге мисал М.Мозаффариянең бер ел эчендә ике китап бастырып чыгара алу мөмкинлеген шик астына куя. Һәрхәлдә, белгечләр атап үткән «Нәсыйхәтнамә» китабы Казан (Идел бие) федераль университетының Н.И.Лобачевский исемендәге Фәнни китапханәсендә саклана, ә «Яднамә» исемле китап белән әлегә танышу мөмкинлеге булмады.

Бу мәкалә кысаларында М.Мозаффариянең югарыда атап үтелгән «Нәсыйхәтнамә ли-әһле замана» (Мозаффария, 1901), ягъни «Замана кешеләренә нәсыйхәт» исемле китабына аерым тукталып үтәсе килә.

Нәсыйхәтнамә – ул дидактик эчтәлекле, киңәшләр ярдәмендә яхшы эшкә өндәүне, үгет-нәсыйхәт бирүне максат иткән эсәр. Гомумән, XIX гасырның икенче яртысыннан башлап үгет-нәсыйхәт формасында язылган, кешене тормыш итәргә өйрәткән, әдәп-әхлак ягыннан тәрбияләүгә зур игътибар биргән эсәрләр ишәя башлый (К.Насыйринның «Әхлак рисаләсе», «Тәрбия китабы», Р.Фәхретдиннең «Тәрбияле бала», «Тәрбияле ана», «Нәсыйхәт», Х.Габәшиннең «Тәрбияле бала» һ.б.). Шул ук вакытта, әдәбият майданына чыккан татар ханымнарының да укуга, һөнәр өйрәнүгә өндәгән, ата-анага итагатьле булу, гаилә мөнәсәбәтләрен дәрәс төзү мәсьәләләрен яктырткан эсәрләре басыла. Мәсәлән, Г.Биктимериянең «Мәгашәрәт адабе» («Аралашу кагыйдәләре»), «Хәснел-васыять» («Күркәм васыять»), Ф.Сөләйманиянең «Гаилә тәрбиясе», «Мөгаллимәтел-бәнәт»³ һ.б. китаплар. Әлеге хезмәтләренең күпчелеге тормыш мисаллары белән баетылып, гарәп телендәге гыйбарәләр белән тулыландырылып, шәригать кануннарына нигезләнеп ижат ителгәннәр. Хезмәтләрдән күренгәнчә, бу заманда ислам дине һәм милли үзенчәлекләр тәрбия бирүдә зур урын алып торганнар, ә татар зыялылары исә, әлеге үзенчәлекләренә чор таләпләренә туры китереп буйсындыра белгәннәр. Бүген, дингә яңача караш

³ Әлеге мөгаллимәләр һәм аларның хезмәтләре турында тулырак «Татар тәрбиясе: Г.Биктимерия һәм Ф.Сөләймания хезмәтләрендә гаилә тәрбиясе мәсьәләләре» китабында карарга мөмкин (Татар тәрбиясе, 2021).

формалашкан чорда, мондый төр китапларнең әһәмиятләре бәхәссез. М.Мозаффариянең югарыда искә алынган хезмәте дә, исеменнән үк күренгәнчә, үгет-нәсыйхәткә, тормыш итәр өчен дәрәс юнәлеш күрсәтүгә юнәлдерелгән, анда да бүгенге көндә актуаль булган кыз бала тәрбиясе, әдәп-әхлак, гаилә мөнәсәбәтләре мәсьәләләре күтәрелгән.

Китапның тагын бер әһәмиятле ягы бар – ул авторның нинди шәхес булуын тагын да яқыннанрак ачыкларга, мөгаллимәнең тормыш сәхифәләрен төгәлләштерергә, авторның узган вакыйгаларга шәхси карашын белергә ярдәм итә. Чөнки хезмәт, эчтәлегеннән күренгәнчә, авторның үз тәҗрибәсенә таянып, башыннан узган кайбер вакыйгаларга нәтижә буларак язылган.

«Нәсыйхәтнамә...» китабының кулъязмасы 1900 елның 21 апрелендә язылып бетә. Шул елның 27 ноябрендә цензура тарафыннан китапны бастырып чыгаруга рөхсәт бирелә һәм ул 1901 елда Казан университеты басмаханәсендә нәшер ителә. «Нәсыйхәтнамә...» кечерәк кенә форматтагы 14 битле китапчык. Эчтәлегенә килгәндә, ул өч өлештән тора. Беренче өлештә хатын-кызларга беләм алу кирәклегенә яктыртылган, балалар һәм хатын-кыз тәрбиясе буенча нәсыйхәтләр бирелгән. Икенче өлештә кайната һәм кайналарга, ә өченче өлештә ирләргә киңәшләр, файдалы фикерләр урын алган.

Китап: «Әй, туганнарым, абыстайлар вә бикәләр. Сөзләргә гыйлемем йитешкән кадәр үз теләмезчә нәсыйхәтнамә бер сүз әйтәм», – дип башланып китә (Мозаффария, 1901: 2). Авторның укучыларына житкерергә теләгән төп сүз – ул хатын-кызларны укуга, беләм алуга өндәү. Мөгаллимә бу чор ханымнарының гыйлемгә кызыксынулары аз булуга борчылып: «Без, хатыннар, ни өчен бу кадәр гафилмез (*игътибарсыз*), укуга бер дә иҗтиһад итмибез (*тырышмыйбыз*)», – ди, һәм хатыннарга дөнъя малына гына кызыгып яшәргә түгел, ә ирләр белән беррәттән гыйлемгә омтылырга, тормыш итәр өчен кирәк булган шөгыйльләренә өйрәнүгә күбрәк өстенлек бирергә кирәклеген аңлатырга тырыша. Мәҗлесләрдә «күлмәк-калфак нә форма вә нә төсле икәнән» генә тикшереп утырмыйча, абыстай һәм остазбикәләренә вәгазьләренә дә игътибар итәргә өнди. Беләм алуның барлык кешеләргә дә: байларга да, фәкыйрьгә дә, яшь кешегә дә, карт кешегә дә кирәк икәнлегенә басым ясый. Шулай да дәрәс тәрбия һәм төпле беләм кешегә сабый вакытта ук бирелергә тиеш ди. Ул балаларны яшь агач белән чагыштыра: «Яшь агач никадәр кәкре булса да, төзәтүе асандыр (*ансаттыр*). Шунның кеби адәм дэхый сабый вакытта тәрбияне кабул итмәге асан буладыр», – ди. Шуңа күрә, ата-аналарга балаларын курыкмыйча остазларга укытырга бирергә тәкъдим итә (Мозаффария, 1901: 3–4).

Укыту ысулына килгәндә, М.Мозаффария кадим ысулын куллануны да, жәдит ысулын куллануны да кулай күрә, әмма үзенә жәдит ысулына өстенлек бирүен искәртә. Жәдит ысулы уку-язу танырга жиңеллек бирә, ди. Бу ысул

белән бер елда яхшы гына укый-яза белгән һәм Коръән шәрифне дәрәс итеп укырга өйрәнгән шәкертләре барлыгын да әйтеп уза (Мозаффария, 1901: 5–6). Белгәнбезчә, Казан шәһәрндә кызларны жәдит ысулы белән укырга-язарга өйрәтүне 1891 елда Маһруй Барудия⁴ башлаган булса, икенче адымны Маһруй Мозаффария ясый. Бу мөгаллимә ханымның ачык фикерле, мәгариф өлкәсендә барган үзгәрешләр белән хәбәрдар, методик яктан әзерлекле булуын күрсәтеп тора.

Китапның бу өлешендә автор яшь кызларга кияүгә баргач үзләрен дәрәс тоту буенча да нәсыйхәтләр биреп үтә. «Кызлар, вакыт йитеп кияүгә барсагыз, ят шәһәргә яки ят йортка, кайната-кайнана, кайнешләрем бар дип, фарыз намазыгызны тәрк кылмагыз (*ташламагыз*). Әүвәл Аллаһ Тәгаләнең әмерен барча кылыңыз», – дип дини гамәлләр тиешенчә үтәләргә тиешлеген искәртә. Кайнана белән кайнатаны эти-әни белән бер дәрәжәдә күрергә, иргә тиешле хөрмәт күрсәтергә кирәклегенә дә басым ясый (Мозаффария, 1901: 7). Димәк, М.Мозаффария дин нигезләренә тугры калган белемле һәм әхлаклы шәхес тәрбияләү мәсьәләсен алга куя.

Икенче өлеш «Кайнана һәм кайнатага тиешле сүзләр» дип атала. Бу өлештә Маһруй ханым кайнана белән килен мөнәсәбәтләрен яктырта. Беренче чиратта ул кайнана белән кайнатаны килен булып килгән кешегә карата мәрхәмәтле һәм шәфкатьле булырга чакыра. Билгеле, яңа гына гаиләсеннән аерылып киткән кыз балага яңа гаиләгә кереп китәргә, яңа мохиткә ияләшергә бик авыр. Ә ул заманда кыз балалар үз гаиләсеннән читкә чыгып йөрмәгәннәр, күп очракта, гомумән, гаилә әгъзаларыннан башка чит кешеләр белән аралашмаганнар да. «Мин үзем ата-ана сөхбәтеннән (*аралашудан*) башка сөхбәт күрмәдем. Хәтта анамыздан башка кемсәне белмәдем. Фәкәт үз йортымыздагы мөгамәләне генә белдем. (...) Яңа вә яшь вакыт бу йортның (*килен булып килгән йортның*) мөгамәләсен ничек итәргә белмәймен, бәгъзе нәрсәнең исемен һәм белмәймен, чөнки дөнъя күрмәгәнмен», – ди автор. Бу, әлбәттә, татар кызларының күпчелеге өчен гадәти күренеш булган. Шуңа күрә, автор, олы кешеләр яшьләренә кайбер кимчеләкләрен гафу итеп, юл куярга өйрәнергә тиешләр, дип саный. Алар үзләре дә кайчандыр килен булган кешеләр һәм үз башларыннан үткәннәренә онытмасыннар иде, дигән теләктә кала (Мозаффария, 1901: 8).

Яшь киленнәренә исә сабыр булырга чакыра. Сабыр булганда гына гаилә эчендә туган каршылыклардан өстен буласың һәм аларны жиңеп чыга аласың, ди. Һәм үзенә ничек итеп яңа гаиләгә килеп, бик күп авырлыklar аркылы үтүен һәм аларны жиңеп чыгуын дәлил итеп китерә. Автор сүзләренә караганда, М.Мозаффариянең кайнаңасы бик дини кеше булган. Ул аны: «...

⁴ Барудия (Үтәмешева) Бибимаһруй Исхак кызы (1862–1904) – мөгаллимә, Г.Барудияның тормыш иптәше.

кайнанам, мәрхүмә, гаять тәкьва (*диндар*) кеше иде. Һәрдаим кулында Кәламе шәриф иде. Хозурына чакырып вәгазь вә нәсыйхәт әйтер иде», – дип искә ала. Әлбәттә, кайнанасы аны гел күзәтеп, тикшереп, өйрәтеп торгандыр. Көндәше исә, урын өстендә ята торган авыру. Яшь киленгә аны тиешенчә тәрбияләп, карап торырга кирәк. Алардан кала, хәзрәтнең беренче никахтан туган ике баласы була. Унсигез яшьлек кыз балага мондый мохиткә килеп керүе жиңел булмавы күренеп тора. Әмма ул: «мин сабыр зафәр (*жиңеп чыга, өстен була*) дип сабыр иттем», – ди, һәм үзенә гаилә әгъзаларын бары тик яхшы сүз белән генә искә ала (Мозаффария, 1901: 8). Бу инде, Маһруй ханымның югары әхлаклы, итагатыле шәхес булуын дәллили һәм күп кенә кыз балаларга үрнәк булуын күрсәтә.

Өченче өлеш «Ирләр хосусында булган сүзләр» дип атала. Бу өлештә автор ир белән хатынның бер-берсе алдында торган бурыч һәм вазыйфаларын атый. Автор фикеренчә, гаилә тормышы ныклы булсын өчен, ирләр хатыннарын чит ирләргә күрсәтмәскә, хатыннарына карата золым (*кимсетү*) кылмаска, пәрдәдән чыгармаска тиешләр. Шул ук вакытта хатыннар да ирләренә теләкләрен тиешенчә үтәргә бурычлылар дип саный. Гаиләнең тату һәм аңлашып яшәве күп очракта хатын-кыз кулында булганлыгын да искәртеп уза. Без үзебезнең белемсезлегез сәбәпле, ирләребез бер сүз әйтсәләр, биш сүз белән җавап биреп, гаиләдәге тынычлыкны бозабыз, ди (Мозаффария, 1901: 10).

Кайбер галимнәр әлеге китапны балалар әдәбияты өлкәсенә кертеп карыйлар (Абдулхакова, 1998). Ләкин, безнең карашка, «Нәсыйхәтнамә...»не кече яисә урта яшьтәге балаларга тәкъдим итү бик үк дәрәс булмас иде, чөнки анда ир-ат һәм хатын-кыз мөнәсәбәтләрен шактый жентекле сурәтләгән өлешләр дә бар (Мозаффария, 1901: 9).

Китапның ахырында «Әфгалемез хакында берничә әбьят» («Шөгьлебез хакында берничә бәет») дип исемләнгән шигъри юллар урын алган. Бу Маһруй ханым тарафыннан язылган тәүге шигърь булырга мөмкин.

«Нәсыйхәтнамә...» китабы яңарыш, мәгърифәтчелек дулкынының татар зыялылары арасына нинди зур тизлек белән үтеп кергән күрсәтүче бер дәлил. Китап дин кануннары аеруча көчле булган заманда, эчтәлегеннән күренгәнчә, гасырлардан килгән милли әдәп-әхлак нигезләренә таянып, дини карашлы шәхес тарафыннан язылган. Авторның ирләр турында: «...хатынын пәрдәдән чыгармасын» (Мозаффария, 1901: 10) дигән жөмләсе генә дә моны ачык чагылдыра. Ә инде аз гына вакыт узгач, авторның карашларының дөньяви булуын чагылдырган, бөтен татар дөньясына зур тәәсир ясаган «Мәшһүр

хатынналар» шигыре языла⁵, М.Мозаффария үзе дә: «Мин беренчеләрдән булып чапанны ташладым», – дип искә ала (Милләт аналары, 2012: 166).

Нәтижә ясап әйткәндә, «Нәсыйхәтнамә...» китабы тәрбияви максатны күз алдында тотып язылган, анда, нигездә, уку-укыту, мәгърифәт һәм әхлак мәсьәләләре күтәрелә. Автор укучыларны тормыш өчен кирәк булган белемнәр тупларга, һөнәр өйрәнергә чакыра. Өлкәннәргә карата итагатыле булырга өнди, гаиләдә, тормышта үз-үзеңне ничек тотарга кирәклегә турында сөйли. Маһруй ханым шул ук вакытта, тәрбия бирүдә төп рольне уйнаучы затларның, ягъни әти-әнинең, һәм, гомумән, өлкәннәрнең тәрбияле, әдәп-әхлаклы булырга тиешлекләрен күз алдында тотып, олыларга да мөрәжәгать итә, аларның нинди сыйфатларга ия булырга, яшьләр каршында абруйларын ничек сакларга кирәклегә турындагы фикерләрен әйтә, киңәшләрен бирә. М.Мозаффария китабында күтәрелгән мәсьәләләрнең күбесе бүгенге көндә дә актуальлекләрен югалтмыйлар. Мәсәлән, шул ук сабырлык, юл куя белү һәм, бигрәк тә, олыларга карата хөрмәт мәсьәләсе. Китапта бүгенге көндә бик үк актуаль яңгыраш алмаган кайбер фикерләр дә урын алган. Тарихи яктан якин килгәндә, аларның да, һичшиксез, әһәмияте бар, чөнки шул заманның тормыш-көнкүрешен күзаллау өчен мөһим чыганак булып торалар.

ЧЫГАНАКЛАР

XX гасыр башы татар вакытлы матбугатында хатын-кыз мәсьәләсе / төз.-авт. *Мортазина Л.Р., Зиннәтуллина А.Ә.* Казан: ТР ФА Ш.Мәржани исем. Тарих ин-ты, 2020.

Мозаффария М. Нәсыйхәтнамә ли-әһле замана. Казан, 1901. 14 б.

Сөләймания Ф. Мөселман хатыннарыннан Вәкил әфәндегә бер-ике сүз // Вакыт. 1906. 11 май.

Татар тәрбиясе: Г.Биктимерия һәм Ф.Сөләймания хезмәтләрендә гаилә тәрбиясе мәсьәләләре / төз.-авт. *Мортазина Л.Р., Зиннәтуллина А.Ә.* Казан: ТР ФА Ш.Мәржани исем. Тарих ин-ты, 2021.

ӘДӘБИЯТ

Абдулхакова А.Р. Татарская детская книга начала XX века: 1901–1917 гг. Дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1998.

Гайнуллин М. Өмет йолдызлары. Казан: Татар. кит. нәшр., 1988.

Мәхмүтова А.Х. Вакыт инде: без дә торыйк... (Жәдитчелек һәм хатын-кызлар хәрәкәте формалашу): очерклар. Казан: Татар. кит. нәшр., 2012.

Милләт аналары: тарихи-документаль һәм биографик жыентык / төз.-авт. *А.Х. Мәхмүтова.* Казан: Жыен, 2012.

Татарская энциклопедия. В 6-ти томах. Т. 4. М–П. Казань: ИТЭ, 2008.

⁵ Шигырь беренче тапкыр 1907 елның көзгә «Әл-ислах» газетасында басылып чыкса да, А.Х.Мәхмүтова сүзләренә караганда, ул 1904–1905 еллар аралыгында ук язылган булырга тиеш.

Автор турында белешмә: Зиннәтуллина Алсу Әнвәр кызы, Милли мәгариф тарихы һәм теориясе үзәге фәнни хезмәткәре, Татарстан Фәннәр академиясенең Ш.Мәржани исемендәге Тарих институты (420111, Батулин ур., 7А., Казан, Россия Федерациясе); jamash.00@mail.ru

Редакцияга керде 24.07.2023

Кабул ителде 11.09.2023

**«НАСИХАТНАМЭ ЛИ-ЭХЛИ ЗАМАНА»
(ПИСЬМЕННОЕ НАСЛЕДИЕ МАХРУЙ МУЗАФФАРИИ)**

А.А. Зиннатуллина

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
jamash.00@mail.ru*

Статья приурочена к 150-летию юбилею со дня рождения выдающейся просветительницы, педагога, поэтессы Махруй Гадбелвалиевны Музаффарии (1873–1945). В статье освещается жизнь и деятельность педагога, дается краткий обзор ее письменного наследия. Научная новизна работы заключается в том, что в работе подробно анализируется книга М.Музаффарии «Насихатнамэ ли-эхли замана», т.е. «Наставления современникам», которая до сих пор не являлась объектом специального изучения. Рукопись книги была подготовлена в 21 апреля 1900 г., 27 ноября того же года она прошла цензуру, а в 1901 г. была издана в типографии Казанского императорского университета. Книга небольшого формата, состоит из 14 страниц. Она написана в виде наставлений и рекомендаций. Труд включает три небольшие главы, в которых главным образом рассматриваются проблемы, связанные с женщиной. В первой главе автор акцентирует внимание на вопросах образования и воспитания. Вторая глава содержит рекомендации свекровям и невесткам. В третьей главе рассмотрены обязанности мужа и жены. Книга примечательна тем, что она способствует выявлению, уточнению жизненного пути М.Музаффарии, позволяет узнать личный взгляд автора на события и представить атмосферу того времени, поскольку содержание книги дополнено примерами из жизни просветительницы.

Ключевые слова: наставление, женское образование, обучение и воспитание девочек, невеста, свекровь.

Для цитирования: Зиннатуллина А.Ә. «Нәсыйхәтнамэ ли-әһле замана» (Маһруй Музаффариянең язма мирасы) // Историческая этнология. 2023. Т. 8. № 3. С. 422–431. DOI: 10.22378/he.2023-8-3.422-431

Сведения об авторе: Зиннатуллина Алсу Анваровна, научный сотрудник Центра истории и теории национального образования, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); jamash.00@mail.ru

Поступила 24.07.2023

Принята к публикации 11.09.2023

**“NASIHATNAME LI-EHLE ZAMANA”
(THE WRITTEN LEGACY OF MAKHRUI MUZAFFARIYA)**

A.A. Zinnatullina

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Kazan, Russian Federation

jamash.00@mail.ru

The article is provided to commemorate the 150th anniversary of the outstanding educator, teacher, and poetess Makhruï Gadbelvalievna Muzaffariya (1873–1945). The paper highlights the life and work of the teacher and gives a brief overview of her written heritage. The academic novelty of the study lies in the fact that the article analyzes in the most detail the book by M. Muzaffariya "Nasihatname li-ehli zamana", i.e. "Instructions to Contemporaries", which has not been an object of research until now. The manuscript of the book was prepared on April 21, 1900; it was censored on November 27 of the same year and was published in the printing house of Kazan Imperial University in 1901. The book is not large, it consists of 14 pages. The work was written in the form of instructions and recommendations. It includes three small chapters, which discuss mainly the issues concerning a woman's life. In the first chapter, the author focuses on the problems of education and upbringing; the second chapter contains recommendations to mothers-in-law and daughters-in-law; and in the third chapter, the duties of husbands and wives are addressed. The book is also notable for the fact that it helps to identify or clarify the pages of M. Muzaffariya's life, to find out the author's personal view of past events and to present the atmosphere of that time, since the content of the book is supplemented with examples from the educator's life.

Keywords: guidance, women's education, education and upbringing of girls, bride, mother-in-law.

For citation: Zinnätullina A.Ä. (2023) "Nasihatname li-ehle zamana" (the written legacy of Makhruï Muzaffariya). *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 8. No. 3: 422–431. DOI: 10.22378/he.2023-8-3.422-431 (In Tat.)

REFERENCES

Abdullina A.R. (1998) *Tatar children's book of the early 20th century: 1901–1917*. Diss. Cand. Philology Sc. Kazan. (In Russ.)

Gaynullin M. (1988) *Stars of hope*. Kazan: Tatar Book Publ. (In Tat.)

Mäkhmütova A.Kh. (2012) *The Time has come: Let us rise: essays*. Kazan: Tatar Book Publ. (In Tat.)

Mothers of the nation: Historical, documentary and biographical collection (2012). Comp. and author A.Kh. Mäkhmütova. Kazan: Jyen Publ. (In Tat.)

The Tatar encyclopedia. (2008) Vol. 4. M–P. Kazan: Tatar Encyclopedia Institute Publ. (In Russ.)

About the author: Alsou A. Zinnatullina, Research Fellow at the Center of History and Theory of National Education, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); jamash.00@mail.ru

Received July 24, 2023

Accepted for publication September 11, 2023

ЯМАШИРМӘ АВЫЛЫ МӘКТӘБЕНӘ – 120 ЕЛ

Х.З. Баһаветдинова

Татарстан Республикасы Фәннәр академиясенең

Ш. Мәрҗани исемендәге Тарих институты

Казан, Россия Федерациясе

halida12_61@mail.ru

Фәнни мәкалә бүгенге көндә Ямаширмә урта гомуми белем бирү мәктәбенең 120 еллык тарихына багышлана. XX йөз башында Казан өязенең Ямаширмә авылында рус-татар мәктәбе (училищесы) ачылу, сугыш чорындагы мәктәп тормышы, совет укыту системасы, мәктәпнең төрле баскычлары, яшәеше һәм үсеше күрсәтелә. Мәктәп ачылуда авыл мулласы Фазлыйәхмәт Хәмзиннең роле, Казан татар укытучылар мәктәбен тәмамлап, 1903–1908 елларда мәктәптә укыткан Габделкаюм Коләхмәтовның, 1911–1932 еллардагы директор «учитель Габдулла»ның эшчәнлегә өйрәнелде. Мәкалә техник фәннәр кандидаты Р.Ә. Шакиржановның «Ямаширмә мәктәбе – мәҗрифәт чишмәсе» дип аталган хезмәтен кулланып, Татарстан Республикасы Дәүләт архивында сакланган чыганаclar белән тулыландырып язылды.

Ачыкч сүзләр: Ямаширмә мәктәбе, мәгариф, Казан өязе, мулла Ф.Хәмзин, Габделкаюм Коләхмәтов, сугыш еллары, «учитель Габдулла».

Казан арты тарихына караган гыйбрәтле сәхифәләрнең бер өлешен үзенә сәндәргән авылларның берсе – хәзерге Биектау районына кергән Ямаширмә авылы. Авыл мәктәбенең 120 еллык тарихы бар. Бүгенге көндә авыл, мәктәп тарихы яхшы өйрәнелгән дияргә мөмкин (Салихов, Хайрутдинов, 1999: 205–206; Гарипова, 2003: 180–185; Шакиржанов, 2005; Баһаветдинова, 2009: 190–194), эзләнүләр дәвам итә һәм яңа материаллар да табылып тора.

Татар халкы элек-электән аң-белемгә, зыялылыкка омтылып яшәгән, укымышлы кешеләрне хөрмәт иткән, гыйлемгә тартылган. Ямаширмә авылы да мәҗрифәтле затларга бай булган, мэдрәсәләрдә яңа тип укыту системасын урнаштыру өчен һәрвакыт көрәш барган.

Татарстан республикасы Дәүләт архивында Казан өязе Чыпчык волосте Ямаширмә авылында 1903 елның 10 февралендә Икенче рус-татар училищесы (шулай аталып йөртелгән) ачылуын раслаучы эш кенәгәсе саклана (ТР ДА. 119 ф. 1 тасв. 780 эш). XX йөз башында Казан өязе татар авылларында беренчеләрдән булып ачылган шундый мәктәп була бу.

Казан татар укытучылар мәктәбен (КТУШ) тәмамлаган Сөләйман Искәндәров, Габделкаюм Коләхмәтов, Нигъмәтжан Таһиров, М.Дашкиннар инкыйлабка кадәр Ямаширмә авылы мәктәбендә укыталар.

1903 елның гыйнварында Ямаширмә авылына вакытлыча укытучы итеп Казанда татар укытучылар мәктәбен тәмамлаган мөгаллим Сөләйман Искәндәров билгеләнә. Бина булмау сәбәпле Закир исемле крестьянның өендә 10 укучы белән мөгаллимлек эшен башлап жибәрә. Соңрак Зәйнулла Гыйззәтуллин һәм аның улы Мөхәммәтвафа Зәйнуллин өендә укытуны дәвам итә (ТР ДА. 119 ф. 1 тасв. 780 эш. 18 кгз.).

Әле махсус бина төзелгәнче үк Казан өязе земство идарәсе укыту эшенә һәм укытучыга хезмәт хакы түләү өчен акча бүлеп бирә. 1903 елда дәүләт карамагына күчкән уку йортын финанс ягыннан тәмин итү эшнә шактый жиңеләйтә.

1903 елның 27 августында укытучы итеп елга 300 сум хезмәт хакы белән Габделкаюм Юныс улы Коләхмәтов билгеләнә (ТР ДА. 119 ф. 1 тасв. 780 эш. 58 кгз.). Ул 1884 елда Пенза шәһәрәндә Юныс Мөхәммәтжан улы Коләхмәтов гаиләсендә туа. Габделкаюм – күренекле татар әдибе Гафур Коләхмәтовның энесе. Татар әдәби-мәдәни тормышының үзәгендә кайнаган Гаяз Исхакый, Хөсәен Ямашев, Галимжан Сәйфетдиновлар белән бергә укыган яшь педагог Ямаширмә авылына килү белән жиң сызганып эшкә керешә. Нәкъ менә аның тырышлыгы һәм Фазлыйәхмәт имам-хатыйбның финанс мәсьәләсендә жаваплылыкны үз өстенә алуы нәтижәсендә, аерым мәктәп ачуга рөхсәт бирелә.

Габделкаюм Коләхмәтов өяз земство идарәсенә язган хатында мәктәпнең йорт бинасы кысан булуын һәм укучылар саны арта баруын, аларның тирә-юньдәге авыллардан да, хәтта Казанның Апанай мәдрәсәсеннән дә килүләрен хәбәр итә (ТР ДА. 119 ф. 1 тасв. 780 эш. 66 кгз.).

Махсус уку бинасы булдыру көн тәртибенә куела. Бу эшнә алдынгы карашлы имам-хатыйб, мөгаллим Фазлыйәхмәт Хәмзин үз өстенә ала һәм земство өяз идарәсенә язган хатында үзенә “гарант” булачагын белдерә (ТР ДА. 119 ф. 1 тасв. 780 эш. 78 кгз.). Аның тырышлыгы белән укыту 1904 елдан яңа бинада башлана. Училищелар инспекторы Федор Краспорецкий Казан губернасы халык училищелары директорына язган хатында мәктәпнең авыл мулласы Ф.Х. Хәмзиннең тырышлыгы белән ачылганлыгын искә алып, аңарга югары бәя бирә һәм рәхмәт (благодарность) белдерүне сорый: «мәктәп Фазлыйәхмәт Хәмзин мулла кайгыртуы нәтижәсендә ачылган, ул, мәктәп бинасына үзенә йортының иң яхшы өлешен биреп, укытучыны аерым фатир белән дә тәмин итте. Дәрәс, моның өчен ул земстводан елга 150 сум чамасы акча ала, әгәр дә бу түләү исәбенә бүлмәләрне жыештыру, каравылчы кирәклеген дә исәпкә алсак, бу зур акча түгел. Ул мәктәп бинасын үз хисабына жылыта һәм яктырта. Попечитель вазифасында торган мулла Хәмзин мәктәпне тәртиптә тотта һәм төзекләндерүгә бөтен тырышлыгын куеп эшли» (ТР ДА. 160 ф. 1 тасв. 1216 эш. 70 кгз.).

Фәзлийәхмәт Хәмзин күренекле дин әһеле генә түгел (соңрак аңа ахун дәрәжәсе дә бирелә), педагог-реформатор, мәгърифәтче дә.

Гомумән, мәктәп үз яшәешендә төрле хәлләргә дучар була: янгынга да эләгә, кабат-кабат төзелә, үсә, киңәйтелә.

1907 елда Казан өязендә игеннәр уңмый, ачлык була. Габделкаюм Коләхмәтов, Казанда яшәгән сеңелләре Шәмсекамәр һәм Суфия белән киңәшәп, авыл халкына ярдәм итү йөзеннән, Яңа Клуб бинасында (Казан шәһәрендә) хәйрия спектакле куялар. Барлык оештыру эшләрен Габделкаюмның сеңелләре башкара. Габдулла Кариев Гаяз Исхакыйның «Өч хатын белән тормыш» дигән әсәрен хатын-кызлар өчен генә куя. Казан тарихында беренче тапкыр булган бу тамашага чынлап та хатын-кызлар күп килә. 1907 елның 1 февралендә куелган бу спектакль зур уңыш казана. Мыеклар ябыштырып ирләр ролен уйнаган Шәмсекамәр дә, сеңлесе Суфия да үзләрен сәләтле артистка итеп таныталар. Хаклы рәвештә татар театрының атасы саналган Габдулла Кариев аларга рәхмәт әйтә (Биктимирова, 2012: 9). Спектакльдән жыелган 67 сум 19 тиен акчага Габделкаюм Коләхмәтов Ямаширмә авылындагы икмәк пешерү йортынан ипи, Закир Жәләлетдинов лавкасыннан шикәр, чәй, ярма алып авыл халкына тарата (ТР ДА. 1 ф. 4 тасв. 3049 эш, 1–1 кгз.и.я., 4–4 кгз.и.я.). Бу чараның финансы «Казанские губернские ведомости» газетасы битләрендә басылып чыга (Казанские губернские ведомости. 1907. 6 марта).

Габделкаюм Коләхмәтов белем бирү белән беррәттән, авыл халкы арасында агарту һәм аңлату эшләре алып бара. Патша, авыл старосталарын сайлаган кебек үк, халык тарафыннан сайланьрга тиеш һәм гомумән тиздән патша бөтенләй булмаячак, аны халык тарафыннан сайлап куелган кеше алыштырачак дигән фикерләр тарата. Студентлар авыл халкы хокуклары өчен көрәшәләр, ә крестьяннар һич тә аларга булышырга теләмиләр дип, ризасызлыгын да белдерә (ТР ДА. 119 ф. 1 тасв. 780 эш. 86 кгз.). 1908 елның 28 мартында Г.Коләхмәтов өендә тентү уздырыла һәм шактый күләмдә «зарарлы» матбугат жыеп алына (ТР ДА. 1 ф. 4 тасв. 3547 эш. 5–12 кгз.). Габделкаюм сәяси яктан гаепле дип табыла һәм 1908 елның 18 августында ике елга Сембер шәһәренә сөргенгә жиберергә хөкәм ителә (ТР ДА. 1 ф. 4 тасв. 3547 эш. 26 кгз.). Сөргеннән соң озак еллар полиция күзәтүе астында була.

Аның эшен Таһиров Нигъмәтжан Хәснетдин улы дәвам итә. 1910 елның 6 гыйнварында язган хатында Таһиров укучылар саны 50 гә житүен хәбәр итә. Бинаны киңәйтү һәм ярдәмгә икенче укучы кирәк дип тә белдерә (ТР ДА. 119 ф. 1 тасв. 780 эш. 101 кгз.). 1910 елда Казан губернасы Казан өязе халык училищелары инспекторы Я.Д. Кобловны чыгарылыш имтиханнары комиссиясе житәкчесе итеп Ямаширмә авылы мәктәбенә билгелиләр (ТР ДА. 119 ф. 1 тасв. 1116 эш. 7 кгз.и.я.).

1911 елның 11 маеннан Ямаширмә мәктәбе белән житәкчелек итү Габдулла Зәйнуллинга тапшырыла. Әтисе үлгәннән соң балалар йортында тәрбияләнгән Габдулла Ямаширмә мәктәбенә укытучылар хәзерләү курсы тәмамлап килә. Рус теле укытканга, аны авыл халкы «учитель Габдулла» дип йөртә. Инкыйлабка кадәр уку-укыту, оештыру эшләрен Фазлыйәхмәт мулла белән берлектә алып баралар. Соңыннан, 1932–1954 елларда, күрше авыл мәктәпләрен житәкли. Укыткан елларында бик күп медальләр һәм грамоталар белән, «Бөек Ватан сугышындагы хезмәт батырлыгы өчен» медале, 1949 елда Ленин ордены белән бүләкләнә (Шакиржанов, 2005: 86–87).

1914 елда башланган империалистик сугыш, аннан соңгы гражданнар сугышы, 1921 елгы ачлык, колхозлар оешу, тирән тетрәнүләр Ямаширмә авылында читләтеп үтми.

Октябрь революциясеннән соң мәдәният һәм мәгариф белән идарә итү системасы тамырдан үзгәртеп корыла. 1918 елгы закон нигезендә бердәм, барлык кеше дә укый ала торган, укыту ана телендә алып барыла торган яңа совет мәктәбе барлыкка килә. Мәктәп программалары яңадан эшләнә, укучыларда «сыйнфый караш» тәрбияләү максаты куела.

1919 елдан наданлыкны бетерү турында декрет кабул ителә. Авылларда һәм шәһәрләрдә наданлыкны бетерү пунктлары оештырыла. Ләкин авылларда бу эшне кирәк жәелдерү өчен укытучылар да, финанслау мөмкинлеге дә житешле булмый.

1926 елдан Ямаширмә мәктәбе тулы башлангыч белем бирә башлый.

Татар мәктәпләрендә уку-укыту эшләрен оештыруда килеп чыккан кыенлыклардан алфавит алышынып торуну да атарга кирәк. Ничә гасырлар буге «гарәп әлифбасы»н кулланган татар халкы, 1927 елдан гарәп язуы урынына латин алфавитына нигезләнгән «Яңалиф», 1939 елда рус алфавиты язуы – кириллицага күчәргә мәжбүр була.

1936/37 уку елында тулы булмаган урта мәктәптә барлыгы ун сыйныфта 335 бала белем ала. Укучыларның яшьләре: I–IV сыйныфларда – 7 яшьтән 11 яшькә кадәр 170 бала, шуларның 79ы – I сыйныфта укый (79,8%ын 8 яшьлекләр тәшкил итә). V–VII сыйныфларда – 10–16 яшьтәге 165 укучы була (50,3%ы 12–13 яшьтә) (ТР ДА. Р6500 ф. 1 тасв. 1 эш. 30 кгз.и.я.).

1930нчы елларда рус теле дәүләт тарафыннан тормышның барлык өлкәләрендә дә киң кулланышка кертелә. Шулай ук мәгариф системасында да рус теленең ролен үстерү буге алып барыла. 1938 елның 13 мартында кабул ителгән карар¹ моның ачык мисалы. Әлеге карар нигезендә, 1938 елның 1 сентябреннән милли мәктәпләренең 2 сыйныфыннан башлап мәжбүри рәвештә

¹ Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 13.03.1938 г. за №324 «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей».

рус телен укыту кертелә һәм аны укытуга сәгәтләр саны арттырыла. Бөек Ватан сугышы елларында да рус телен өйрәтүгә нык басым ясала (Зиннәтуллина, Садыков, 2017: 163). Татар авылларының күбесендә рус теле укытучылары рус милләтеннән була. Ямаширмә мәктәбендә рус телен Е.К. Осенкова укыта. Биектау районы мәгариф бүлеге житәкчесе Н.С. Еврюжихин үзенең чыгышында Осенкованың татар мәктәбендә рус теле буенча искиткеч нәтижеләргә ирешкәнлеген билгеләп үтә (ТР ДА. Р6500 ф. 1 тасв. 31 эш. 25 кгз.и.я.–26 кгз.).

Бөек Ватан сугышы елларында да укыту эше тукталмый. Ямаширмә урта мәктәбе житәкчесе Нәбиуллинның 1940/41 уку елындагы хисабынан: «Мәктәпнең 2 бинасы бар, укыту татар телендә алып барыла. Барлыгы унөч сыйныф, I-IX сыйныфларда 393 укучы (1-се рус милләтеннән), аларның 147-се яңа укырга керүчеләр, 28-е икенче елга калучылар. Мәктәптә 15 укытучы укыта (I-IV сыйныфларда – 5, V-IX сыйныфларда – 9 укытучы). Музыка, жыр, рәсем, сызым, физкультура һәм хәрби эзерлек дәресләрен бер укытучы алып бара. Тагын бер пионервожатый каралган» (ТР ДА. Р6500 ф. 1 тасв. 9 эш. 26–26 кгз.и.я.). 1943 елдан малайларны һәм кызларны аерым укыту турындагы карар кабул ителә. Укучыларга хәрби-физик тәрбия бирүгә игътибар көчәя: малайлар сафта йөрергә, төз атырга өйрәнәләр.

1940/41 уку елында VIII-X сыйныфлар өчен түләүле уку кертелә. Авыр сугыш елларында тормышны алып бару хатын-кызлар һәм яшүсмерләр жилкәсенә кала. Балаларын укытырга авыл халкының акчасы булмый. Налоглар да түлисе бар бит әле. Мәктәп жидеелык булып үзгәртелә. 1940/41 уку елында унөч сыйныф булса, 1945/46 уку елында тугызга гына кала. Гомуми мәйданы 225 кв.м. булган бинада биш бүлмәдә уку-укыту эшләре алып барыла. Класслар житмәү сәбәпле балалар ике сменада укыйлар, уку бүлмәләре салкын, яктылык житми (ТР ДА. Р6500 ф. 1 тасв. 25 эш. 50–50 кгз.и.я.).

1946 елның яз айларында укучыларның мәктәпкә йөреше 88% тәшкил итә. Районның мәгариф бүлеге утырышында мәктәп директоры Гыйззәтуллина Бану, гомуми укыту законын үтәү өчен матди база тудырырга кирәклеген әйтеп чыгыш ясый. Авылда фронтовик балалары өчен фонд төзелә: бер тонна бәрәңге эзерлиләр һәм фронтовик балаларын иртәнге жылы аш белән тәэмин ителәр. Кызганычка каршы, хөкүмәттән ярдәм күрсәтелми. Киләсе уку елына мәктәпне ремонтлау өчен акча булмый, мәктәп бакчасында зур мәйданда чәчү оештырырга уйлыйлар (ТР ДА. Р6500 ф. 1 тасв. 31 эш. 10–11 кгз.).

1946 елның көзендә мәктәп 120 пот икмәк (1965 кг) һәм 1 гектар жирдән бәрәңге эзерли. 15 июльдә киләсе уку елына 7–15 яшьлек балаларның хисабын алалар. Исемлекне авыл советы утырышында тикшерәләр һәм исемлеккә керми калган балаларны өстиләләр.

Яңа уку елында Ямаширмә мәктәбендә тарих һәм география фәннәнән укытучы булмый. IV сыйныфтан 3 укучы укырга йөрмиләр, колхозда көтү көтәләр. Мәктәптә 20 баланың этиләре сугышта һәлак булган яисә сугыш инвалидлары. Аларның күбесенең кияргә киёмнәре юк. Мохтаж балаларга хөкүмәт тарафыннан ярдәм күрсәтелми (ТР ДА. Р6500 ф. 1 тасв. 31 эш. 56–56 кгз.и.я.).

1948 елны Биектау мәгариф бүлеге юлламасы белән Казаннан укытырга Маһинур Бикмөхәммәт кызы кайта. Яшь укытучы мәктәп янындагы бакчаны гөлбакчага әверелдерә. Шулай булуга да карамастан, 1950 елда Биектау районының РОНО житәкчесе Н.С. Еврюжихин мәктәп бакчасының 3 гектар жир мәйданы була торып, аннан керем рациональ файдаланылмый дип тәнкыйть итә, мохтаж укучыларга матди ярдәм күрсәтелмәгәнлеген ассызык-лый (ТР ДА. Р6500 ф. 1 тасв. 91 эш. 80 кгз.и.я.). 1953 елда исә Ямаширмә мәктәбе, Миннуллина Маһинур тырышлыгы белән, район мәктәпләре арасында беренче урынны алып, ВДНХның 5 бронза медале белән бүләкләнә (Шакиржанов, 2005: 94–95).

1950 елдан Ямаширмә мәктәбен күрше авыллар белән берләштерәләр. Ямаширмә мәктәбендә барлыгы 9 авылдан: Коркачык, Урмат, Кызыл Күл, Авангард, Кызыл Шәрәк, Байкал, Яңа Чишмә, Уралдан килеп укыйлар. Бүгенге көндә бу авылларның күбесе юк инде.

Бу елларда мәктәпнең санитария-гигиена һәм матди-хужалык базасы әле түбән була. Укучыларга физзарядка ясау оештырылса да, табиб тикшерүе үткәрелмәгән. Сыйныф бүлмәләрендә балалар өс киёмнәрендә утырганнар, элгечләр булмый. Парталар балаларның үсеше буенча сайлап алынмаган. Икенче уку бинасында эчке рамнар булмау сәбәпле, бүлмәләрдә температура түбән, түбәнең берничә урыныннан су ага. Ремонтның сыйфаты канәгатьләнерлек булмый.

Шулай да уңай күренешләр дә күзәтелә. Мәктәпнең уку бинасы киңәйтелә, икенче бинада икенче сыйныф бүлмәсе ачыла, мәктәпне жылытырга 50% утын әзерләнә (ТР ДА. Р6500 ф. 1 тасв. 91 эш. 80–80 кгз.и.я.).

Гомумән алганда, мәктәп житәкчеләренә эшләргә жиңел булмый. Өлкә ММБ (милли мәгариф бүлеге) вәкилләре мәктәпләрне еш кына тикшереп торалар. Архивта сакланган хисап, акт документлары шул турыда сөйли. 1953 елны инспектор Х.Х. Хәбибуллина Ямаширмә мәктәбе директоры Х.Ш. Нәбиуллинны тәнкыйть итә: «...асылда мәктәп белән житәкчелек итмәгән, бу эшне мәктәп завучы Шакиржановка тапшырган. ... Әлеге коллективта урта белемле һәм V-VII сыйныфларда эшләүче тугыз яшь укытучыга директор бернинди ярдәм дә күрсәтмәгән» (ТР ДА. Р6500 ф. 1 тасв. 142 эш. 1–17 кгз.и.я.).

1960/61 уку елында Татарстан АССР Югары Советының карары нигезендә мәктәп мәжбүри сигезьеллык укыту системасына, 1966 елдан урта мәктәп бу-

лып үзгәртелә. Бу елларда мәктәпне Мәннапов Рәфкәтә житәкли. «СССРда мәктәпнең тормыш белән бәйләнешен ныгыту һәм халык мәгарифе системасын тагын да үстерү турында»гы закон укытуны хезмәт белән тыгыз бәйләп баруны күздә тотә. Ямаширмә мәктәбәндә «Оста куллар» түгәрәге эшли башлый.

1968 елдан мәктәптә «Сугышчан дан» музей ачыла. Бу юнәлештә эшне тарих укытучысы Мөхәммәтжанов Илдус һәм сугыш һәм хезмәт ветераны, физика укытучысы Шакиржанов Әгълә алып бара. Сугыш вакытында Ямаширмә авылында 146нчы укчы дивизия урнашкан була. Аларның үткән данлы юлын өйрәнәп, музей әгъзалары үзләре дә шушы дивизиянең сугышчан юлы буенча Мәскәү, Брест, Волгоград, Минск кебек герой шәһәрләрдә, Эстониянең Тарту шәһәрәндә булалар, сугыш батырлары белән очрашалар, элементдә торалар (Шакиржанов, 2005: 70).

1978 елда мәктәпнең яна бинасы салынып бетә. Бу елларда мәктәпне математика укытучысы Хәйруллин Әнвәр Госман улы житәкли. 20 еллап эшләү дәверәндә ул көчле, ныклы укытучылар коллективы туплауга ирешә. Аның эшен Ямаширмә мәктәбән тәмамлаган, күп еллар математика укыткан Сафиуллина Фәридә һади кызы дәвам итә. Илдә барган үзгәртеп кору чорында житәкче ролен хатын-кыз башкара.

Алмашка яшь буын килә. Зиннуров Айрат житәкчеләндә мәктәптә «Туган якны өйрәнү» музей төзелә. Укучылар өчен уңайлы шартлар тудырыла, ашханә, заманча кабинетлар, компьютер сыйныфлары булдырыла.

120 ел дәвамында белем учагы булган мәктәп бүгенге көндә дә укучыларга гомуми урта белем бирә, районның алдынгы мәктәпләреннән санала. Сафиуллин Ленар Габделкаюм улы житәкчеләгендәге коллективта 23 югары белемле укытучы (шуларның 11е югары категорияле) укыта, барлығы 157 бала белем ала. 2022 елда мәктәпкә капитал ремонт ясалган. Хезмәт, тормыш иминлегә дәресләре өчен яңа бина төзелгән, парк булдырылган. Балаларга белем алып өчен барлык уңайлыklar тудырылган.

КЫСКАРТЫЛМАЛАР ИСЕМЛЕГЕ

ТР ДА – Татарстан Республикасы Дәүләт архивы

ЧЫГАНАКЛАР

Казанские губернские ведомости. 1907. 6 марта.

ТР ДА. 1 ф. 4 тасв. 3049 эш.

ТР ДА. 1 ф. 4 тасв. 3547 эш.

ТР ДА, 119 ф. 1 тасв. 780 эш.

ТР ДА. 119 ф. 1 тасв. 1116 эш.

ТР ДА. 160 ф. 1 тасв. 1216 эш.

ТР ДА. Р6500 ф. 1 тасв. 1 эш.

ТР ДА. Р6500 ф. 1 тасв. 9 эш.
ТР ДА. Р6500 ф. 1 тасв. 25 эш.
ТР ДА. Р6500 ф. 1 тасв. 31 эш.
ТР ДА. Р6500 ф. 1 тасв. 91 эш.
ТР ДА. Р6500 ф. 1 тасв. 142 эш.

ӘДӘБИЯТ

Баһаветдинова Х.З. Ямаширмә авылында дин һәм мәҗрифәт торышы (XIX–XX гасыр башы) // Гасырлар авазы–Эхо веков. 2009. №1. 190–194 бб.

Биктимирова Т.Ә. Кызлар язмышы – милләт язмышы // Хәтерләрне яңартыйк. Казан: ТР ФАнең Ш.Мәржани ис. Тарих институты, 2012. 6–11 бб.

Гарипова Ф. Хәтеремнән чыкмый һич тә. Казан: Татар. кит. нәшр., 2003. 191 б.

Зиннәтуллина А.Ә., Садыков Ш.Ф. Совет мәгарифе: татарлаштырудан үзәкләштерүгә таба (1938–1958) // Татар педагогик фикере тарихы. Казан: ТФА Ш.Мәржани исем. Тарих институты, 2017. 163–176 бб.

Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р.Р. История мусульманских приходов Высокогорского района // Очерки истории Высокогорского района Республики Татарстан. Казань, 1999. С. 205–206.

Шакирҗанов Р.Ә. Ямаширмә мәктәбе – мәҗрифәт чышмәсе. Татар мәгарифенең үсеш юллары. Казан: «Новое знание» ЯАЖ, 2005. 204 б.

Автор турында белешмә: Баһаветдинова Халидә Зиннәт кызы, Идел буе һәм Урал алды тарихы бүлеге фәнни хезмәткәре, Татарстан Республикасы Фәннәр академиясенең Ш. Мәржани исемендәге Тарих институты (420111, Батулин ур., 7А, Казан, Россия Федерациясе); halida12_61@mail.ru

Редакциягә керде 01.09.2023

Кабул ителде 20.10.2023

ЯМАШУРМИНСКОЙ СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЕ – 120 ЛЕТ

Х.З. Багаутдинова

Институт истории им. Ш. Марджани

Академии наук Республики Татарстан

Казань, Российская Федерация

halida12_61@mail.ru

Статья посвящена 120-летней истории Ямашурминской средней общеобразовательной школы. В ней рассматривается открытие в начале XX в. русско-татарского училища в селе Ямашурма Казанского уезда, положение школы в военные годы, образовательная система в советское время, ступени школьного обучения, жизнь и развитие учебного заведения. Изучена роль муллы Ф.Хамзина в открытии школы, деятельность преподававшего здесь в 1903–1908 гг. воспитаника Казанской татарской учительской школы Г.Кулахметова, а также занимающего должность директора в 1911–1932 гг. «учителя Габдуллы». Статья подготовлена на основе документов Государственного архива Республики Татарстан и книги кандидата технических наук Р.А. Шакирзянова «Ямашурминская школа – источник просвещения».

Ключевые слова: Ямашурминская школа, образование, Казанский уезд, мулла Ф.Хамзин, Г.Кулахметов, годы войны, «учитель Габдулла».

Для цитирования: *Баһаветдинова Х.З.* Ямаширмә авылы мәктәбенә – 120 ел // Историческая этнология. 2023. Т. 8. № 3. С. 432–441. DOI: 10.22378/he.2023-8-3.432-441

Сведения об авторе: Багаутдинова Халида Зиннатовна, научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); halida12_61@mail.ru

Поступила 01.09.2023

Принята к публикации 20.10.2023

120th ANNIVERSARY OF YAMASHURMA RURAL SCHOOL

Kh.Z. Bagautdinova

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Kazan, Russian Federation

halida12_61@mail.ru

The article is dedicated to the 120-years-old history of the Yamashurma secondary school. The paper discusses the opening of the Russian-Tatar school in the village of Yamashurma, Kazan Uyezd, at the outset of the 20th century, the situation at the school during the war years, the educational system in the Soviet times, the stages of school curriculum, and overall the life and development of the educational institution. The study highlights the role of mullah F. Khamzin in the opening of the school, the work of G. Kulakhmetov, a graduate of the Kazan Tatar Teachers School, who taught here in 1903–1908, and also “teacher Gabdulla” who held the position of the school headmaster in 1911–1932. The study is based on the documents from the State Archive of the Republic of Tatarstan and the book by R.A. Shakirzyanov, Candidate of Technical Sciences, “Yamashurma School is a spring of enlightenment”.

Keywords: Yamashurma school, education, Kazan Uyezd, mullah F. Khamzin, G. Kulakhmetov, years of war, “teacher Gabdulla”.

For citation: Bahavetdinova Kh.Z. (2023) 120th anniversary of Yamashurma rural school. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 8. No. 3: 432–441. DOI: 10.22378/he.2023-8-3.432-441 (In Tat.)

REFERENCES

Bahavetdinova Kh.Z. (2009). The state of religion and education in Yamashirma village (19th – early 20th centuries). *Gasyrlar avazy – Ekho vekov* [Echo of Centuries]. No. 1: 190–194. (In Tat.)

Biktimirova T.Ä. (2012). The fate of a girl is the fate of a nation. In: *Khäterlärne yañartıyq* [Refresh your memories]. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences: 6–11. (In Tat.)

Garipova F. (2003). *Don't forget you, dear land*. Kazan: Tatar Book Publ. (In Tat.)

Salikhov R.R., Khayrutdinov R.R. (1999). The history of Muslim parishes in the Vysokogorsk Region. In: *Essays on the history of the Vysokogorsk Region of the Republic of Tatarstan*. Kazan: 205–206. (In Russ.)

Shakirǵanov R.Ä. (2005). *The Yamashurma school is a spring of enlightenment. Ways of development of Tatar education*. Kazan: New Knowledge Publ. (In Tat.)

Zinnätullina A.Ä., Sadyikov Sh.F. (2017). Soviet Education: from Tatarization to centralization (1938–1958). In: *The History of the Tatar Pedagogical Thought*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences: 163–176. (In Tat.)

About the author: Khalida Z. Bagautdinova, Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); halida12_61@mail.ru

Received September 1, 2023

Accepted for publication October 20, 2023

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

УДК 94(470+571)

**РЕЦЕНЗИЯ НА СБОРНИК СТАТЕЙ «СОЦИАЛЬНОЕ
И НАЦИОНАЛЬНОЕ В СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ: К 65-ЛЕТИЮ
ДЕКАДЫ ТАТАРСКОГО ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ В МОСКВЕ»
(КАЗАНЬ: ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ИМ. Ш. МАРДЖАНИ АН РТ, 2022. 436 С.)**

Е.В. Камаева

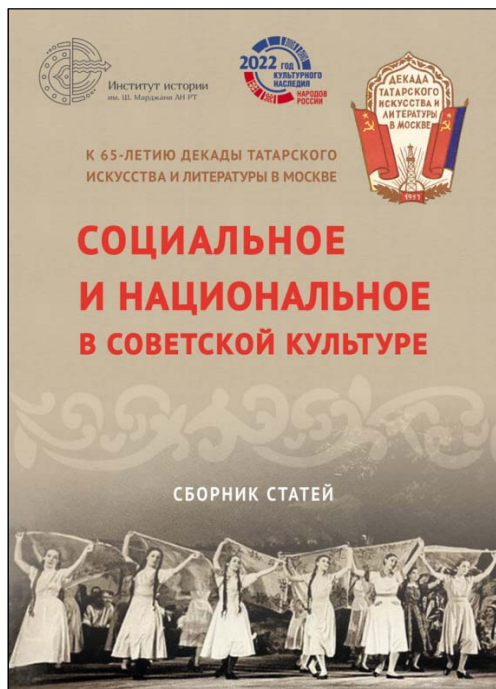
*Казанский государственный
архитектурно-строительный университет
Казань, Российская Федерация
bureeva27@yandex.ru*

В статье представлена рецензия на сборник, посвященный 65-летию декады татарского искусства и литературы в Москве. В сборник вошли статьи исследователей, представленные на международной научной конференции. Авторы раскрыли широкий круг научных проблем, связанных с эволюцией национальной культуры на протяжении XX века, процессами культурогенеза и социогенеза национальных культур. Отдельный раздел сборника посвящен вопросам популяризации и сохранения национальных культурных традиций, их интеграции в современное пространство. Интерес представляют исследования, посвященные трансформации системы управления в сфере культуры. Источниковую базу ряда статей составили архивные материалы и документы личного происхождения, представленные фотографиями и интервью.

Ключевые слова: сборник статей, национальная культура, Декада татарского искусства и литературы в Москве.

Для цитирования: *Камаева Е.В.* Рецензия на сборник статей «Социальное и национальное в советской культуре: к 65-летию декады татарского искусства и литературы в Москве» (Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2022. 436 с.) // Историческая этнология. 2023. Т. 8. № 3. С. 442–447. DOI: 10.22378/he.2023-8-3.442-447

Сохранение национальных традиций народов России является неотъемлемой частью современной культурной политики страны. Традиционная культура – важная составляющая духовного и культурного пространства любого народа, основа формирования национального самосознания.

На протяжении всего периода своего существования Советский Союз, включавший в себя представителей разных народов, пытался выстраивать интернациональную культурную политику, в которой переплелись народные традиции, национальные особенности и советская система ценностей. Как отмечали лекторы общества «Знание», советская культурная политика была социалистическая по содержанию и национальная по форме. С этой целью политическим руководством страны активно использовались разные формы работы, такие как фестивали, конкурсы, смотры и декады национальных культур. Переосмысление и анализ советского опыта чрезвычайно актуален и востребован в современной России. В октябре 2022 г. состоялась Междуна-

родная научная конференция «Социальное и национальное в советской культуре: к 65-летию Декады татарского искусства и литературы в Москве» (24 мая – 4 июня 1957 г.), организованная Институтом истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. Ее целью стало изучение важных процессов социогенеза и этногенеза советской и национальной культуры, форм межрегиональных коммуникаций и популяризации культурных и духовных ценностей в современном обществе. Материалы этой конференции легли в основу рецензируемого сборника¹.

Название сборника отражает задачи, поставленные организаторами конференции, которые предлагают рассмотреть советскую культуру не только сквозь призму национальных традиций, но и как способ социального взаимодействия между властью и обществом, а также различными слоями общества. Национальная и социальная культура находятся в тесной взаимосвязи, выполняя похожие функции коммуникации, создания норм, символов и ценностей, регулирующих отношения в различных сферах, играют значительную роль в процессе формирования мировоззрения человека. (Мерзлякова, 2009: 98).

В соответствии с заявленной темой конференции статьи авторов сборника объединены в три тематических раздела.

Самый большой раздел сборника «Советская идентичность: социальное и национальное» составили 20 статей, в которых представлен материал по отдельным проблемам развития культуры и системы образования в национальных регионах Советского Союза. Разные по тематике, хронологии и географии статьи раскрывают механизм включения национальных традиций в советскую сис-

¹ См. электронную версию сборника: <http://татаровед.рф/libraries?utf8=✓&search=Социальное+и+национальное&button=search>

тему ценностей, процесс формирования научных и культурных школ и системы образования.

Авторы отмечают, что национальная культура и система образования Туркменистана, Узбекистана и Башкирии претерпела изменения на протяжении XX века, развиваясь в контексте советской идеологии, при этом сохраняя материальные и духовные ценности народов. В статье С.А. Заельской приводятся данные, свидетельствующие о значительном развитии театрального искусства Башкирии и Удмуртии в 1960–1980-х гг., большой посещаемости театров и привлекательности театрального искусства. Автор видит причину этого в том, что несмотря на то, что основу репертуара составляли произведения на современные советские темы, в нём использовались народные традиционные мотивы, а постановки шли на всех национальных языках. (Заельская, 2022: 132) В статьях И.А. Комиссаровой и Ю.Ю. Цыкиной предлагаются апробированные современные способы популяризации и сохранения культурных традиций посредством музеев, Домов народного творчества, этнографических экспедиций и фестивалей. Авторы делают акцент на необходимости исследований межкультурной коммуникации на основе диалога языков и культур, что очень актуально в современном обществе в условиях глобализации.

Второй раздел сборника «Тенденции, противоречия и результаты национальной культурной политики ТАССР» объединил статьи, раскрывающие картину культурной жизни Татарской АССР. Открывающая раздел статья А.Г. Галлямовой анализирует этапы советской культурной политики и ее влияние на развитие национальной культуры. Автор отмечает, что Декада 1957 г. сыграла особую роль в утверждении татарской идентичности в советском континууме (Галлямова, 2022: 190). Статья Ф.Ф. Мардановой позволяет проследить становление системы управления культурой и сложный процесс взаимодействия государственных органов в ТАССР.

Ряд статей на основе документов личного происхождения раскрывают вклад представителей творческих союзов в развитие национальной культуры: писателя Ш. Камала (автор Г.Р. Зигангирова), архитектора И.Г. Гайнутдинова (авторы Н.С. Киносьян, А.Ю. Михайлов), художника Х.А. Якупова (автор И.И. Халикова). О подготовке национальных кадров в системе музыкального образования и формировании композиторской школы говорится в статье И.Н. Суетина. Определенный интерес представляет статья Р.О. Абиловой, в которой раскрывается социокультурный облик села республики через призму семейных фотографий.

Третий раздел «Триумф татарской культуры в столице СССР: от несостоявшейся Декады 1941 года к успеху Декады 1957 года» тематически объединил статьи, в которых освещаются мало известные страницы подготовки к Декаде 1941 г. и Декаде 1957 г. В статье Л.Р. Петровой представлен процесс работы над созданием балета «Шурале» и оперы «Алтынчеч», которые должны были открывать Декадные мероприятия 1941 г. Несмотря на то, Великая Отечественная война не позволила декаде состояться, тем не менее, премьерные показы

прошли в 1941 г. и 1942 г. Опера «Алтынчеч» и балет «Шурале» заняли достойное место в «золотом фонде» татарского музыкального искусства. Д.Д. Хисамова отмечает, что Декада татарского искусства и литературы в Москве 1967 г. стала своеобразным катализатором для дальнейшего развития и последующего расцвета искусства скульптуры в республике в 1960–1980-е гг. Выдающиеся произведения были созданы при непосредственном участии скульптора Садри Ахуна.

Эта мысль продолжается в статье Р.В. Шайдуллина. Автор пишет, что подготовка к Декаде активизировала художественную самодеятельность, в основу номеров которой были положены народные сюжеты и национальные мотивы. Также он отмечает, что сегодня самой популярной формой этнокультурного воспитания молодежи являются фестивали и праздничные мероприятия, в рамках которых происходит трансляция гуманистических ценностей, заложенных в национальных культурных традициях. (Шайдуллин, 2022:359)

Четвертый раздел сборника составили 50 источников, представленных документами центральных и федеральных архивов, а также материалами периодической печати, которые дополняют и иллюстрируют фактический материал научных докладов. 28 документов позволяют воссоздать хронологию событий и условия, в которых происходила подготовка к Декаде 1941 г. Это Постановления СНК Татарской АССР, переписка с Управлением по делам искусств при СНК РСФСР, статьи в газете «Красная Татария», которые позволяют говорить о большом значении Декады для творческих коллективов республики, активно включившихся в подготовительную работу. Все 11 театров республики должны были представить свои постановки, многие из которых специально создавались для показа на московских сценах.

22 документа отражают процесс подготовки к Декаде 1957 г., которая проходила в более сложных условиях развенчания культа личности, когда не были четко сформулированы новые идеологические установки и представители творческих союзов находились в состоянии поиска тем для выступления. Переписка правления Союза советских писателей Татарской АССР с партийными органами власти и творческим союзом СССР свидетельствует о том, что первые обращения с просьбой о проведении Декады татарской литературы поступали уже в 1950 г. При этом первыми в процесс подготовки к мероприятию включились самодеятельные музыкальные и театральные коллективы республики. Статьи газет «Советская Татария» и «Правда» наглядно демонстрируют большой успех Декады и интерес, который вызвали произведения татарского искусства у московской публики.

Таким образом, в материалах сборника представлен глубокий анализ советского опыта сосуществования и взаимодействия национальных культур, который позволяет говорить о прямой исторической преемственности этнокультурных процессов в Российской Федерации.

Материалы сборника являются востребованными, актуальными и имеют большое научное-теоретическое и прикладное значение.

Сборник научных статей отвечает современным требованиям и будет полезным для ознакомления специалистами, преподавателям, студентам вузов и всем интересующимся историей культуры народов России.

ЛИТЕРАТУРА

Галлямова А.Г. Татарская культура в советский период: процессы социо-, формо-, этногенеза // Социальное и национальное в советской культуре: к 65-летию Декады татарского искусства и литературы в Москве: сб. статей / отв. ред. *И.И. Ханипова*. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2022. С. 189–198.

Заельская С.А. Профессиональное театральное искусство автономных республик Урала в поздний советский период (1964–1984 гг.) // Социальное и национальное в советской культуре: к 65-летию Декады татарского искусства и литературы в Москве: сб. статей / отв. ред. *И.И. Ханипова*. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2022. С. 131–140.

Мерзлякова И.В. Социальная культура как основа социального благополучия человека и общества // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. 2009. № 4(27). С. 97–100.

Шайдуллин Р.В. Фестивали в контексте межрегиональной коммуникации и популяризации национальных традиций народов Татарстана (1990–2020 гг.) // Социальное и национальное в советской культуре: к 65-летию Декады татарского искусства и литературы в Москве: сб. статей / отв. ред. *И.И. Ханипова*. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2022. С. 358–368.

Сведения об авторе: Камаева Елена Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, Казанский государственный архитектурно-строительный университет (420043, ул. Зеленая, 1, Казань, Российская Федерация); bureeva27@yandex.ru

Поступила 12.07.2023

Принята к публикации 05.10.2023

REVIEW OF THE COLLECTION OF ARTICLES “SOCIAL AND NATIONAL IN SOVIET CULTURE: TO THE 65TH ANNIVERSARY OF THE DECADE OF TATAR ART AND LITERATURE IN MOSCOW” (KAZAN: MARJANI INSTITUTE OF HISTORY OF THE TATARSTAN ACADEMY OF SCIENCES, 2022. 436 P.)

E.V. Kamaeva

*Kazan State University of Architecture and Civil Engineering
Kazan, Russian Federation
bureeva27@yandex.ru*

The article presents a review of the collection dedicated to the 65th anniversary of the Decade of Tatar Art and Literature in Moscow. The collection includes articles by researchers presented at an international scientific conference. The authors revealed a wide range of academic problems related to the national culture evolution throughout the twentieth century and the processes of cultural genesis and sociogenesis of national cultures. A separate section of the collection is devoted to the issues of popularisation and preservation of national cultural traditions, their integration into the modern space. The studies devoted to the transformation of the management system in the field of

culture are of particular interest are. The source base for a number of articles consisted of archival materials and documents of personal origin, represented by photographs and interviews.

Keywords: collection of articles, national culture, Decade of Tatar Art and Literature in Moscow.

For citation: Kamaeva E.V. (2023) Review of the collection of articles “Social and National in Soviet Culture: to the 65th anniversary of the Decade of Tatar Art and Literature in Moscow” (Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2022. 436 p.). *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 8. No. 3: 442–447. DOI: 10.22378/he.2023-8-3.442-447 (In Russ.)

REFERENCES

Gallyamova A.G. (2022) The Tatar culture in the Soviet period: Processes of socio, formo-, ethnogenesis. In: I.I. Khanipova (eds.) *Social and national in Soviet culture: to the 65th anniversary of the Decade of Tatar art and literature in Moscow*: Collection of articles. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences: 189–198. (In Russ.)

Zaelskaya S.A. (2022) Professional theatrical art of the autonomous republics of the Urals in the late Soviet period (1964–1984). In: I.I. Khanipova (eds.) *Social and national components in the Soviet culture: To the 65th anniversary of the Decade of Tatar Art and Literature in Moscow*: collection of articles. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences: 131–140. (In Russ.)

Merzlyakova I.V. (2009) Social culture as the basis for the social well-being of a person and society. *Uchenyye zapiski Zabaykal'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta im. N.G. Chernyshevskogo* [Scientific notes of N.G. Chernyshevsky Trans-Baykal State Humanitarian Pedagogical University]. No. 4(27): 97–100. (In Russ.)

Shaydullin R.V. (2022) Festivals in the context of inter-regional communication and popularisation of national traditions of the peoples of Tatarstan (1990–2020). In: I.I. Khanipova (eds.) *Social and national components in the Soviet culture: To the 65th anniversary of the Decade of Tatar Art and Literature in Moscow*: collection of articles. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences: 358–368. (In Russ.)

About the author: Elena V. Kamaeva, Cand. Sc. (History), Associate Professor at the Department of History and Philosophy, Kazan State University of Architecture and Civil Engineering (1, Zelenaya St., Kazan 420043, Russian Federation); bureeva27@yandex.ru

Received July 12, 2023

Accepted for publication October 5, 2023

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.

Любое использование материала данного издания (размещение
в Интернете, перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
is a holder of exclusive property rights of its own publications.
Any use of the material of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.),
in whole or in part, without permission of the rights holder is prohibited.

<https://historicaethnology.org>

E-mail: his.ethnology@gmail.com

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ. 2023. Том 8. № 3
Сетевое издание

HISTORICAL ETHNOLOGY. 2023. Vol. 8. No. 3
Online media

Компьютерная верстка – *Л.М. Зигангареева, А.Р. Тухватуллина*

Оригинал-макет подготовлен
в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ
420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А

Дата выхода в свет 04.12.2023 г.

Формат 60×84 ¹/₈

Свободная цена